

Анархический Вестник

№ 3 - 4

Сентябрь - Октябрь

1923 г.

5экз

АНАРХИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(DER ANARCHISTISCHE BOTE)

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННЫХ АНАРХИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

№3-4

Переписку по делам редакции, рукописи и пр. направлять по адресу:
R. Borgmann, für „A. B.“, Paradiesstr. 14, Bohnsdorf b/ Grünau (Mark), Deutschland (Berlin)

Сентябрь-
Октябрь
1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Последний обман	Волин. 1	Русское обозрение: Хозяйственная политика большевизма. П. Аршинов. 30 О положении пролетариата в С. С. С. Р. Г. Н. 34
Положительные задачи анархизма: Проблема производства и потребления в социаль- ной революции (Статья II) П. Аршинов. 4 Некоторые вопросы революции Гуго Трой. 7		Исторический отдел: Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших дней. Очерк III Гуго Трой. 87 Трагедия Николаевская на Амуре (Окончание) М. Володин. 42
Объединенный анархизм: О синтезе (Статья I) Волин. 13 Не дробите ваших сил! С. Горбунов. 19		П. Л. Лавров, как соц.-рев. мыслитель. И. З. Штейнберг. 44
Анархизм и русская революция: Анархизм в русской революции Л. Липоткин. 20		Литературный отдел: Политический преступник Макс Вилклер. 49 О религии Рабочий. 50 В кэффе Густав. 51 1914—1915. Буря } (стихотворения) В. Э. 52 После бури
Записки Нестора Махно (Продолжение) 23		Среди книг в журналах 53
Вакунизм и Махновщина Д. Сантильян. 23		Вести из России 56
Об индивидуализме (Очерк II) Ефрем Полонский. 26		Из разных стран: Германия, Франция, Испания, Болгария Италия, Аргентина, Япония 60

ПОСЛЕДНИЙ ОБМАН

Не так давно, вся немецкая (да и не одна только немецкая) печать много места и внимания уделяла приобретшим характер сенсации переговорам между некоторыми германскими «правыми» кругами и «левыми» элементами (коммунистами): переговорам о возможности известного сближения и совместных действий на почве признаваемой теми и другими необходимости активной борьбы за национальное освобождение и возрождение побежденной и раздавленной Германии. Граф Ревентлов и К. Радек, комментарии к их позиции, цитаты из их статей и речей долгое время не сходили со столбцов газет. Чуть не каждая их фраза подхватывалась и перетолковывалась на все лады... Многие, — как с той, так и с другой стороны, — были несказанно удивлены, почти шокированы. Иные пытались отыскать в событии тот или другой сокровенный смысл. Но мало кто отдавал себе ясный отчет в подлинной сущности события.

Между тем, оно чрезвычайно характерно и красноречиво. Не менее характерно и красноречиво, чем явление «сменовехства» в русской среде.

В нынешней социальной буре — для буржуазных классов вопрос идет, по существу, об одном: о том, чтобы, так или иначе, во что бы то ни стало остаться на положении господ, то-есть какой бы то ни было ценой *продолжать пользоваться и распоряжаться подневольным трудом*, продолжать держать трудовые массы в повиновении и эксплуатировать их.

Задача эта может быть решена в разных странах и случаях различно, в зависимости от тех или иных — исторических, политических и других — наличных условий и предположек. Но *методы* ее решения остаются все те же, хорошо знакомые нам истари: *насилие и обман*, — в той или другой «пропорции»; или же — один из них, смотря по выбору, по обстоятельствам и возможностям.

При этом, *насилие* остается, по существу, тем, чем оно было всегда: го́лым актом физической силы, пользующейся и действующей всеми доступными ей средствами, — огнем и мечом, тюрьмой, террором, штыком, гильотиной, пулеметом. С течением времени — с развитием техники и общим «прогрессом» — меняются не столько формы насилия (напр., некоторое «юридическое» прикрытие некоторых актов насилия), сколько лишь его орудия, переходя от менее совершенных и массовых к более совершенным и массовым.

Значительно сложнее обстоит дело с *обманом*. Меняются не только его орудия и формы (напр., школа, печать и пр., вместо прежних примитивных способов), но и самое его содержание, его существо. Последнее искусно приспособляется к новым, возникшим в процессе общественного развития, условиям.

В доброе старое время обман носил, преимущественно, религиозно-кастовый характер. Массам внушалось, что существование белой и черной кости раз навсегда установлено божественным порядком вещей и изменено быть не может. Короли, князья, дворянство, знать, аристократия, духовенство — таковы необходимые, свыше освященные организаторы, устроители и наставники «простого народа», блюстители его труда и благополучия. Чтобы быть возможно более счастливым, народ должен слушаться их, мириться со своим положением и работать. Смирение, покорность и труд вознаграждаются, в особенности, в загробной жизни. Такая «концепция» была, притом, не одним только чистым обманом. Немалая часть самих привилегированных и промежуточных классов искренно верила в нее, что значительно усложняло дело борьбы с нею.

Позднее, когда этот обман, в силу ряда причин, перестал оказывать свое спасительное действие (обломки его, впрочем, существуют до сих пор), — он сменился обманом новым, буржуазно-политическим: фетишем собственности и демократии. Массам внушалось (и, «наперекор стихиям», внушается до сих пор), что принцип собственности есть постоянный, «священный» и «неприкосновенный» принцип природы; и что, будучи дополнен политическим принципом буржуазных «свобод», он дает всякому полную возможность добиться обеспеченного существования и приятной жизни; люди же, которые, в силу ли собственной нерадивости и неуменья, или в силу других — «естественных» — причин, остаются «на дне» жизни и составляют массу «простого народа», — должны мириться со своим положением, стараться терпением и трудом выбраться из него и, во всяком случае, не имеют права восставать против извечного порядка вещей и подрывать «нормальные» устои, «нормальную» жизнь общества. — Обман этот (как и первый) дополнялся обманом националистическим и другими. Вообще же, этот обман был много сложнее первого, носил менее непосредственный, менее примитивный характер. И, как и в первом случае, немалая часть самих привилегированных и промежуточных классов искренно верила в новую «концепцию», чем еще более осложнялась борьба с нею. — В значительной степени под флагом этой концепции шла Великая Французская Революция. И недаром столькие тогдашние аристократы и жрецы, — правильно учтя новую психологию масс и новое положение вещей, поняв, что своим «приятием» его они, по существу, легко сохраняют свои привилегии, — не пожелали заниматься бесплодным поворачиванием колеса истории вспять, «сменили вехи» и приспособились к третьему сословию и его идеологии. —

Ныне и этот обман потерял свое былое значение. И этот фетиш умер или умирает. Никакая ложная концепция в целом не может больше оказывать на массы прежнего прочного чарующего действия, ибо массы осознают теперь *правду*. Ибо мы подошли к эпохе, когда массы могут быть серьезно увлечены, наконец-то, лишь верным в своем существе положением, лишь идеями истины: подлинного равенства, действительной свободы, обобществления капитала и т. д. События в России, в Италии (в 1920 г.) и в других странах ярко подчеркивают это новое положение вещей.

Однако, массы прозрели еще не до конца. Они не поняли в России, — и не понимают еще в ряде других стран, — что внесение принципов *власти* и *государства* сводит на деле к нулю всё великое значение привилегийной идеи. Вслед за созна-

тельными демагогами и слепыми фанатиками ошибочной догмы — «механического» — наследия старых обманов — они пошли в России (и, быть-может, проделают этот опыт в некоторых других странах) этим ложным и гибельным путем: путем организации новой власти и нового государства.

Так, верная общая идея оказалась сорванной. Так, в общую и, на этот раз, верную идею, в *правду* — вплелись два существенных ложных элемента. Их влечение превращает даже эту — платоническую — правду в новый чудовищный, еще более сложный и окольный (хотя, несомненно, и менее прочный) обман масс и приводит на деле снова к порабощению последних: к сохранению касты господ, «организаторов», блюстителей, наставников; к сохранению собственности, подневольного труда, эксплоатации и пр., хотя и под новым и звучащим правдой лозунгом.

И это теперь — единственный, *последний обман*, при помощи которого можно еще рассчитывать более или менее прочно овладеть массами. Так, по крайней мере, рассчитывают наши отечественные «сменовеховцы» и плеяды «новых» русских буржуа, которым русский опыт доказал (раньше, чем многим подлинным «коммунистам») что *такой коммунизм* вырождается лишь в великопепное средство остаться на прежнем положении. Отчего же, в таком случае, с ним так или иначе не спеться, раз на все другие возможности надежд почти не остается?..

К аналогичному выводу приходят буржуа в некоторых других странах, идя, подобно многим французским аристократам времен Великой Революции, навстречу деятелям «четвертого сословия».

Правда, в иных местах реакционеры, — из простого ли упрямства и своеобразного «чувства чести», или из недоверия к прочности нового обмана, или, наконец, потому, что в некоторых странах (Италия, Испания) властнический «коммунизм» отнюдь не силен и грядущая революция грозит вылиться сразу же в *полную правду*, пойдя *анархическим* путем, — в иных местах реакционеры предпочитают теперь совсем (то есть, почти совсем) отбросить метод обмана и, отводя ему самую ничтожную роль, ухватываются за метод голого и чистого насилия (фашизм).

Но в Германии, например, этот метод, по многим причинам, сейчас неудобен и рискован...

И вот, там, где «коммунизм» имеет вид прочно водворившегося режима и последний обман выглядит одержавшим решительную победу (Россия), или же там, где тот и другой кажутся имеющими некоторые шансы на успех (Германия), — там правые элементы охотно идут (целиком или в виде пробы) на сделку с новыми, или идущими на смену старым, хозяевами положения — в расчете на то, что такая тактика может их легко и гладко привести к желанной цели, хотя бы и под другим флагом. Не всё ли им равно, в конце концов, какого цвета этот флаг?!

«Коммунисты» зовут — монархисты откликаются. Генералы и сановники Николая и Вильгельма не прочь от Ленина и Радека, раз эти новые короли, вольно или невольно, обещают дать им в руки легкую возможность превратить грозившую серьезную опасность в новый, да еще к тому же и почетный, обман масс. Почему же и не попробовать столкнуться?..

«Сменовеховцам» некоторых стран и цветов может казаться, что пришла новая сила, которая, против их ожидания, спасет их от гибели и вручит им новое прочное оружие для борьбы против грядущей *реальной опасности* — самостоятельного действия масс, не поддающихся больше *никакому* обману.

И они перегруппировывают свои силы...

Остается один — основной — вопрос: удастся ли этому последнему обману, подобно предыдущим, укрепиться на долгие столетия, прочно закабалить массы, или же массы сумеют быстро изжить его и во-время высвободиться из-под нового ярма, разбив попытку закабаления ударами своего, наконец-то, свободного, самостоятельного и решительного действия?

Волин.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ АНАРХИЗМА

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Статья вторая) *)

О ЗАНЯТИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ РАБОЧИМИ

В статье первой мы установили, что основу социальной революции составляет ее положительная творческая сторона; что главной и ближайшей задачей революции является организация всего хозяйства страны — промышленности и земледелия, — на началах равенства и полного самоуправления трудящихся; и что новое производство, чтобы не впасть в буржуазные противоречия, должно быть общим единым производством трудящихся, объединяющим все основные предприятия и основные отрасли труда в одно целое.

Само собою разумеется, что осуществлению этой основной задачи должны предшествовать революционные схватки, революционная борьба трудящихся с капиталом. Нельзя приступить к построению новой экономики и новых общественных отношений, раз не сломлена мощь государства, оберегающего рабский порядок вещей, и раз рабочие в революционном порядке не заняли фабрик и заводов.

Экономика, механизм производства и его работы составляют основу, на которой покоится жизнь и благополучие господствующих классов. Поэтому последние, чтобы предотвратить смертельную для себя опасность социальной революции, с первых же дней движения прибегнут ко всем средствам вооруженной борьбы, находящимся в распоряжении государства. Следовательно, занятие рабочими фабрик и заводов будет всякий раз по необходимости идти одновременно с решительными вооруженными столкновениями их с государственной властью. В этом смысле первые шаги рабочих и крестьян являются наиболее критическим моментом революции. От многолетней подвластности и приниженности трудящимся необходимо будет перейти к активным наступательным действиям. А это не легко. Все робкие, склонные к спокойствию и компромисам силы, тянущиеся в рабочем классе, бу-

дут противиться этому. Они выдвинут многочисленные аргументы, доказывая, что в «данных условиях» социальная революция обречена на неудачу, и в большей или меньшей степени будут тормозить ее ход.

Отметим здесь в немногих словах эту аргументацию против социальной революции, так как всякий раз и в разных странах аргументация эта тяжелой гирей повисает на живом революционном деле трудящихся, мешая его движению. Главными в этой аргументации являются следующие доводы и соображения:

Рабочие в общей своей массе еще не подготовлены к ведению производства своими собственными силами: у них нет необходимых знаний и руководящего опыта. — На фабриках и заводах не имеется достаточно сырья, ввиду чего занятие промышленности рабочими потерпит срыв. — Соседние страны еще не готовы к социальной революции; поэтому революция, начинаемая в одной лишь стране, неизбежно понесет поражение. — Страна не располагает материальным изобилием, а при отсутствии последнего, в революции необходим регламент, регулирующий распределение материальных благ, необходимый распорядок, принуждение, — следовательно, соц. революция в совершенном анархическом виде в настоящее время невозможна.

Эти и многие другие аргументы неизменно выдвигаются всякий раз, когда в мире трудящихся намечается решительное движение в сторону занятия рабочими промышленности.

Не трудно видеть в этих аргументах, во-первых, инстинкт робости, присущий как отдельным индивидам, так и широким массам, а во-вторых, — сознательную игру на этом инстинкте господствующих классов, старающихся обострить тенденцию робости теоретическими и научными соображениями и, таким образом, использовать ее в своих интересах.

Однако, имеющийся у трудящихся револю-

*) См. „А. В.“ № 2.

ционный опыт решительно опровергает и тенденцию робости, и все расчеты, которые на ней строятся против революции.

Во-первых, социальная революция, как акт борьбы и построения нового мира, не терпит и тени робости: она вызывает лишь к активности и смелости. Успех ее зависит не только от организованности трудящихся, но в такой же степени и от их решительности и смелости.

В то же время, имеющийся в настоящее время опыт массовых революционных выступлений и массового творчества категорически опровергает все утверждения о неподготовленности трудящихся к социальному преустройству жизни. Больше чем кому-либо, соображения о неподготовленности ставили на вид трудящимся России. Однако, соображения эти оказались лишенными всякого основания: рабочие и крестьяне России показали себя в полной мере подготовленными и способными к решению основных задач социальной революции. И если бы внутри рабочего класса не оказалось предательства коммунистической партии, использовавшей идеи социальной революции в целях построения большевистской государственности, то, несомненно, главные задачи социальной революции были бы решены в России самими трудящимися.

Больше того. Опыт России подсказывает нам ту простую мысль, что между всякой формой народного хозяйства и трудящимися существует определенная взаимная связь; что существующая та или иная форма хозяйства возможна лишь потому, что участвующие в нем рабочие достаточно подготовлены и в состоянии вести его самостоятельно.

Нельзя ставить занятие промышленности рабочими в зависимость от имеющегося на фабричных складах сырья. Занятие промышленности с целью организовать новое производство на началах самоуправления трудящихся есть дело неизмеримо большее, чем дела с сырьем. Социальная революция, начинающаяся занятием трудящимися фабрик и заводов, не может базироваться на таком случайном обстоятельстве, как большой или меньший запас сырья на фабриках. Она будет базироваться на массовых выступлениях трудящихся, которые станут неотвратимым фактом. Как революция социальная, она с первого же мгновения будет иметь в виду все сырье, имеющееся в стране и нужное промышленно-

сти. Успех занятия фабрик будет поэтому зависеть главным образом от того, насколько рабочие, занявшие фабрики, успеют связаться с районами добывающей промышленности, а также с крестьянским населением, выращивающим и добывающим промышленное сырье.

В этом отношении дооктябрьский и октябрьский период русской революции является для нас поучительнейшим примером, и мы несколько остановимся на нем.

В течение всего лета 1917 г., всякий раз, когда в рабочих массах нарастало движение в сторону занятия фабрик и заводов, политические партии, в том числе и большевики, всеми силами удерживали их от этого шага. Они убеждали, что рабочий класс не в силах будет справиться со всей производственной задачей, и вместо занятия фабрик предлагали ряд полумер, как рабочий контроль над производством и т. п.

Но когда в результате октябрьского движения масс коалиционное правительство было низвергнуто, а новая коммунистическая власть еще не установилась, то большая часть промышленности оказалась непосредственно в руках рабочих. Последние самым ходом вещей повели ее самостоятельно. Производственное дело предстало перед ними во весь рост. Рабочие не ограничивались дорабатыванием бывшего на фабричных складах сырья. Нет, одновременно с последним они энергично заботились о снабжении предприятий новым сырьем. И можно смело сказать, что производственный процесс этого времени не останавливался исключительно благодаря активности и самостоятельности широких фабрично-заводских масс. Государственная администрация большевиков, введенная потом в промышленность декретным порядком, была механически подвешена к неостанавливавшемуся процессу производства. Наша промышленность этого периода представляет собою своеобразное и поучительное явление. Каждая, почти, фабрика имела свою историю. Лишь кропотливый историк, пожелевший вынуть дальше декретных положений о нашей промышленности, мог бы представить нам ее подлинное лицо.

Вероятнее всего, процесс завоевания фабрик и заводов в других странах будет идти так же, как он намечался в дооктябрьские и октябрьские дни в России. Занятие фабрик будет идти параллельно с борьбой за ниспровержение государства.

Однако, неиспровержение государства и занятие промышленности рабочими еще не обеспечивают полного успеха революции. И после этого возможны ошибки, которые сводят на нет революционные достижения трудящихся. Русская революция являет пример такой роковой ошибки. Вместо того, чтобы по свержении власти и занятии промышленности немедленно приступить к организации производства на основе самоуправления, трудящиеся допустили укрепиться новой власти, которая, укрепившись, прибрала к своим рукам всю экономику страны и затёрла намечавшиеся формы самостоятельного управления производством.

Рабочие всех стран, точно также и рабочие России, стоят ныне перед определенным социально - революционным заданием. Они свергали уже правительства и захватывали в свои руки средства и орудия производства. Ныне они должны добавить к этому заключительный акт современной социальной борьбы — сами построить новое хозяйство и новые общественно-экономические отношения. Вне этого трудящиеся не обретут свободы и независимости.

Какими силами воплотят они в жизнь это задание?

Теми силами, на которых держится современное производство, т. е. самими трудящимися и их экономическими организациями.

Однако, в момент революции воля многочисленных политических партий, стремящихся к подчинению себе трудовых масс, выявляется наиболее остро и настойчиво и обычно подчиняет себе трудовые массы, заставляя служить своей программе. Угроза такого подчинения по сию пору висит над рабочим движением разных стран. И здесь возникает вопрос, — что следует делать, чтобы восторжествовала воля трудящихся?

Необходимо, во-первых, укреплять революционные организации трудящихся и, во-вторых, *перенести на них и в рабочую массу всю революционную ориентацию*. В момент революции все лозунги должны свестись к одному — социальная революция через волю трудящихся.

Существуют два понимания революционного процесса. По первому — революция и построение свободного общества есть дело небольших групп профессиональных революционеров; по второму — то и другое является делом самих трудящихся. Первого понима-

ния держится большевизм; второго — анархизм. Вот почему мы, анархисты, волевою энергиею революции не замыкаем в партийные организации, а переносим ее непосредственно в широкую трудовую массу и ее производственные организации. Наша задача пред лицом надвигающейся социальной революции — приложить все усилия к тому, чтобы эта волевая энергия сказалась в массах настолько сильно и законченно, чтобы воли всех политических партийных группировок склонились перед этой массовой волей труда и добровольно пошли бы ей в полное услужение.

Итак, фабрика и завод, трудовая подневольная деревня, производственные организации трудящихся — вот боевые штабы революции. Они должны стать не только ареной революционных действий, но и местом руководства событиями.

Слабость трудовых масс заключается в том, что при своей высокой революционности они остаются слабо организованными, значительно слабее того, что требуется окружающей их враждебной обстановкой. В то время, как буржуазия, а также многочисленные социалистические партии дают на трудящихся единым прекрасно организованным государственным или партийным аппаратом, действующим одновременно по всему фронту социальной борьбы, — в это время рабочие действуют разрозненными массами, благодаря чему, несмотря на их героизм и жертвы, оказываются каждый раз разбиваемы по частям. И так неизменно будет повторяться до тех пор, пока организационно рабочие не сольются в один организм, и пока фабрика и производственный союз рабочих не станут действительно революционным штабом трудящихся, а не слепым орудием в руках партий.

В первые дни победы отдельные фабрики или коллективы фабрик, благодаря разрушению, произведенному революцией и отсутствию общего технического аппарата, вынуждены будут разрозненно вести производство, разрозненно снабжая себя сырьем и производя продукты. Момент этот в революции будет кратковременным. Чем прочнее рабочие будут объединены между собою в революционно-боевом и строительном отношениях, тем быстрее они перейдут от разрозненных хозяйственных начинаний к одному общему производству, объединяющему все отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности в одно целое.

Вопрос управления производством будет,

конечно, решаться не отдельной производственной организацией, имеющейся в данном предприятии или в данной отрасли труда, а всей рабочей массой предприятия или отрасли труда. И это вполне естественно. Существующие производственные (экономические) организации объединяют лишь часть рабочего класса и поэтому не могут взять на себя решения всей производственной проблемы. Их задача — сообща с массой правильно наметить и разрешить эту проблему. Как часть рабочего класса, при том наиболее организованная часть, производственные союзы, а также фабрично-заводские комитеты и аналогичные им органы должны взять на себя лишь инициативу разработки плана нового производства, защиты революции и т. д. и в тесном, органическом сотрудничестве со всей массой проводить намеченное в жизнь. Лишь при таком подходе к решению производственной проблемы невозможно будет насильственное давление (диктатура) одной части рабочего класса над другой.

Русские рабочие, занимая в 1917—18 г. фабрики и заводы, не передавали руководство на них существующим организациям — профес-

юзам или фабрично-заводским комитетам. Всякий раз, когда перед массой вплотную вставал вопрос о перенятии производства в свои руки, вопрос этот решался всей рабочей массой предприятия с участием профсоюзов и фабрично-заводских комитетов; при этом для руководства предприятием создавалось обычно рабочее правление, разбивавшееся на секции — техническую, хозяйственную, секцию по снабжению предприятия сырьем и другие — и действовавшее в строгом соответствии с указаниями всей рабочей массы предприятия.

Родственным образом поступали рабочие Италии во время занятия фабрик и заводов осенью 1920 года.

Нет сомнения, что и в революциях других стран занятие фабрик и заводов и организация нового производства начнется приблизительно таким же образом.

Усилия анархистов, при этом, должны быть направлены на то, чтобы экономическое и общественное строительство всецело сосредоточилось в руках самих трудящихся, а не попало под власть той или иной политической партии.

П. Аршинов.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕВОЛЮЦИИ

Хотя революционный период, начавшийся одновременно с войной, еще не вполне завершил траекторию своей параболы, но в переживаемый нами момент реакция, несомненно, вновь восприняла духом, как прежде. Мы думаем, однако, что если и в России, и в Центральной Европе, и в Италии различные революционные попытки были подавлены реакцией или же реакционной сущностью некоторых яко-бы «революционных» сил; если мы и поныне истекаем кровью в борьбе с реакцией, и если в некоторых местах, — как например, в Италии, — наши враги издают победные клики, то новые и более широкие революционные попытки вскоре послужат им ответом.

Революция еще жива, а главное — дух попыток, произведенных за последние годы, и вытекающие из них поучительные выводы живы более чем когда-либо. Они помогут нам пройти сквозь современную тьму.

Почти вся Европа и часть Южной Америки

прошли в течение последних лет известный фазис революции, — первый фазис социальной революции, открывшейся одновременно с войной.

Мировая война открыла путь для социальной революции, являющейся результатом целого ряда предшествовавших ей революций, каждая из которых означала новый шаг вперед в стремлении человечества к лучшей жизни. Некоторые из этих попыток произошли на наших глазах в большевистской России, в социал-демократической Германии, в Италии и т. д. Другие попытки мы несомненно увидим в более или менее близком будущем. И именно в виду этого будущего, во имя удач грядущих революций, в целях успешного их углубления, мы должны готовиться к ним; ибо многое будет зависеть от нашей деятельности, от деятельности анархистской, и главное — от того, сможем ли мы развить деятельность положительную. Мы убеждаемся в этом на

примере недавних событий, о которых мы только-что упомянули и на которых мы много должны научиться, в которых многое должны учесть и принять к сведению. Мы обязаны положительно учесть их опыт, ибо на истории прошлого мы строим историю настоящего и, следовательно, историю будущего. Мы связаны с прошлым так же, как будущее связано с настоящим; ибо каждый период, каждая эпоха связаны как с предшествовавшими им периодами и эпохами, так и с предстоящими, в одну неразрывную цепь. История не движется скачками, а развивается в постоянной эволюции и революции, — продвигаясь вперед то спокойно, то бурно, но всегда в духе известной связности, известного единства. Поэтому мы не можем, не должны оставлять без внимания того, чему история нас учит, — того, что она нам доказала.

История не повторяется, но отдельные ее периоды представляют известное сходство между собою, как-бы находясь в некотором родстве. В виду того, что она иногда движется зигзагами, может даже возникать впечатление возврата к прежнему, к пережитым формам. Но это — лишь поверхностная иллюзия. По существу, история неуклонно движется вперед. Нелепо было бы пытаться останавливать историю или вернее жизнь, составляющую ее содержание, из страха перед будущим, из страха перед новым, которое должно заменить собою старое и безобразное, — точно так же, как нелепо было бы не всматриваться в прошлое, не учитывать его уроков. Наш долг — среди различных революций направлять жизнь всё время к новым лучшим формам, не забывая об ошибках прошлого, дабы не повторять их и избежать отягощения и затруднения поступательного движения вперед.

Такова одна из функций анархистов в революции.

В целом же — анархистская деятельность не есть и не может быть лишь критической и отрицательной в столь жизненном и активно-созидательном движении, как революция. Поэтому, если критика и является побудительным моментом к улучшению, к движению вперед — к новым и лучшим формам, она сама по себе еще не является «созиданием»; и анархисты должны быть — и являются — не только разрушителями, но также и созидателями.

Участие анархистов в революции должно быть подготовлено заранее, если они не хотят

оказаться оторванными, отстраненными от революционных сил, от самой революции; причем участие это должно быть не только разрушительным, но и созидательным.

Анархизм исходит из отрицательной предпосылки — правильной и обще-признанной, но слишком уж культивируемой и отрываемой от всего остального, от всех других его сторон и элементов. Он исходит от отрицательной формулы, по которой всякие нынешние попытки обсудить возможности грядущего строительства были бы вредны для будущего общества и противоречили бы самой идее анархизма. «Только когда всё будет разрушено, — явится необходимость и потребность строить лучшее. Пока же, будем думать лишь о разрушении». В самых общих чертах положение это верно. Но если мы не можем знать или предвидеть, что будет на другой день после революции; если мы не знаем, каковы будут тогда условия и общее положение, мы знаем однако твердо, что социальная жизнь не терпит и не может терпеть перерывов.

Разрушение необходимо немедленно заменить новым созиданием; иначе неизбежно конечное поражение, конечное крушение. Ни на минуту не может быть прервано движение социальной жизни без риска ее задуть и погубить. Поэтому, даже не желая предписывать планов для будущего общества или выработать проекты для нового созидания, можно, тем не менее, считать полезным и необходимым обсудить теперь же, каковы могут быть ближайшие потребности и возможности общества на другой день после революции.

Ясно, что многие из таких проектов будут тотчас сметены новыми и непредвиденными событиями; некоторые расчеты, сделанные заранее, окажутся в конечном итоге неверными. Но мы и не будем связаны с ними, как с абсолютными догмами, от которых нельзя отказаться и к которым необходимо приспособить весь круг деятельности и всякое отдельное действие. Мы видим в них лишь попытки придать практическую форму нашей теории. Обсуждение подобных проектов, — даже если они окажутся недостаточными или вовсе не подходящими для новых условий, созданных революцией, — не будет делом бесполезным, так-как оно во всяком случае подготовит почву для рассмотрения сходных положений. И так-как это обсуждение отнюдь не помешает, — как некоторые слишком опасаются, — делу естественного и полного разрушения старого

и безобразного мира в силу изложенных выше причин, то наша предусмотрительность может лишь помешать событиям заставить нас врасплох, может помешать силе вещей заставить нас плестись за другими партиями и группами, более подготовленными чем мы, но одинаково враждебными нам.

События последних лет представляют для нас особую ценность, так-как, помимо выдвинутых ими попыток к освобождению от ига капитализма, они также чрезвычайно расширили горизонт нашего зрения и поле наших изысканий.

* * *

На конференции в Биенне, состоявшейся 16 сентября 1922 г. в память 50-летия конференции в Сант-Имне, некоторыми товарищами был поднят важный вопрос «о нашей деятельности в начале восстания». В связи с вопросом о размерах наших сил, направленных к осуществлению желаний подлинной и глубокой социальной революции, — в Биенне были сформулированы следующие пункты:

- а) победить и уничтожить старый строй;
 - б) помешать срыву революции со стороны новой государственной власти, становящейся на место прежней;
 - в) обеспечить продолжение и перерождение экономической жизни.
- Во время споров о том, что должно подлежать немедленно и полному уничтожению, и что должно быть на некоторое время в той или иной форме сохранено, — споров, в которых, в числе прочих, приняли участие Луиджи Бертони, Энрико Малатеста, Андре Коломер, внимание присутствующих товарищей было преимущественно сосредоточено на вопросе, которым неминуемо заинтересуются также и все остальные товарищи, читающие отчеты конференции, а именно на вопросе о том, необходимо ли изъять из употребления деньги немедленно, при наступлении первого периода революции.

Дискуссия эта уже оставила глубокий след, особенно в нашей итальянской и французской прессе, где переадресовываются и углубляются аргументы, выдвинутые в Биенне, а также выдвигаются новые соображения. Но вопрос все еще остается открытым. Конечно, неследует было полагать, что столь сложный вопрос может быть разрешен в нескольких сло-

вах, или в ряде газетных статей: он требует обширной и глубокой дискуссии, в которой он должен быть освещен как можно шире с разных точек зрения. Однако, обсуждение оказалось чрезвычайно полезным, так-как привело к постановке новых существенных вопросов.

В последнем своем возражении Коломеру, появившемуся в Женевском «Ревейль» («Пробуждение») № 605, Малатеста пишет: «Некоторые товарищи высказались в том смысле, что в день революции необходимо занять банки и уничтожить деньги. Другой товарищ, — кажется, Бертони, — заметил, что деньги могли бы оказать пользу вплоть до полной победы, и что было бы неосмотрительно лишать себя всех возможностей обмена с теми народами или частями народов, которые не прониклись еще революционным духом и отказывались еще доставлять производимые ими продукты иначе, чем в обмен на денежные знаки, к которым они привыкли и питают доверие. Согласившись с этим возражением и развивая дальше мысль Бертони, я говорил о необходимости подвоза продуктов в большие города и о могущей возникнуть опасности, что крестьяне откажутся доставлять свои продукты, если не будут получать в обмен на них деньги».

Так, в освещении тов. Малатеста, вопрос о деньгах оказывается теснейшим образом связанным с вопросом о снабжении городов. Вопрос же о снабжении больших городов является несомненно, проблемой крупнейшей важности во время революции, ибо включает в себя бесконечное множество других основных вопросов, прежде всего — вопрос о бюрократии.

Ошибка было бы полагать, что вопрос снабжения городов является острым лишь для первых дней революции: он сохраняет значение для всех первых годов ея.

Необходимо помнить, что — в период революции особенно — большой город совершенно пассивен в смысле полезного производства и является в этом отношении свинцовой гирей на ногах революции.

Во время революции город является пассивным с точки зрения полезного производства, во-первых, потому, что индустрия не хочет тотчас реформировать все отрасли промышленности, изготавливающие предметы роскоши, и в них задерживается много работников и материалов. Затем, неминуемо возникающая борьба против контр-революции, в особенности в первые момен-

ты, особенно остра именно в городе и черпает большую часть бойцов среди рабочих индустрии, лишая, таким образом, эту последнюю самых необходимых для нея сил. Кроме того, город с его псевдоинтеллигентскими элементами, поставляет бюрократию, служащих, и создает элемент, весьма легко находящий пристанище в большом государственном аппарате, еще не вполне исчезнувшем и не желающем так быстро и просто исчезнуть. Эти элементы поставляются в подавляющем большинстве городом; и в революционное время, когда идет острая, страстная борьба и все заняты ею, они с особой стремительностью пытаются «устроиться» и добыть себе место в каком-нибудь учреждении, составляя наиболее консервативный и реакционный контингент и образуя новый класс выскочек, не думающих ни о чем, кроме того, чтобы удержаться на завоеванном месте всеми силами и способами. Эти-то элементы препятствуют углублению и расширению революции, боясь потерять свое положение; боясь, что новые события могут стать опасностью для их «постов». Они являются также ожесточеннейшими противниками всякой «слабости» по отношению к крестьянам, всякой «слабости» по отношению к народным массам, принимавшим участие в борьбе и ныне требующим выполнения обещаний, данных им в первые дни, когда существовала потребность в жертвах с их стороны. Русская революция вполне доказала это.

Крестьяне и деревенские жители великомерно всё это понимают и, по миновании первых восторгов, когда действительность представляется в обнаженном виде, без украшений, которые принято навешивать на нее на первых порах, всегда весьма неохотно соглашаются уступать плоды своих трудов, даже за деньги, городу, представляющемуся им в лице этого нового паразитарного класса.

Отнюдь не доказано также, чтобы крестьяне были более жадны к деньгам, нежели жители городов и рабочие. И те же затруднения, которые возникают при сношениях с крестьянами, проявляются и тогда, когда дело идет о рабочих.

Погрессивный революционным взрывом город не в состоянии давать деревне то, что обязался ей поставлять; между тем, от крестьян требуется, чтобы они снабжали его всем необходимым, и притом немедленно.

Город не в состоянии производить как раньше, не есть он хочет по-прежнему. У

крестьян ощущается недостаток во многих машинах и орудиях, и в первые дни революции город обещает снабдить его всем необходимым. Но, в силу вышеизложенных причин, город не в состоянии удовлетворить эти требования, и крестьянин принужден продолжать по-прежнему снова и вечно работать, пользуясь старыми и примитивными орудиями производства, и... вечно давать.

Русская революция выявила всю глубину трагедии, переживаемой деревней, и — главное — показала, что вопрос о «революции и крестьянстве» не столь поверхностен, как многие себе его представляют, и не является, как иные полагают, простым вопросом «насилия». Революционное насилие, употребленное в качестве орудия защиты, а также, в случае необходимости, и наступления против разнообразных и многочисленных врагов революции, имеет, конечно, большое значение, и от быстрого и энергичного применения необходимого насилия в большой степени зависит победа революции. Однако, чрезмерное применение и злоупотребление насильственными мерами повело бы не только к вырождению революции, но и к полной ее гибели*). Именно насилие, применяемое московским правительством, привело к смерти русскую революцию. Насильственные обыски и реквизиции повели к тому, что в некоторых местах у беднейших крестьян были отобраны даже посевные семена; вообще же эти меры приводили к тому, что отнимали у сельского населения всякую надежду на улучшение его положения, доводя крестьян до того, что они предпочитали умереть с голоду или поднять восстание, как на Украине и во многих других областях, чем подвергаться жестоким экспроприациям и издевательствам со стороны советских властей.

При таких методах действия, мы имели в прошлом и будем иметь впредь крестьянские восстания, как протест против насилья «революционного правительства»; причем из тесных пределов местной борьбы движение может пе-

*) Вопрос о насилии, и в особенности об организации его в революции, представляется нам теперь особенно актуальным и важным, но также и особенно трудным, после опыта, который авантюристы почерпнули из макиавеллизма. Я лично полагаю, что от этой стороны дела весьма зависит успешный исход революции, и полагаю, что неудача некоторых наших товарищей объясняется именно отсутствием такой организации. Не следует, однако, превращать в рассматривать вопрос революции лишь с точки зрения «военной». Необходимо тщательно избегать опасности увлечения военными методами, которые мы осуждаем и критикуем у наших врагов. Но решение может оказаться побуждено к этому. Вопрос этот рассматривается более обстоятельно в статье «Защита и ее организация при захвате фабрик и заводов и в борьбе с фашизмом». (См. Исторический отдел: «Анархическое движение в Италии...», Здесь, стр. 87).

рейти в широкое русло социальной революции, развитию которой всячески противодействует ново-испеченная бюрократия, гнездящаяся в городах. Расширению движения от повстанчества к социальной революции могут много способствовать левые элементы, в особенности анархисты, если они умело поведут свою пропаганду и деятельность. Однако, может произойти и обратное, и деревня легко может стать гнездом и оплотом контр-революции, если недовольством крестьянства воспользуются для своих целей агенты реакционных сил.

Вернемся к вопросу о деньгах: Городу, переставшему производить и переставшему, по тем или иным причинам, получать снабжение из составшей деревни, не остается ничего другого для поддержания своей государственной структуры и административной бюрократии, как вновь поднять значение денег, как вновь выбросить на рынок массы печатной бумаги. Это он и делает, разрушая таким образом последние обломки завоеваний революции.

Как же, однако, разрешить задачу? Что делать? Оставить на первых порах и на известное время в силе денежный обмен?..

На этот вопрос и подобные ему русская революция дает ценные указания, которые могут очень помочь нам дать ответ.

Опыт русской революции учит нас, доказал нам, что если оставить в силе деньги в качестве «официального» средства обмена, то тем самым поддерживается и укрепляется также и всё современное неравенство, затягивается положение вещей, мало или вовсе не отличающееся от прежнего, а главное — отнимается возможность дальнейшего развития революции.

Если за деньгами оставить лишь кажущуюся ценность, исключительно для того, чтобы приобретать у крестьян то, что необходимо для нужд города, крестьяне быстро убедятся в действительном обесценении денег, не захотят брать их и — что самое главное — не захотят ничего поставлять в город.

В России большевики в начале своего правления превратили деньги в почти излишнее средство обмена, а главное — лишили их всякой ценности. Всякий крестьянин обязан был сдавать весь свой урожай, подобно тому, как рабочие всю свою рабочую силу, в распоряжение правительства и получать взамен все необходимое: припасы, орудия, топливо, одежду. В первые моменты так и делалось. Но вскоре город, большой город, не стал давать ничего никому, кроме служащих, и не организовал ни-

чего, кроме «управлений». По многочисленным, изложенным выше причинам, среди которых не маловажную роль играло то обстоятельство, что рабочие, принимавшие в огромном количестве участие в борьбе с различными врагами республики, естественно отрывались от станков и мастерских, — промышленность мало-по-малу замирала, и не было возможности сдержать обещания, сделанные деревне. Правительство продолжало отнимать у крестьян производимые ими продукты, — до тех пор, пока крестьяне, видя, что всё увозится в город, откуда не получается ничего, кроме непрерывно сыплющихся декретов о реквизиции и карательных экспедиций, стали отказываться выполнять требования о сдаче урожая. Большевикское правительство прибегло, прежде всего, к насилию. Однако, ужасающие насилия и реквизиции, чинимые его полицейскими, далеко не могли «выкачать» из деревни необходимого количества хлеба. Когда правительство увидело, что насильственными мерами нельзя заставить зерно произрастать и попадать в государственные житницы, оно вернулось к прежней системе и вновь ввело в обращение деньги.

Однако, и этот «новый» способ был принят весьма недоверчиво. Крестьяне не знали, что делать с ключками раскрашенной бумаги, которые им предлагали в обмен на их продукты. То, в чем деревня действительно нуждалась, — орудия, семена, одежда, — не могло быть добыто взамен бумажек, так как запасов больше не было. Крестьяне хорошо видели, что то был лишь новый способ отнять у них так тяжело достававшиеся им продукты их труда. Тогда, — как это, впрочем, делалось и прежде, — крестьяне вернулись к обмену своих продуктов на необходимые им городские изделия. Подобный антагонизм города и деревни не может не существовать, покада революция не будет углублена и не будет урегулирован более рационально вопрос об обмене, или же покада (как в России), деньги не приобретут вновь большей ценности, признаваемой также и за-границей, откуда приходится ввозить то, что необходимо для нужд страны *).

*) Последнее, однако, нелепо. При отсутствии производства деньги неминуемо будут иметь лишь кажущуюся ценность, желание же искусственно поддерживать ее для закупок за-границей необходимых материалов — чистый абсурд: раз революционная страна окажется в состоянии открытой войны против всех, то и деньги наши нигде не смогут быть приняты. Заграница будет относиться чрезвычайно враждебно. А покада, опаснее всякой войны окажется всеулыбчивость, которые пожелают воспользоваться неурядицами и при наступлении революции больше вреда, нежели открытые ее враги.

В России известные события произошли... Нашей же задачей должно быть — помешать тому, чтобы новая революция вновь впадала в прежние ошибки, совершенные предыдущей и стоившие столь многих жертв и крови.

В Германии происходит, хотя и в значительно более ограниченных размерах, приблизительно то же самое. Деньги потеряли почти всякую ценность, приобрели лишь ценность специфическую — для коллекционеров, но не представляя собою ничего заманчивого ни для крестьян, ни для рабочих. И те, и другие никогда не заботились о том, чтобы иметь деньги, как таковые: им нужны лишь продукты и изделия, представляющие собою реальную ценность. Так будет всегда и всюду.

Поддержание денежного обращения*) окажется ничем иным, как бесполезной уступкой, сделанной нами буржуазии и буржуазному духу, еще держащемуся в различных кругах, — если не будет продуктов и изделий. Поскольку деньги окажутся ненужными, сохранение их сможет быть истолковано только как средство обмана для эксплуатации деревни, и таким путем в крестьянах можно найти смертельных врагов революции, причем пользы для города не будет добыто никакой. Поскольку деньги не могут выполнить своего прямого назначения, т.е. облегчения обмена и обозначения ценности товаров, что характерно для буржуазного строя, — они являются совершенно бесполезными, ибо не могут заменить недостающих продуктов. С другой же стороны, если не ощущается недостатка ни в сырье, ни в производстве, то вопрос разрешается сам собой, путем товарообмена, к которому крестьяне в общем относятся довольно благосклонно.

* * *

В заключение отметим, что, как в происшедших уже эпизодах, так и в будущих революциях, вырисовываются вопросы, от обсуждения которых нельзя уклониться под страхом полной гибели революции, перехода к безучастному выжиданию событий и принципиального невмешательства, основанного на опасении, что активные действия могут оказаться вредными, не допускающими полного и свободного разрушения.

*) Быть-может, окажется невозможным и рискованным в один день изгнать из употребления все деньги и, быть-может, операция эта потребует некоторого времени для своего осуществления. Я полагаю, однако, необходимым, чтобы она была проведена в первый же период революции, пока не возникли затруднения, позволяющие проводить в исполнение задания, которые впоследствии окажутся крайне трудными, если не остыл.

Несомненно, могут возникнуть вопросы, то или иное решение которых может поставить под угрозу углубление и распространение революции. Нам, например, постоянно придется встречаться с вопросом об антагонизме между городом и деревней, и мы уже указывали на то, что этот антагонизм может оказаться опаснее всех интервенций и реакционных попыток, старающихся задержать и уничтожить развитие революции. Антагонизм этот вызывается различными причинами, которые мы уже отчасти рассмотрели: бюрократия, «сильная» власть, и пр., и пр., главное же — незнание «экономических возможностей страны», препятствующее ясному и рациональному воздействию на товарообмен и вызывающее постоянные противоречия и борьбу вокруг него. В течение нескольких лет страна или область, охваченная революцией, непременно будет окружена кольцом враждебности со стороны соседей, не вступивших еще в революционную стадию; она должна научиться жить в течение этого времени либо совсем без помощи извне, либо же в расчете на самую ограниченную помощь.

Отсюда вытекает еще лишнее доказательство необходимости — не ждать, а учесть производительные возможности во всех отраслях и областях революционной страны, ибо от этого зависит все дело и расширение самой революции.

Для того, чтобы перерыв в производстве был как можно более краток, а, главное, чтобы производство могло остаться в руках самих рабочих и не попало в руки какого либо правительства и его бюрократии, стремящихся повернуть в свою пользу всю революцию, — учет этот должен быть сделан преимущественно на фабриках, заводах и по деревням, — скорее, нежели «на улице».

Отчуждение, т.е. захват фабрик, учреждений, орудий производства и всех находящихся на складах изделий, должно произойти с самого же начала, прежде всего, до действия вооруженной силы, — так, как это было показано нам на примере занятия итальянских фабрик и заводов осенью 1920 г.

Таким образом, экономическая жизнь страны окажется всецело в руках рабочих, и последние будут иметь возможность немедленно направить ее к новым формам, соответствующим развитию революции и созданию новой жизни.

Руго Трой.

ОБЪЕДИНЕННЫЙ АНАРХИЗМ

О СИНТЕЗЕ

(Статья первая)

I.

На вопрос Пилата: «что есть истина?» Христос, по преданию, не дал ответа. Вероятно, в те трагические минуты ему было не до философских вопросов. Но если бы даже он имел время и желание вступить с Пилатом в беседу о существовании истины, — дать исчерпывающий ответ было бы для него не легко.

Немало веков прошло с тех пор. Немалый шаг вперед сделало человечество в отношении познания мира. «Пилатов вопрос» волновал, побуждал думать, искать, заставлял в различных направлениях работать, страдать множество умов. Не раз менялись при этом пути и методы искания... Но — вопрос и поныне остается без ответа.

Три основных препятствия стоят на пути искания и установления нами объективной истины, в каком бы направлении, в какой бы области мы ее ни искали.

Первое препятствие — чисто-теоретическое, философского характера. — Истина есть, в сущности, великое существующее. Всё: то, что в действительности есть. Познать истину значит познать то, что есть. Но познать то, что есть — познать подлинную правду и сущность вещей («вещь в себе») — представляется ныне, по многим соображениям, невозможным, и едва ли когда-нибудь станет возможным. Основное соображение — следующее. Мир может для нас быть только нашим о нем представлением. Мы воспринимаем его не непосредственно таким, каков он есть, но таким, каким нам рисуют его наши жалкие, «фальшивые» пять (или больше) чувств и наши грубые, несовершенные методы познания. Те и другие крайне ограничены, субъективны и обманчивы. — Пример из области чувств: как известно, в природе объективно нет ни света, ни красок, ни звуков (есть лишь то, что мы считаем движением, колебаниями); между тем, нашими органами чувств мы воспринимаем

мир, прежде всего, как свет, как краски (колебания, воспринимаемые и перерабатываемые органом зрения) и как звуки (движения, воспринимаемые и перерабатываемые органом слуха)*). В качестве примера из области познания достаточно указать на постоянное крушение одних теорий и замену их новыми. (Последняя из таких модных теорий, обещающая «перевернуть» всё наше нынешнее знание, — эйнштейновская «теория относительности»). — Единственное, что я знаю непосредственно, это — что я существую («cogito, ergo sum»)**), и что вне меня существует какая-то реальность. Не зная ее точно, я, однако, знаю, что она есть: во-первых, потому, что раз я существую, значит существует и какая-то реальность, создавшая меня; во-вторых, потому, что нечто, находящееся вне меня, доставляет мне различные ощущения. Эту-то, в существе своем неведомую мне, реальность я называю миром, жизнью; и стремлюсь, в пределах доступного, познать ее.

Разумеется, если бы мы хотели определенно считаться с указанным препятствием, то мы должны были бы раз навсегда сказать себе: всё, что, — кажется нам, — мы знаем, всё это — ложь, обман, иллюзия; сущности вещей мы знать не можем, ибо средства нашего познания слишком несовершенны... И на этом основании мы могли бы отказаться от всякой научной работы — от всякой деятельности по исследованию мира и истины, как от деятельности совершенно безнадежной.

Однако, в подавляющей части нашей научной, мыслительной, как и нашей практической, деятельности, — за исключением области чисто-философского мышления, — мы не считаемся с указанным препятствием: во-первых потому, что, в противном случае, мы должны были бы, действительно, отказаться от всякой научной деятельности, от всякого искания истины (а это, по многим причинам, для нас не-

*) Отметим также, что целый ряд объективных явлений природы, несомненно, вовсе не воспринимается нашими органами чувств.

**) Я мыслю, — значит, существую* (Декарт).

приемлемо); во-вторых же, — мы имеем основания допустить, что наше восприятие, всё-таки, до известной степени отражает подлинную реальность, а наше познание всё в большей степени приближается к знанию этой реальности, к знанию истины. Последнее обстоятельство, наряду с другими стимулами, побуждает нас, не останавливаясь, расширять и углублять нашу деятельность, наши искания.

Принимая за данное, — для нас реальное, всем нам общее и имеющее для нас конкретное значение, — наши восприятия и, в особенности, наши знания о мире и жизни; принимая за данное ту, для нас конкретную, обстановку, в которой все мы живем, работаем и действуем, — мы мыслим и ищем на почве и в пределах этой (представляющейся нам, субъективной, условной) конкретности.

В пределах этой конкретности — также возникает вопрос об истине. А главное, разгадывание самой этой, доступной нашему восприятию и знанию, конкретности, равно как постепенное расширение нами ее познаваемых границ — представляются для нас уже задачами крупного значения.

Но и в этом случае — на пути искания и установления нами истины стоят два дальнейших — конкретных же — препятствия.

Препятствие второе. — Как и жизнь, истина неделима. Истина (как и жизнь), это — великое *Всё*. Познавать те или иные отдельные части истины еще не значит познавать истину (хотя и приходится иногда идти от познания частей к познанию целого). Познавать истину — значит, в сущности, познать всю вселенную — всё бытие, всю жизнь, все ее пути, силы, законы и устремления, на все времена и сроки, во всех ее отдельных тайнах, явлениях, частностях и во всем ее целом. Но даже в пределах доступного нашему восприятию и знанию мира — объят вселенную, познать жизнь и постигнуть ее смысл представляется в настоящее время невозможным и, пожалуй, никогда возможным не станет.

Препятствие третье. — Характернейшее свойство жизни — вечное, непрерывное движение, изменение, преобразование. Следовательно, устойчивой, постоянной, определенной истины нет; вернее, если и существует общая, целостная истина, то основным ее свойством является постоянное ее движение и видоизменение, постоянное перемещение всех составляющих ее элементов. Следовательно — ее познание требует полного выяснения, определе-

ния и учета всех законов, форм, комбинаций, возможностей и последствий всех этих движений, изменений и перемещений. Но такой учет, такое познание бесконечно колеблющихся сил и меняющихся сочетаний, — даже если в этих колебаниях и сочетаниях есть известная закономерность и повторяемость, — почти невозможен.

II.

Знать истину — значит знать подлинную жизнь, подлинное бытие вещей.

Мы не знаем этой подлинной жизни. Мы не знаем истины.

Но — кой-что мы знаем.

Поскольку мы воспринимаем и познаем жизнь нашим восприятием и доступными нам средствами познания, — мы знаем, во-первых, что *жизнь есть некий великий синтез*, и как реальность, и как смысл: некая равнодействующая множества сил, факторов, энергий.

Мы знаем, во-вторых, что синтез этот — *вечно движущийся, вечно меняющийся*; что эта равнодействующая не находится в покое, но постоянно колеблется и перемещается.

Познать истину — значит охватить, познать и омыслить весь этот мировой синтез во всех его частностях, во всем его целом и во всех его вечных движениях, во всех его непрерывных изменениях и сочетаниях.

Если бы мы знали жизнь в ее частностях, в ее целом и в ее движении, — мы знали бы истину. И эта истина была бы вечно движущейся равнодействующей множества сил, — равнодействующей, все движения которой мы также должны были бы знать.

Мы не знаем подлинной жизни, не знаем ее синтеза: не знаем ни его реальности, ни его смысла, ни его движения. Жизнь — в ее целом — для нас загадка, великая тайна. Мы познаем порой лишь отдельные крупицы ее синтеза...

Мы не знаем подлинной истины, объективной правды вещей. Мы не только до сих пор не раскрыли истину, но даже не знаем, кроме ли ее когда-нибудь. Мы находим порой лишь отдельные зерна истины — сверкающие разбросанные блески драгоценного золота, из которых мы не можем еще составить ничего цельного...

Но — мы ищем (вернее, некоторые ищут) истину. Ищем веками, тысячелетиями. Ищем со всех сторон, во всех направлениях. Ищем упорно, напряженно, мучительно...

И раз мы знаем, что жизнь есть великий синтез, то мы тем самым знаем, что *искание истины есть искание синтеза*; что путь истины есть путь к синтезу; что, исследуя истину, мы должны всегда помнить о синтезе, всегда стремиться к нему.

И раз мы знаем, что жизнь есть постоянное движение, то, в поисках истины, мы должны неуклонно считаться с этим данным.

III.

Главное интересующее нас поле исканий — не чистая философия, не умозрение. Сфера наших интересов, наших исканий и построений, это — более конкретная и доступная нам сфера биологических и, в особенности, социологических проблем.

Пытаясь построить ту или иную социальную концепцию, стремясь действительно вмешаться в социальную жизнь и оказывать на нее то или другое влияние, мы здесь же, в данной конкретной области ищем руководящую истину.

Как же мы ищем ее?

Обычно мы берем — в той или иной области — отдельные явления жизни, анализируем их, стараемся познать и осмыслить.

Нередко нам удается верно учесть то или иное явление и, следовательно, нащупать, установить уголок, кусочек, частицу истины.

Четыре кардинальных ошибки очень часты и очень характерны в этом случае.

1. Человеческий анализ не безгрешен. Он не приводит прямо к точной и безусловной истине. При всяком человеческом анализе и учете неизбежны, — наряду с верно уловленными зернами истины, — и большие или меньшие погрешности, промахи, подчас грубые ошибки и недосмотры, то-есть *утверждения, не совпадающие с истиной*. Обычно, мы забываем об этом обстоятельстве и, вместо того, чтобы стараться учесть и отбросить ошибки, стараемся найти и ввести соответственный корректив (поправку), мы или игнорируем эти наши ошибки, или даже принимаем и их за истину, тем самым искажая ее и подрывая ее значение.

2. Мы почти всегда (за крайне редкими исключениями) склонны открытую нами *долю*

истины (подчас очень ничтожную) преувеличивать, обобщать, превращая ее во *всю* истину, стремясь покрыть ею — если не всю жизнь, то, во всяком случае, явления гораздо более широкого и сложного порядка, и отбрасывая другие элементы искомой истины.

3. Увлекаясь анализом и ошибочным обобщением его непосредственных результатов, мы постоянно забываем о втором, самом необходимом моменте в поисках истины — о *правильном пути к обобщению*: о необходимости, — вслед за анализом, вслед за познанием и осмыслением данного явления, данной крупинки истины, — не возводить эту найденную крупинку в перл создания и не превращать ее во всю истину, а, наоборот, вспомнить о других, относящихся сюда же, явлениях, стремиться продумать и их, пытаться сопоставить и сличить с ними найденную крупинку и искать *верного синтеза*. Эта, вторая задача обычно ускользает от нас. Мы забываем, что жизнь есть *синтез множества факторов*.

4. Мы на каждом шагу забываем о постоянном моменте *движения и изменения*; забываем о том, что статической истины нет, что *«двиги беи»* («все течет»), что жизнь и истина — динамичны. Обычно, мы совершенно не принимаем в учет этого огромного фактора — *непрерывной динамичности жизни и истины*. Между тем, подобно тому, как ошибкой было бы принимать данную форму движущейся амебы за ее постоянную форму, так и с существом истины: то, что только сейчас было (или могло быть) истиной, — через минуту уже не есть истина. *Сам синтез не неподвижен*. Он — вечно движущаяся равнодействующая, которая проходит ближе то к одному, то к другому фактору и никогда не задерживается надолго ни у одного. Мы не отдаем себе достаточного отчета в этом чрезвычайно важном обстоятельстве*).

Особенно крупное отрицательное значение имеют указанные ошибки в сфере *гуманитарных наук*, в деле исследования и понимания нашей *социальной жизни*, представляющей собою исключительно сложный синтез особо многочисленных и своеобразных факторов, исключительно сложное движение и сочетание разнообразнейших (и притом не одних только механических) элементов.

* Явление постоянного «перемещения равнодействующей» и значение учета этого явления при исследовании фактов человеческой истории будут подробно рассмотрены в особой работе.

В этой именно области совершаются наиболее часто самые грубые промахи. Причем в особенности грешат ими многочисленные *последователи* искателей истины. Исправлять их, пересматривать их «истины» и вносить необходимые коррективы — приходится впоследствии другим.

Приведу, для пояснения, несколько примеров: определение Марксом-Энгельсом и, в особенности, их последователями роли экономического фактора в истории (так-называемый «исторический материализм») — этот великодушный, но односторонний (и потому не совсем верный) анализ и преувеличенные, «твердые» (и потому совсем неверные) выводы из него; классовая теория К. Маркса и его последователей — этот тоже превосходный, но недостаточный и узкий (а потому во многом ошибочный) анализ и неправильные выводы из него; «закон» борьбы за существование (Ч. Дарвин и, главным образом, его последователи в разных областях), со всеми его ошибками и преувеличениями; односторонняя индивидуалистическая теория Макса Штирнера (особенно его последователей) и очень мн. др.

И экономическая доктрина Маркса, и его классовая теория, и индивидуалистическая концепция Штирнера, и закон борьбы за существование Дарвина, и пр., и пр., всё это — прекрасные, меткие и призванные дать свой положительный результат *анализа одного из факторов, одного из элементов сложного жизненного синтеза*. Но для приближения к истине, к синтезу, — всем этим теориям недостает понимания необходимости сопоставления их с анализами других факторов и элементов, с выводами из этих других анализов; недостает стремления к учету явлений другого порядка; недостает стремления к исканию синтеза. Забывают о том, что подлинная жизнь есть синтез различных рядов явлений; что этот синтез есть, притом, подвижная, перемещающаяся равнодействующая этих — движущихся же — рядов. Отходят от реальной подвижной синтетичности жизни и от необходимой соответственной синтетичности ее научного познания. Отсюда — ошибочные обобщения и выводы. Отсюда — вместо приближения к истине, удаление от ней.

* * *

Указанное нами ошибочное отношение к постигаемым явлениям, к познанным круп-

цам истины является огромным минусом для *всех наших социальных построений*, так-как оно уводит нас далеко в сторону от правильного решения встающих перед нами вопросов.

Ибо, если во всякой найденной нами истине имеются неизбежно примеси не-истины; если отдельная установленная нами истина никогда не есть *вся истина*; если истина, как и сама жизнь, синтетична и подвижна, — то в наших построениях мы *тем ближе* подходим к ней, к правильному пониманию и учету жизненных явлений и процессов, — чем тщательнее мы проверяем и сопоставляем найденную нами крупницу истины с другими явлениями и крупницами в той же области, чем ближе мы подходим к синтезу и чем тверже помним о моменте движения. И мы *тем дальше* от истины, от правильного понимания жизни, от верного построения, — чем меньше мы проверяем, сравниваем, сопоставляем, чем дальше мы от синтеза и от идеи движения.

Вероятно, мы никогда не достигнем познания полного и верного синтеза. Но *постоянное стремление максимально к нему приблизиться*, — таково должно быть наше руководящее начало.

Всякий раз, когда мы закрываем глаза на погрешности и искривления в найденной нами крупнице истины, — мы удаляемся от искомого результата. Правильный прием — тщательно учитывать эти погрешности и искать корректив к ним.

Всякий раз, когда мы принимаем найденную нами крупницу истины за единственную, за всю истину и отбрасываем другие крупницы, зачастую даже не трудясь повнимательнее присмотреться к ним, — мы удаляемся от верного решения. Правильный путь — сопоставить найденную частицу с другими, работать над отысканием этих других частиц и стараться объединить все их в одно целое. Только этот путь приблизит нас к цели.

Всякий раз, когда мы ограничиваемся итогами нашего анализа одной стороны дела и забываем о необходимости стремиться далее, к синтезу с другими сторонами, — мы удаляемся от цели, как бы блестящ и верен ни был наш анализ. — Всякий раз, когда мы не учитываем момента постоянного движения и изменения, принимая найденную нами крупницу истины за нечто более или менее устойчивое, затверделое, — мы отходим от цели. Правильный прием — постоянный учет мно-

жественности факторов, находящихся в непрерывном движении, и искание (тоже движущейся) равнодействующей этих факторов.

IV.

Обращаясь к *анархизму* и его исканиям, мы с сожалением должны констатировать, что и здесь на каждом шагу встречаются те же погрешности и требуются те же поправки; что и здесь мы еще очень далеки от правильных приемов искания истины и, следовательно, от правильных построений.

И здесь — наш обычный прием всё таков же: найдя и установив известную (и нередко уже давно пережеванную) крупницу истины, мы, с одной стороны, закрываем глаза на прилепившиеся к этой крупнице погрешности и изъязны, не ищем и не учитываем их, а с другой — стремимся возвести найденную крупницу в постоянный, неизблемый «перл создания», спешим счесть ее всей — полной и непреложной — истиной, забываем о необходимости перейти к синтетической работе и, наконец, пренебрегаем учетом движения, как основного свойства жизненных (в особенности — творческих социальных) процессов. Поэтому *и мы*, обычно, упираемся узко и слепо в один только маленький уголок истины, с ожесточением отмахиваясь, вместо искания синтеза — цельной постройкой, от всех других, хотя бы и освещенных, уголков.

Я читаю статьи тов. Г. Максимова (ст. «Вехи» в америк. «Голосе Трудящихся» и др.), в которых он с кропотливейшей точностью устанавливает — не только схему, но и мельчайшие формы грядущего социального строительства в соц. революции, и думаю: — Всё это прекрасно и достаточно пережевано. Но неужели т. Максимов думает всю сложную трепещущую жизнь, весь этот огромный живой синтез успешно и плодотворно втиснуть в свою мертвую бумажную схему?.. Я знаю, что жизнь в эту схему не уляжется, и что эта схема заключает в себе лишь некоторые крупницы истины, наряду с немалыми изъязнами и грехами. И поскольку т. Максимов придает своей схеме законченный, отшлифованный и «твердый» вид; поскольку он претендует, что эта (или, пусть, подобная ей другая) схема — единственная истина, а всё прочее — от лукавого, постольку я считаю, что он (или подобный ему другой кропотливый схематик)

преувеличивает известный организационный момент, сам по себе верный и имеющий важное значение, но далеко не единственный, несутый также и свои крупные недостатки и теряющий свое значение вне учета этих недостатков и вне синтеза с другими необходимыми моментами.

Когда «анархо-синдикалисты» говорят, что синдикализм (или «анархо-синдикализм») — единственный путь спасения, и с негодованием отбрасывают всё, что не подходит под их мерилу, я считаю, что они преувеличивают свою крупницу истины, не учитывают ни ее недостатков, ни других, составляющих подлинную истину, элементов, ни необходимости синтеза, ни момента живого творческого движения, и потому удаляются от истины. И я сильно боюсь, что они, в известный момент, не избежат соблазна силою навязывать и внедрять свое схоластическое построение, которое, как не соответствующее ей истине, живая жизнь откажется принять.

Когда «анархисты-коммунисты» таким же образом подходят к вопросу и, признавая лишь *свою* «истину», отмахиваются целиком от синдикализма (или анархо-синдикализма), — они заслуживают того же упрека.

Когда «анархист-индивидуалист», отрицая и «синдикализм», и «коммунизм», признает за реальное и истинное только свое «я» и сводит к этому маленькому «я» весь великий жизненный синтез, — он совершает всё ту же ошибку.

Читая в статье «Единственное средство» («А. В.» № 1) о том, что духовное совершенствование личности и разумное объединение прозрелых личностей в земледельческие коммуны — единственная истина и единственный путь спасения, — я вспоминаю «анархо-синдикалистов» и их тоже «единственное средство»; и вижу, что, вместо искания истины в синтезе, все эти люди клюют, каждый, свое маленькое зернышко и никогда не насытятся.

И если есть «махновцы», полагающие, что *единственная* истинная форма движения есть *их* форма, и отбрасывающие всё остальное, — они так же далеки от истины, как другие.

И когда я слышу, что анархисты должны заниматься единственно критикой и разрушением, и что разработка положительных проблем не отвечает сущности анархизма, — я считаю такое утверждение крупнейшей ошибкой против необходимой синтетичности наших исканий и построений.

Между тем, именно анархистам легче всего помнить о синтезе и о динамичности жизни. Ибо, как мировоззрение, именно анархизм по самому своему существу глубоко синтетичен и глубоко учитывает живое, творческое, двигательное начало жизни. Именно анархизм призван наметить — а, быть-может, и дать — тот научный социологический синтез, над которым до сих пор безуспешно бьются социологи, и отсутствие которого приводит, с одной стороны, к лже-научным концепциям «марксизма», крайнего «индивидуализма» и рядящих — узких, замкнутых, удаляющих нас от истины — «измов», а с другой — к множеству самых нелепых практических рецептов и построений.

Анархическое миропонимание должно быть синтетическим, — должно стремиться стать великим и живым синтезом различных, научным анализом установленных, элементов жизни, оплодотворенных синтезом же наших идей, исканий и найденных нами крупинок правды, — если оно хочет быть тем провозвестником истины, тем действительным, не фальшивым, не банкротным фактором освобождения и прогресса, каким явно не могут стать десятки узких, замкнутых в себе и окостеневших «измов».

Я не против синдикализма: я против его мании величия; я против превращения его (не-рабочими верхами) в единую, окостенелую и непогрешимую догму — по образу и подобию марксизма и политических партий.

Я не против коммунизма: я против его сектантской узости и нетерпимости; я против его догматического искажения и омертвления.

Я не против индивидуализма: но я против его эго-центрической слепоты.

Я не против нравственного самосовершенствования: я против превращения его в «единственное средство».

Я не против организации: но я против ее превращения в клетку.

Я нахожу, что для дела освобождения человечества нужны: а идея волевого коммунизма, как материальной базы здорового общежития; и синдикалистское движение, как один из необходимых рычагов организованного массового действия; и «махновщина», как момент массового революционного возмущения, восстания, порыва; и широкое обращение ин-

дивидуалистических идей, открывающих нам лучезарные горизонты, учащих нас ценить и беречь человеческую личность; и проповедь отвращения к насилию, предостерегающая и оберегающая революцию от возможных излишеств и заблуждений...

Мне думается, что в каждой из этих идей, в каждом из этих явлений имеется зерно истины, которое в свое время ярко вывяжется, тогда как погрешности, ошибки, искажения, преувеличения отпадут.

Мне думается, что всем этим (и еще многим другим) зернам — идеям и явлениям — найдется довольно места под широкими крыльями анархизма, — без того, чтобы остервенело толкать и выживать друг друга. Надо только хотеть и уметь собрать и объединить их.

Для этого анархистам, прежде всего, необходимо суметь подняться выше занесенных к ним извне, в'евшихся в их среду, но глубоко чуждых существу их мироопущения и миропонимания, предрассудков человеческой узости, исключительности, эго-центризма; необходимо начать работать, — каждому в любой сфере идей и явлений, соответственно его положению, духовному складу, склонностям, убеждениям и способностям, — в тесном единении и союзе между собою, относясь друг к другу с полным взаимным признанием и уважением: работать дружно, терпимо, рука-об-руку, помогая и поддерживая друг-друга, признавая за каждым товарищем равное право и предоставляя каждому равную возможность действовать в интересующем его и близком его складу направлении, — право и возможность разворачивать полностью его убеждения; после чего, перед нами встанет задача обсуждения организационных форм такого сотрудничества и объединения.

Только на таком базисе возможна попытка подлинного объединения анархистов-работников и анархистского движения. Ибо только на этом пути, — думается мне, — будут смягчаться наши крайности и противоречия, будут сглаживаться наши резкости, преувеличения и обострения, будут отпадать наши ошибки и заблуждения, будет кристаллизоваться, — всё шире и всё плотнее стигивая наши ряды, — живая, всё ярче разгорающаяся, всё определеннее выявляющаяся и нарастающая истина.

Водин.

НЕ ДРОБИТЕ СВОИХ СИЛ!

Хоть эта работа мне не совсем по силам, но я не могу больше молчать и хочу высказаться так, как я понимаю; и так, чтобы всякий меня понял.

Признаюсь, я — сын крестьянина и с малых лет рабочий. Этого уже достаточно, чтобы знать мое образование. Поэтому, я думаю, товарищи простят мне шероховатости и погрешности, которые могут вкратце в мое к ним обращение.

Многие товарищи, душевно и искренно стремящиеся к новой жизни, не замечают за собой недостатка, который приносит немалый вред нашему общему делу. Недостаток этот состоит в том, что каждый из них признает непогрешимой единственно только свою теорию в анархизме, слишком выдвигает свою индивидуальность и кричит: «Только мы правы! Только мы знаем истину...»

А, ведь, цель у всех нас одна. Расходятся только наши личные симпатии и склонности к той или другой стороне нашего движения. Причем же тут «только мы»?..

Такое поведение зря дробит наши силы.

Особенно заметно оно у русских анархо-синдикалистов, которые, на манер марксистов, без конца повторяют: «мы» да «мы»... А в сущности — ничего особо важного, нового и интересного не дают.

Всё то, что пишется в «Рабочем пути», всем хорошо известно, много раз уже писалось и повторялось. Нет здесь никакого нового откровения или указания. А саморекламы — сколько угодно. «Анархо-синдикализм... Анархо-синдикализм...» Ведь от того, что этот ярлык будет на все лады повторяться, ничего нового не прибавит. А что касается необходимости организовать производство на второй день революции, а также необходимости для этого дела рабочих организаций, то это очень хорошо доказано Кропоткиным и другими, и никем не оспаривается. Есть ли необходимость в том, чтобы обращать эти истины в особые «-измы»?

Подобным же образом, наши американские товарищи предполагают монополизировать истину и движение под другим ярлыком — «анархо-коммунизм»... Для чего? И зачем нужно товарищам обязательно перекрещивать всех в особый «-изм»?

Книги Кропоткина и др. достаточно ясно выдвигают различные стороны анархизма и революции. И последователи анархического учения — анархисты — должны знать свое общее дело и вести его дружно, совместно.

Желательно, чтобы они не дробились на «-исты» в этом своем едином деле, но по возможности объединились бы для нашей главной задачи: довести социальную революцию до полного торжества, отложив в сторону всякие личные разногласия и оттенки мнений.

К сожалению, наши «-исты» до сего времени настроены иначе и всё подчеркивают каждый свою линию, да отрицают друг друга. Пора бы этому настроению положить конец и взяться за объединение наших сил для общего дела.

Я думаю, что в этом деле могут идти вместе, рука-об-руку, анархисты всех оттенков: и синдикалисты, и коммунисты, и многие индивидуалисты. Большую часть нашей работы они могли бы вести совместно: издание газет и журналов, сотрудничество в них, организацию лекций, способствование саморазвитию и самоорганизации масс. Если, при этом, наши, товарищи «синдикалисты» будут отдавать много сил на работу синдикалистского типа, «коммунисты» — на организацию коммунистических групп, а «индивидуалисты» — на чистую пропаганду своих идей, то все эти отделы работы прекрасно могут дополнять друг друга. Пусть каждый работает в том направлении, в каком ему сроднее, и не ругает остальных. А в общей печати можно защищать и отстаивать разные точки зрения, и это будет только помогать выяснению истины. И, таким образом, истина будет восприниматься самими массами, без всякого навязывания.

Конечно, всё это невозможно, пока «анархо-синдикалисты» думают и пишут, что толь-

ко они — подлинные анархисты, и что все остальные вредят делу анархизма; «анархисты-коммунисты» считают и пишут, что только они — подлинные анархисты, а все прочие извращают анархизм; а «анархисты-индивидуалисты» полагают и заявляют, что только они — настоящие анархисты, а все другие не дошли до понимания анархизма.

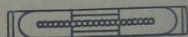
Конечно, с таким настроением и отношением друг к другу далеко не уедешь, и наши

силы будут бесконечно дробиться, а дело будет стоять на месте, как оно и было до сих пор.

Пора нам взглянуть на это дело, на нашу работу и на наши взаимоотношения другими глазами и, вместо того, чтобы дробить свои силы, попробовать объединить их для общего дела.

От этого, кроме пользы, ничего не может быть. А для будущего это был бы крупный шаг вперед.

Сергей Горбунов.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ и АНАРХИЗМ

АНАРХИЗМ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В России, в «добрые» царские времена, относительно анархизма существовали самые превратные и ложные понятия. Вследствие отсутствия свободы слова и печати, оценку анархизма можно было встретить лишь в прессе, враждебно настроенной к этому учению. Неудивительно, поэтому, что как само учение анархизма, так и его последователи — анархисты — рисовались или выставлялись в таком виде, который менее всего соответствовал истине. Анархизм представлялся, например, многим каким-то разбойничьим учением, а сами анархисты — злонамеренными людьми, лишенными всяких нравственных понятий...

Распространению такого ложного, неестественного понятия анархизма немало способствовала также и социал-демократическая печать в России, считавшая анархизм, если не бандитизмом, то, в лучшем случае, утопией, мечтой...

Но даже теперь, после пережитых Россией великих бурь, после того, как анархизм несомненно оказал свое влияние на некоторые периоды в развитии русской революции, — наши идейные противники из социалистического ла-

гера (в особенности, большевики-марксисты) всё еще продолжают повторять старую басню о беспочвенности и утопичности анархизма. Нередко мы от большевиков слышим такие слова: «Анархизм — прекрасная мысль, великодушная идея, но эта идея никогда не осуществится в действительной жизни. Даже в тех случаях, когда анархизм привлекает к себе массу сторонников, массу приверженцев, когда кажется, что вот-вот приближается его окончательная победа, — даже тогда идеи анархизма не могут осуществиться, потому что они безжизненны, беспочвенны. Для примера возьмем Россию. В этой стране не раз делались попытки к бунтам, восстаниям и революциям со стороны трудящихся народных масс, — попытки, в которых принимали участие также и анархисты. Но самая смелая, самая отважная и грандиозная попытка, когда-либо сделанная народом, произошла в России в конце 1917 г., во время большевистского переворота. В этом перевороте принимало участие много анархистов, которые, таким образом, содействовали победе социалистического, но не анархического идеала. Анархические идеи не повлияли на массу»...

С первого взгляда кажется, что такая аргументация со стороны большевиков очень убедительна. Но, если подойти к вопросу немного ближе и, главное, не разбирать его односторонне, не измерять всё узким большевистским аршином, — то окажется, что вся «аргументация» не выдерживает критики.

В самом деле: с каких пор большевик-марксисты начали проповедывать революционно-насильственные идеи? С каких пор они начали защищать и пропагандировать идеи анти-парламентаризма, всеобщей стачки и социальной революции? Разве они всегда проповедывали революционные методы борьбы? Разве вся их теория и тактика за последние несколько десятков лет (вплоть до конца 1917 г.), — например: социализм, как эволюционная теория, постепенное осуществление или торжество которой наступит механически; мирное законодательное участие в парламентах и других государственно-капиталистических учреждениях и т. д., — разве всё это не доказывает, что теперь марксисты, т. е. значительная часть их, изменили свои прежние старые взгляды на борьбу и, вместо мирных и законных средств, начали употреблять боевые, революционно-насильственные методы борьбы?

Под чьим же влиянием они изменили свою старую тактику? У кого они перенимали новые методы борьбы?

Отвечу на эти вопросы.

Из истории нам известно, что никакая революция не начиналась еще по указу или предписанию какой-либо партии, ибо всякая революция, будучи сперва скрытым и долгим процессом накопления сил, возникает внезапно, часто стихийно, под влиянием складывающихся в данный момент известных условий. (Таковыми условиями в России, напр., были безработица и голод в начале 1917 г.). И первые сигналы к русской революции были даны самим народом, вне влияния какой-либо партии. Но не подлежит сомнению, что сама революция началась под анархическим знаменем, под знаменем «Хлеб и Воля». Этого мало. Весь дальнейший ход революции развертывался по пути анархического действия. Агитация за явное прекращение войны, решительная борьба против буржуазии, борьба против Учредилки, разгон последней и т. д., — всё это отдельные проявления тех революционных и анархических методов борьбы, которые большевик-марксисты перенимали от анархистов.

Как известно, одним из главных анархических принципов является анти-парламентаризм. Анархисты считают, что посредством парламентской работы ничего путного нельзя добиться для рабочих. И это убеждение больше всего отделяет, изолирует их от всех политических и социалистических партий. Социалисты же, наоборот, верили, что посредством представительного большинства в парламенте они добьются своей желанной цели — социализма. Но в настоящее время мы видим, что идея анти-парламентаризма исповедуется и защищается не только нами, анархистами, но также и большевиками, и вообще теми левыми, революционными элементами среди трудящихся масс, на которые пропаганда наших анархических идей оказала известное влияние.

Другим анархическим принципом является всеобщая стачка. Долго и тяжело боролось анархическое движение за признание всеобщей стачки — этого революционного метода интернациональной пролетарской борьбы. Но официальная социал-демократия всегда повторяла, что всеобщая стачка, это — «всеобщая бессмыслица». Теперь же, идея всеобщей стачки захватила также и социалистов, ее «вчерашних» противников, и с быстротой молнии распространяется во многих странах, привлекая всё более и более новых приверженцев и захватывая широкие массы рабочих. Всеобщая стачка считается в настоящее время лучшим средством в борьбе против всяких реакционных попыток.

То же самое надо сказать и по отношению к тактике прямого, непосредственного действия вообще.

Но самым главным анархическим принципом всегда была и есть вера в Социальную Революцию, — вера в зрелость народных масс подняться на революционную борьбу. Анархизм учит, что даже в тех странах, где капитализм очень мало или слабо развит, или в такой отсталой, «дикой» в промышленном и социальном отношениях стране, как Россия, достаточно вызвать на почве недовольства и страданий массовое движение, дабы этим пробудить народное сознание и дать возможность революционным силам установить свободу и коммунизм. Против такого бакунинско-анархического взгляда всегда выступали сторонники марксизма. Как известно, марксизм или экономический материализм рассматривает историю человечества, как чисто-механический процесс зарождения и развития, главным образом, материальных сил, и отрицает за идеологией

всякую реальную ценность. Исходя из такового своего основного взгляда, марксисты верили, что история не делает «скачков», и что вообще пельзя «перешагнуть» из капиталистического царства в социалистическое. Для того, чтобы революция произошла, например, в России, капиталистическое производство должно быть сильно развито; должна произойти известная пролетаризация крестьянской массы, т. е., большая часть русских крестьян должна «превратиться» в пролетариев, в фабричных рабочих, и «вывариться» в фабричном котле. И когда капитализм достигнет высшей точки своего развития, когда произойдет «концентрация капитала» и «централизация средств производства», — тогда только наступит решительный момент для борьбы, для действия. Словом, марксисты делили Социальную Революцию на два периода: на подготовительный, — когда капитализм находится в процессе развития, и на решительный, — когда наступает последний час капитализма.

Но для того, чтобы оправдать свою теорию и надобность практической работы, марксисты придумали для рабочих метод политической деятельности (участие в демократических выборах, избрание депутатов и т. д.). Не следует забывать, что большевики, наряду с другими (не социалистическими) партиями принимали активное участие в выборах в Учредительное Собрание, оберегая тем самым принципы демократии. И на этих выборах они, конечно, надеялись получить подавляющее количество голосов. Но когда, наперекор их ожиданиям, надежды не увенчались успехом, и когда они, наконец, убедились, что, несмотря на свою грандиозную, широкую предвыборную кампанию, они все-таки оказались в меньшинстве, — они объявили войну демократии и выборам и разогнали Учредительное Собрание (хотя самый факт разгона Учредилики следует приписать анархистам). Большевики убедились, что подымавшая народная революционная волна не знает полумер и готова потопить всё гнилое и старое. И, подобно своему учителю Марксу, отрицавшему в свое время революционное значение Парижской Коммуны,

большевики-марксисты, испугавшись вначале широкого размаха русской революции, впоследствии уже, вопреки своим основным идеям о революции, поспешили признать этот великий, вулканический сдвиг...

Небезынтересно отметить здесь отношение марксистов к Парижской Коммуне 71 года. Вот что писал, напр., об этом М. Бакунин: «Влияние восставшей Коммуны было настолько сильно, что даже марксисты, идеи которых были совершенно заброшены Парижской революцией, должны были впоследствии преклониться перед Коммуной. Они пошли еще дальше: вопреки всякой логике и убеждениям, они должны были признать программу Коммуны и согласиться с ее целями и стремлениями. Это была комичная, но необходимая игра, ибо энтузиазм, вызванный Парижской Коммуной, был так велик, что, если бы марксисты оставались при своих старых взглядах, они были бы оставлены и презираемы всеми рабочими мира».

Каковы бы ни были в настоящее время разногласия среди анархистов по вопросам синдикализма, классовой борьбы, переходной стадии и т. д., тем не менее одна общая и очень важная идея объединяет их в одно целое. Эта идея — отрицательное отношение к государству.

Влияние анархических идей, подобно вечному бегущим потокам воды, подтачивает основы, на которых построено государство. Государственные формы меняются, старые рушатся и новые возникают, но и в моменты разрушения, и в периоды созидания громко раздается голос анархизма, напоминающий о том, что не государство с его институтами освободит человечество.

Победа анархического идеала в России, вероятно, не близка, но анархизм и теперь делает свое дело, подготавливая великую революцию в сознании рабочих и крестьян, стремящихся к полному освобождению от экономического и политического рабства.

Д. Липоткин.

БАКУНИЗМ И МАХНОВЩИНА

Под влиянием официальных сведений, распространяемых большевистским правительством, многие из наших товарищей, — не только за пределами России, но и в самой стране, — сурово и ошибочно судили об украинском повстанческом движении.

И ныне еще находятся анархо-синдикалисты, в том числе и русские, отрицательно относящиеся к махновщине, и если и не желающие вводить революцию в рамки государственности, то стремящиеся ввести ее в рамки синдикалистские, что неминуемо повело бы к созданию синдикалистского государства, более или менее совершенного, но, опять-таки, гибельного для свободной революционной инициативы.

Однако, большинство анархистов всего мира высказались в защиту идей и устремлений махновщины и против нападок и клевет на нее со стороны большевистского правительства.

В вышедшем некоторое время тому назад воззвании к международному пролетариату, выпущенном в защиту заключенного ныне в Варшавской цитадели товарища Махно, рядом

с подписями Федерации анархистов-коммунистов Германии, Вольного Объединения рабочих в Германии и Группы Русских Анархистов, стоят также подписи Рокера, Беркмана, Э. Гольдмана, С. Фора, Коломера и др.

Взгляд Рокера на махновщину известен: он один из первых выступил в защиту украинских повстанцев.

Гольдман же и Беркман всегда проявляли в этом вопросе известную осторожность и сдержанность, опасаясь скомпрометировать некоторые из наших идей. В бытность свою в Москве, они не смогли уберечься от воздействия сведений, сообщаемых правительственной прессой, которая рьяно нападала на Махно и на его сторонников. Присоединение их к воззванию указывает на единодушие, с которым анархисты готовы солидаризоваться с жестоко оклеветанным украинским повстанческим движением.

Приходится, впрочем, отметить отсутствие на воззвании подписи Бюро русских революционных синдикалистов. Но оно, быть-может, объясняется случайностью. Следует надеяться, что на предстоящем международном конгрессе

ЗАПИСКИ НЕСТОРА МАХНО

(Продолжение) *)

II

Расставив цепью бойцов, я сам подполз ближе к площади, на которой лежали австрийцы, стояли пулеметы, метались из стороны в сторону с винтовками и централками за плечами помещики, крупные собственники и вартовые. Я выяснил для себя, когда и откуда наилучше ударить на незваных пришельцев и когда получил известие, что Шусь уже у назначенного места, я подал команду — огонь! Стреляя по противнику на расстоянии 80—100 шагов, и огонь наш был настолько меток, что австрийцы не успевали стрелять.

Увидев это, я крикнул бойцам — в атаку! Ура! — И мы все, как один, бросились в атаку.

В это время Шусь с противоположной стороны открыл пулеметный и ружейный огонь.

Австрийцы бросились в паническое бегство по дороге на с. Покровское, оставив нам два пулемета, 22 подседланных лошади, брич-

ку патронов и массу винтовок. Помещики, крупные собственники и вартовые бросились через дворы и, убегая, зажигали крестьянские дома и солому.

Село Дибровка заворопило, точно муравейник: крестьяне выскакивали с вилами, косами, топорами и ружьями и беспощадно убивали австрийцев, вартовых и помещиков.

Таким внезапным и смелым налетом мы выбили из с. Дибровка этих непрошенных пришельцев-убийц и преследовали до с. Покровское.

Много пленных привели бойцы с поля битвы. Помню — крестьяне так были увлечены в этот бой, что не обращали никакого внимания на то, что 9—10 дворов, зажженных отступающими, уже почти догорали. Они все почти были за селом и каждого пленного хватали у бойцов; и, убивая, приговаривали: «кولى мы вже вас здыхаємося».

Помню — возвращаясь с боя, я с трудом отстоял человек 20—25 австрийских солдат, среди которых много было галичан украинцев, и которых крестьяне уже раздели и избивали.

синдикалистов, а также на съезде анархистов*) товарищи не преминули организовать кампанию за освобождение Махно и за охрану его жизни от смертельной ненависти, питаемой к нему русскими диктаторами.

Таким путем новый Интернационал революционных трудящихся теснее сблизился с Интернационалом, вдохновлявшимся Бакуниным.

Ибо Бакунин был защитником Махно: он провозгласил свое сочувствие махновщине за полвека до ее появления.

Когда великий анархист-агитатор думал о русской революции, когда он направлял свои бунтарские усилия в сторону родной страны, вдохновляемый своим революционным энтузиазмом и непоколебимой энергией, в памяти его возникал мятежный образ Стеньки Разина; мечты его выливались в широкое русло крестьянского восстания.

Около 1869-го года Бакунин бросил всякую пропаганду в Западной Европе и порвал со всеми компромиссами, в надежде воскресить в России стихийное движение, воплотившееся за два столетия до того в полуполюгендарном бунте Стеньки Разина.

Махно — современный Стенька Разин, яснее сознающий конечные цели, но также

вдохновляемый вечно живым в народной душе анархистским духом. Широкие массы русского крестьянства видели в Разине выразителя их собственного бунтарства; и подобно этому, они впоследствии увидели в Махно воплощение их сокровенных чувств — стремления к независимости и ненависти ко всякого рода тирании и подчинению.

Восторженное отношение Бакунина к Разину, то-есть к тому же Махно, только жившему более двух веков назад, основывалось на следующем:

1. Разин был выразителем революционных инстинктов народных масс.

2. Способы защиты и наступления вырабатывались или вернее создавались независимо от всякой государственной регуляции.

3. Не создавая регулярной армии, а лишь стихийно-свободную мятежную силу, он тем самым предупреждал всякую опасность милитаристского уклона и вырождения движения.

4. Одно лишь чувство народной справедливости руководило революционными усилиями Разина.

Бакунин тоже хотел вызвать партизанское восстание во Франции, как против нашествия пруссаков, так и против собственных тиранов — Наполеона III-го и Гамбетты.

Бера его в действенность этого метода была столь велика, что он не задумался перейти к осуществлению его.

*) Конгресс синдикалистов, собравшийся в декабре 1922 года, вынес резолюцию общего содержания в пользу заключенных и преследуемых большевистской властью товарищей, но не упомянул особо о Махно. Конгресс анархистов не состоялся. — Поздн. примеч.

Их пришлось накормить, перевязать и под конвоем вывезти за село на ст. Просняную.

Вартовых же всех приказано расстреливать, как подлых лакеев гетманской буржуазии.

III.

Наступил вечер 1 октября. С необыкновенным подъемом я провел крестьянский митинг, после которого наши ряды пополнились вдвое.

С этих пор из села Дибровки слова: «бацько Махно» передавались во все стороны из уст в уста самими крестьянами. Отсюда крестьяне, крестьянки, их дети слово «бацько» передавали с неожиданным для меня самого уважением и любовью во все деревни и села Украины. Оно же подхватывалось и всеми отрядами. С этих пор и пришлось подписываться на всех воззваниях и официальных бумагах вместо Махно — бацько Махно.

— А хорошо ли это? — задавал я иногда себе этот вопрос. Но ответа на него не находил.

Мои друзья уговаривали меня, что так привыкли называть меня в народе. Это успокаивало меня.

IV.

Ночь с первого на второе октября прошла спокойно. Каждый из нас ложился и вставал

с каким-то приподнято-напыщенным чувством победителей.

На следующее утро нам нужно было выезжать. Но ввиду того, что со всех концов района приходили добровольцы-крестьяне и записывались в отряд, выезд был на два дня отложен.

Поэтому по-утру я сам выставил наблюдателей. Затем взял с собой прапорщика Петренко, как военного и знающего хорошо лес, и выехал с ним на всякий случай осмотреть, — удобна ли позиция. Отъезд этот занял у меня около трех часов времени.

А когда я возвращался обратно в село, то по пути встретил отряд свой, который мчался во всю рысь в лес.

Здесь я узнал, что со стороны села Покровского движется много кавалерии и пехоты. Каретник, Шусь и Марченко с двумя пулеметами и кавалерией выехали на встречу, но заметив силы противника, сейчас же возвратились в лес.

К этому времени австрийцы, установив батарею, открыли по селу Дибровки огонь, в одно и то же время бросив один батальон пехоты на село, а два при 200—300 кавалерии на обхват леса.

На помощь им со всего Дибровского и Больше-Янисельского районов потянулись немцы-колонисты, крупные собственники, помещики и вартовые со своими мелкими отрядами. Ткнулись они бесконечными веренищами с необыкновенным воодушевлением и ра-

Неудача Лвонской попытки (в сентябре 1870 года) наполнила его душу пессимизмом по отношению к будущему французского народа, но он ни на минуту не усумнился в огромном значении партизанской борьбы, как формы народной защиты (не исключая и ее наступательной тактики) вне всякой правительственной централизации.

Пятьдесят лет спустя Махно доказал это на деле — в борьбе украинского народа против целого ряда захватчиков, в том числе и Троцкого, этого гласателя абсолютной централизации и милитаризации, — Троцкого, который принужден был признать всю ценность махновской тактики, противопоставляемой стратегии современных армий.

Явным доказательством является то обстоятельство, что Троцкому пришлось вести переговоры, как держава с державой, с «украинскими бандитами», и что «украинские бандиты» дважды спасли Россию от опасности монархической реставрации, разбив войска Деникина, а затем Врангеля.

В Сибири другие «бандиты», — анархисты подобно Махно и враги всякой власти, — нанесли решительнейшие удары колчаковской армии.

Мы отнюдь не отрицаем значения современных армий для достижения поставленных им целей. Но анархистское повстанчество, питаемое народным брожением, не имеющее постоянного центра и повсюду его находящее,

представляет собою для своих врагов поистине стоголовую гидру, которую невозможно уничтожить. Мы признаем его формой защиты, более высокой и продуктивной, потому что оно не разрушает чувства свободы и не несет в себе зародышей, свойственных всякой регулярной армии: зародышей Государства.

Регулярная армия не может оказаться в руках пролетариата орудием освобождения, ибо она не только уничтожает свободу собственных своих членов, но и неизбежно кует цепи для поработленного народа.

При разборе сложной задачи революционной защиты и наступления в момент крушения нынешнего социального строя анархистам предоставляется выбор лишь между двумя методами:

1. Теоретического бакунизма, проведенного на деле махновщиной; и

2. Толстовского антимилитаризма (непротавления), рекомендуемого товарищем Пьером Рамос.

В среде революционного синдикализма вопрос о защите Революции разбирался со страстной горячностью; но решение не найдено: ибо подобно тому, как государственники видят всё не иначе как сквозь призму государства, так и синдикалисты находятся на пути к тому, чтобы стать слепыми ко всему, что не укладывается в «единственные» синдикалистские рамки.

Берлин, ноябрь 1922г. Д. Сантльян.

довались, что теперь именно, в Дибровском лесу, возьмут и Махно, и Щуся. Отряды эти тоже рвались к лесу, беспорядочно обстреливая его.

Но мы заняли позиции с двух сторон, которые были неподступны потому, что их отрезывали реки Каменка и Волчья.

Регулярные австрийские части несколько раз пытались нас с этих позиций выбить, но нам легко удавалось заставлять их отступать или же ложиться и молча, притаившись, лежать.

День спускался к вечеру.

Село Дибровки зажжено и горит. Крестьяне — на подводах, верхом на лошадях, пешим — из села разбегаются во все стороны.

Австрийцы одних заворачивают, других расстреливают, а третьих просто разрезают и, отобрав лошадей, бросают в поле.

Прибежавшие в лес из села крестьяне рассказывают, что дворов целых в селе не останется; его специально, по всей вероятности, приехали сжечь, так-как по улицам ходят из двора во двор и зажигают.

Зажигали его все: и помещики, и немцы-колонисты, и вартовые. Не оставались без участия в этом гнусном деле и регулярные австрийские части.

Солнце зашло. Наступили сумерки. Но от горевшего села Дибровок лес освещался, точно днем.

Батарея перевела свой огонь из села на лес.

Я узнал от т. Щуся, где наилучший выход из леса и, посоветовавшись с ним, сделал распоряжение сняться всем с позиции и тихо выезжать вдоль реки Каменки на с. Гавриловку (расположенное в 12—15 верстах от Дибровки).

Крестьян и крестьянок, которые оставались в лесу, мы просили не падать духом. Мы говорили им, что всё, что сейчас враги наши творят в селе Дибровки, — завтра или послезавтра обрушится на них.

Крестьяне многие говорили: «Пусть сгорит всё наше в селе, лишь бы мы остались живы. Мы надеемся, что все же мы победим». Из леса мы выехали благополучно, без всяких поражений.

Село Дибровки все сильнее и больше охватывалось огнем, и путь наш до села Гавриловки освещался словно днем.

V.

Артиллерийский обстрел леса не прекращался. Гул его доносился к нам и этим напоминал нам кошмар, переживаемый крестьянами-дибровцами.

Село Гавриловка было все на ногах. Беззая в него, мы говорили крестьянам, что мы — губернская державная варта и тут же спрашивали: — Не бежали ли здесь банды Махно и Щуся? — На что получали ответ: «Мы таких банд не знаем и не слышали». И в свою очередь спрашивали нас: «А что это

ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ

(Очерк II) *

Очень часто смешиваются и отождествляются понятия «индивидуальность» и «индивидуалист», и прав тогда Ган Ринер, считая, что при таком упрощенном взгляде на вещи и Бисмарк мог бы считать себя индивидуалистом... Но слово «индивидуальность», это — простое констатирование факта, между тем как «индивидуалист» — термин условный, обозначающий ту или иную степень совершенства и духовного роста, которой может достигнуть индивидуальность при известном напряжении воли. Отношение между ними в психологическом смысле такое же, как в физиологическом — между яйцом и птицей, зерном и плодом,

челов. эмбрионом и человеком, с той только разницей, что здесь отсутствует элемент волюнтаризма. Зерно, яйцо, эмбрион и т. д. являются только субстанцией, возможностью, из которых, впоследствии, под творческим действием законов эволюции получается нечто более сложное и скомбинированное. Конечно, уже в яйце, зерне, эмбрионе и т. д. находятся, хотя еще в зачаточном состоянии, все элементы будущего организма; но все эти зачатки и зародыши являются не самоцелью, не конечным, а отправным пунктом, первоначальной фазой, прелюдией. Всякий человек — индивидуальность, но не всякий человек индивидуалист; или, выражаясь словами Горького: «все — люди, но не все — человеки».

*) См. «А. В.» № 1.

по направлению Дибривок горит, и что за стрельба оттуда слышится?»

И когда мы им объяснили, что это мы жалги с. Дибривки за то, что они, дибривчане, бунтуют против нашего гетмана и наших союзников немцев и австрийцев, спасших нашу Украину, то некоторые из крестьян восклицали: «Ага, так им и надо! Там где-то и наши сыновья поехали им отомстить, а то они — эти дибривцы — организовались, и им ничего не сделаешь». Другие же, понутив голову и тяжело вздыхая, спрашивали: «Да неужели сожгли всю Дибривку?..»

После долгих объяснений мы узнали, что злорадно восклицавшие: «ага, так им и надо!» — были крупные собственники, сыновья которых находились в карательных отрядах и сейчас были в с. Дибривках.

Позтому было сделано распоряжение все дома этих собственников сжечь.

Из Гавриловки мы переехали через Ивановку в одно из помещичьих имений, где и остановились на отдых.

Хозяевам экономии было заявлено, чтобы они никаку из экономии не выходили. Сами мы зарезали быка, и кто готовил завтрак, а кто улегал спать. Было утро. Солнце чуть-чуть подымалось в направлении с. Дибривок. Зарева уже не было видно. Но черные клубы дыма еще закрывали синеву неба, и это напоминало нам вчерашний день.

Я долго думал о нем, но в конце концов от страшной усталости уснул.

Спустя некоторое время меня разбудили и доложили, что наши разведчики привели из села Андреевки (Клевцово) тачанку с тремя вооруженными немцами-колонистами, ехавшими из села Дибривок. Их ввели ко мне. На вопрос мой: «Вы, бандиты, где были?» — я получил ответ: «Мы не бандиты; мы бандитов ездили бить.»

От них я узнал, что они ездили в село Дибривки ловить Махно и Щуса, но что им этого из-за трусости австрийцев не удалось; но зато село Дибривки всё сожгли, как они говорили. Я долго с ними беседовал на эту тему. И они, считая, что говорят с начальником отряда губернской державной варты, каким я им представился, подробно мне описали, как расстреливали и избивали крестьян, как жгли дома, как быстро и сильно загорелось всё село, и как еще продолжает гореть. Всё это я, скрепя сердце, выслушал и затем сказал, что это хорошо, так только и можно проучить непокорных крестьян и заставить уважать па-на гетмана и его законы.

— Да-да! — подхватили немцы-колонисты. Но когда я сказал им: «Спасибо за ваши новости; они для меня очень важны; они, ваши новости, говорят, как я, Махно, должен с вами поступить сейчас», и когда я подозвал к себе Щуса и показал им его, — они остолбенели. И затем уже, когда я сказал, что народные убийцы не должны бояться кары, — хотя бы она выражалась смертью, — немцы-колонисты видимо пришли в себя и заявили мне: — Мы пойдем с вами и будем верно служить вам.

Итак, индивидуализм, это — определенная философская доктрина, и доктрина этическая, как бы ни игнорировали этого многие сознательно или инстинктивно хватающиеся за нищетаемое «по ту сторону»..., конечно с различными нюансами и вариациями.

Что же является квинт-эссенцией, ядром индивидуализма, независимо от всех его ответвлений и оттенков? — Возможно более полная эмансипация личности от всех неестественных для нея пут и уз, которыми спутали ее общество, государство и т. д.

Какими же средствами эта эмансипация может быть удобнейшим образом реализована? — Но тут-то и индивидуализму приходится разделить судьбу своих собратьев-идеалов и фатально пойти их роковой дорогой. Тут-то и начинается то проклятие, которое тяготеет над христианством, социализмом, коммунизмом.

Пока идеал еще витает в отдаленной беспредельной лазури таинственного будущего; пока он только мечтой и сладостной грезой, легкой феей, гостьей небесной, как вдохнове-

ние и откровенье, вкрадывается порою в сердце человека, волнуя и чаруя душу гения, пророка или поэта; пока он еще только чуть различаемой, дымчатой мистерией парит в недосигаемых высотах воображения, — суровый, беспощадный аналитический разум человека не решается еще взять скальпель и произвести вивисекцию. Но когда наступает для идеалов их злополучный час спуститься с олимпийских высот в равнины и долины — к вечно страдающему роду людскому, тогда становятся они падшими ангелами, тогда начинается их «хождение по мукам...» И в этом общем правиле индивидуализм не является исключением.

Все идеалисты (в том числе и индивидуалисты) находятся по отношению к своим идеалам в положении человека, наблюдающего с какого-нибудь отдаленного пункта какой-нибудь пейзаж или акварель. Не видать ни впадин, ни бугров, ни холмов; не видать ни мазков, ни штрихов, ни пятен. Всё сливается в одно стройное, слитное, цельное. Но чем ближе подходить к объекту наблюдений, тем с

Я лично не мог дальше опрашивать их. Я схватился руками за голову и, убегая от них, неистово плакал.

Меня не интересовала ни их смерть, ни жизнь. Я видел в них подлых людей и старался больше не видеть...

VI.

Мысли мои были в селе Дибривки. И я, точно помешанный, ходил по двору экономии, устремив свой взор в направлении этого села, из которого подымались черные клубы дыма, застилая собой всё небо.

Во мне что-то страшно подымалось, и я испугался сам себя. Это заставило меня поспешить увидаться с кем-либо из близких мне людей.

Я направился к помещению, где прежде отдыхал. По пути встретился с тов. Каретником, который шел доложить мне, что раз'езды поймали еще несколько тачанок с немцами-колонистами и собственниками хуторянами; что все они были вооружены, говорили то же, что и первые, ввиду чего их казнили. Ничего не ответив на это, я приказал, чтобы объявили всем приготовиться к отъезду.

В задачу нашу входило как можно скорей обехать села и местечки уезда и поинформировать крестьян о том, что австрийцы и гетманцы сделали с селом Дибривки.

При выезде из имени наши раз'езды привели еще одну тачанку с 4-мя вооруженными

немцами-колонистами. С ними же сидел и один крестьянин с. Дибривки, которого колонисты в чем-то заподозрили и взяли с собой в колонию для пыток.

От этого крестьянина мы подробно и более или менее верно узнали, что сделано с Дибривками, и кто всё это сделал. Больше всего жгли, свирепствовали и расстреливали в с. Дибривках немцы колонии «Красный кут» и хуторяне «Фесуны» и «Хомычги».

Записав всё это, мы выехали по своему маршруту.

VII.

Спустя три дня, мы приблизились к колонии «Красный кут». Было решено взять ее.

— Колония эта хорошо вооружена, — говорили крестьяне соседних с нею деревень.

Ровно в 2 часа дня 5-го октября мы эту колонию опенили и заняли без выстрела. Сразу поймали 21 хозяина и разоружили. Остальные хозяев 40 еще не возвращались из с. Дибривок. Пока мы собирали и свозили оружие к себе, нам попались еще несколько человек, приехавших из села Дибривок. Отобрав оружие и выслушав рассказ об их злодеяниях в Дибривках, мы их всех расстреляли.

Колонию собственников-хуторян «Красный кут» мы, кроме школы, сожгли. Затем выехали на другой хутор собственников, жегших Дибривки, — «Фесуны», который мы также сожгли. Затем мы направились в Гуляй-Поле.

большей ясностью и рельефностью выступают все эти особенности наружу. Многие, в порыве экзальтации и энтузиазма, как-будто не замечают всех этих особенностей и противоречий. Для них важен идеал; средства и методы для его воплощения в жизнь — дело второстепенное. Между тем, печальные опыты жизни и бесчисленное множество исторических данных с неоспоримой ясностью и наглядностью доказывают, что средства и методы, пути и дороги не только не являются делом второстепенным и второй важности, но наоборот — очень часто играют в судьбах человечества первостепенную и доминирующую роль. Ведь не даром же Эзоп на вопрос «когда прибуду» ограничился лаконическим «иди». Толстой, как известно, отвечал не иначе. Разве было не с достаточной убедительностью доказывает, что идеал, из-за вечного, непрекращающегося антагонизма своих неизменных спутников — методов и средств, — постепенно отодвигается на задний план, забывается, стирается, исчезает, а последние, становясь самоцелью, дерзко и надменно занимают его

трон: т.-е. получается то, что «из-за деревьев лесу не видать...»

«С общим бы врагом, с обществом бы покончить», — говорят индивидуалисты, — «а мы — свои люди, сочтемся!...» Но в своих конечных целях сходятся все религии, сходятся различные учения социализма и коммунизма. Не умирает ли, однако, большинство пилигримов по разным путям и дорогам, тропинкам и стезям, не дождавшись святого часа приключения к столь лелеянному святилищу, во имя которого они и отправились в дальнюю дорогу? Не погибает ли большинство экспедиций в безбрежной, песчаной и безводной пустыне сухой казуистики и бесплодных дискуссий, устремив свои трепещущие руки и пылающий взор к вырисовывающемуся в недостижимой дали оазу?... Ведь всего только несколько лет тому назад, социалисты всех оттенков и направлений, увлеченные общей целью — борьбой с абсолютизмом и самодержавием, смотрели сквозь телескоп на все свои дифференциации, и только немногие из них инстинктивно чувствовали или сознавали, что в

По пути мы встретили возле имения помещика Гизо самого Гизо, при обыске у которого в кармане оказался револьвер и фотографическая карточка Щуся. Помещик Гизо, когда зажег дом матери Щуся, снял со стены эту карточку и взял с собой. Само собой понятно, что и бойцы, и сам Щусь не могли простить Гизо. Они его только спросили, где он ее взял, и получив ответ — «в доме Щуся», — расстреляли.

Отъехав отсюда верст 15—20, мы остановились в имении Серинова (что в 7 верстах от села Дибривки) на отдых.

VIII.

Проездом мы, — я и Щусь, — взяв с собой несколько всадников, заехали в с. Дибривку, где при въезде, кроме попов и самой незначительной кучки крестьян, шедших с крестом, хлебом и солью в руках из леса, чтобы встретить нас, мы никого не видели.

Кругом виднелись одни черные развалины да закопченные стены крестьянских домов.

Изредка по улицам пробыгали теленок, свинья или собака, которые вероятно не дали поймают себя.

Население же почти все было в соседних селах; а кто вернулся домой, тот сидел, понурив голову, задумчиво и печально в полуразрушенных стенах сожженных своих домов.

Здесь мы точно узнали, что домов сожжено 608. Ограблено всё село; количество расстрелянных еще не было выяснено.

Это вызвало внутри каждого из нас еще более острое чувство мести к своим врагам.

Из Дибривки мы обратно возвратились к своим частям.

Наш рассказ о том, что сделано с селом Дибривки, так взволновал бойцов, что они все, как один, плакали и умоляли: «Веди нас, батюшко, на врагов; мы отомстим.»

Видя такое настроение, я глубоко верил, что пусти сейчас этих двести-триста человек на любой австро-венгерский или немецкий полк, они разнесут его. Не говоря уже о варто-тетманских частях или о карательных помещичьих отрядах.

Но я так же хорошо знал, что цель нашей борьбы — не резать, не рубить, а победить своих противников.

Поэтому, посоветовавшись с товарищами по организации восстания, я распорядился по штабу издать приказ отрядам, чтобы отныне ни один немец колонист, собственный хуторянин или помещик никем не расстреливался без моего и штаба ведома.

В задачу революционно-повстанческих отрядов имени батько Махно (как они в это время себя называли) входило: как можно больше собрать у наших врагов оружия и денежных средств и поспешить вооружить революционных крестьян известных нам районов. А поэтому, являясь всем отрядам в обязанность следующее:

1) Каждый отряд, вступая в немецкую колонию, хутор или имение, в первую очередь собирает (командир) всех хозяев колонии, вы-

этих «шереховатостях» — вся грядущая гражданская война со всеми ее последствиями и выводами. «С общим бы врагом покончить, а мы — свои люди, сочтемся». Но не успели произнести эти слова износить подошвы сапог своих, как грянул гром и поднялся тот ураган, который грозил превратить весь старый, дряхлый мир в пепелище. И что же? Когда рассеялся дым и затихли раскаты, когда общая цель была достигнута и наступило время расчета, то каждый предстал со своим, наполненным мертвыми цифрами и безжизненными «научными» калькуляциями счетом, — пусть и верным по существу, но несовместимым ни с требованиями здравого разума, ни с чувствами любви, — и требовал, как тот венецианский Шейлок, полной уплаты, хотя бы мясом и кровью от живого тела несчастного народа. И в результате, между «братьями во Христе», — социалистами, собиравшимися, незадолго до того, слиться в «едином, общем, всемирном республиканском поделуе», оказались уж не маленькие дистанции, а безграничная, наполненная лютой ненавистью и неужержи-

мой злобой, пропасть. А ведь все они — Марковские дети, одного поля ягоды, одной водой окроплены, из одного теста слеплены!...

Так-что эта общая цель и конечный пункт, — во имя которых на время забываются, но не уничтожаются все разногласия, — становятся иллюзорными и даже абсурдными, ибо хранят в себе все зародыши кровавых распри, междоусобиц, взаимных гонений и истребления, знаменуя собою начало иной эры борьбы, пролог к иной эпохе насилия и вражды. Сама же победа является одновременно и обетованной землей, и тем роковым распутием, откуда начинаются новые ответвления и расчленения, новые пути и дороги: зловещий канун и траурная прелюдия новых катастроф и катаклизмов.

Удастся ли индивидуализму благополучно пройти мимо этих бесчисленных Сцилл и Харридов? Удастся ли ему благополучно причалить свою ладью к столь желанной цели и миновать той опасной болезни, которая свела, во цвете лет, столько идеалов в могилу?

Ефрем Полонский.

ясятся вместе с ними их состояние, накладывают на них денежную контрибуцию и обвешивают сбор оружия.

2) За каждую винтовку с десятью патронами три тысячи из контрибуционных денег вычитывается в пользу хозяев, сдающих оружие.

3) Если хозяев, желающих сдать оружие, не оказывается, вменяется командиру отряда в обязанность под самую строжайшую ответственность подвергнуть имение, колонию или хутор самому тщательному обыску.

И если при обыске оружие обнаружено не будет, — оставлять хозяев в покое, в противном же случае расстреливать.

4) Необходимые для подвод и всадников лошади берутся у упомянутых хозяев по принципу: у кого свыше пяти штук, — без возмещения, и у кого меньше или пять, — с возмещением.

5) Тачанки берутся безвозмездно.

6) Все активные, вооруженно выступающие против нашего освободительного движения, считаются злейшими врагами трудового народа и, смотря по их социальному положению, могут быть расстреливаемы командирами отрядов на местах их действий. Давы не случилось в этом ошибке, лучшим и справедливым судом в таких случаях должен быть опрос крестьянских сходок тех сел или деревень, где жил и попадаетея противник.

Когда этот приказ был разослан отрядам и пояснен тому отряду, который находился при мне, мы сразу отложили наступление на

Гуляй-Поле и направились в мариупольский уезд собирать по хуторам и немецким колониям оружие.

В течение недели мы собрали массу винтовок, пашек, тысяч 500 денег и попутно организовали целый ряд небольших отрядов.

Через ст. Маерское мы направились в Гуляй-Поле. По дороге под старым Керменчиком мы наткнулись на батальон австрийцев и хорошо потрепали его. Под Темировкой другой австрийский отряд потрепал нас. Но это нас не страшило, так-как то и дело приходили к нам донесения от разбросанных наших отрядов о новых транспортах отобранного у немцев оружия.

Наши отряды увеличивались, росли и развивались.

Нам оставалось только позаботиться занять Гуляй-Поле, чтобы поставить на месте главный военный центр для всех повстанческих отрядов и как следует развернуться в своих операциях.

В средних числах октября месяца 18 года мы в бердянском, мелитопольском и александровском уездах разогнали всех помещиков, в первые дни революции бежавших из своих имений, а затем под охраной немецко-мадяро-австрийских банд возвратившихся, и заняли Гуляй-Поле...

Именно из Гуляй-Поля и началась серьезная боевая подготовка моя против Де-никинщины.

(Окончание следует.)

РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Хозяйственная политика большевизма

(Нэл, его смысл и назначение)

Хозяйство того или иного народа является главной осью, вокруг которой вращается вся остальная жизнь страны. Общественные отношения, общественная мораль, политика, религия и т. п., — всё это держится на экономике страны. Рухнется хозяйство, — рухнутся все эти находящиеся на нем наслоения.

Коммунистическая Партия России, домогаясь в 1917 году власти, перед лицом всех трудящихся провозглашала, что задачей начавшейся революции является переустройство общественного и хозяйственного строя России на началах свободы и независимости трудящихся и что этой задаче партия и организуемая ею власть будут служить.

Первоначальное хозяйственное строительство большевиков в России началось с национализации (огосударствления) крупной промышленности и торговли и с введения в ряде крупных городов системы государственного коммунизма. Это было в ближайшие после октябрьского переворота дни, когда широкие массы рабочих и крестьян интенсивно жили лозунгами социальной революции.

Большевики, оказавшиеся на гребне революционных событий исключительно благодаря революционности масс, не могли в этот момент не считаться с социальными устремлениями последних. Поэтому-то их первоначальное строительство было социалистическим если не по существу, то по крайней мере по лозунгам, по внешней фразеологии. Их национализация и государственный коммунизм представляли собою именно социализм фразы, которыми они подделывались под общий тон социальной революции и которыми они одновременно укрепляли свое государственное положение.

Чтобы провести национализацию возможно полное и беспрепятственное, они огосударствили все профессиональные организации рабочих, ставшие действовать затем в отношении

последних, как дополнительные органы государства.

В конце-концов вся система национализированного хозяйства превратилась в один производственный орган, управляемый властью. Больше того, — фабрика была милитаризована и рабочая масса поставлена в условия военной казарменной дисциплины.

Для партии, стоявшей во главе государства, это было удобно, так как весь хозяйственный механизм страны приспособлялся к ее желаниям. Но для рабочих масс, поставленных подобной «национализацией» в полную подчиненность власти, положение оказалось невыносимым, подобным тому, в каком они находились до революции. На почве этого положения стали выявляться глубокие классовые противоречия — несовместимость классовых интересов и революционной совести трудящихся с эксплуататорской и диктаторской политикой «коммунистической» власти. В результате этих противоречий хозяйственное разрушение, вызванное войной и революцией, приняло катастрофические размеры. Многие виды добывающей промышленности замерли совсем. Транспорт работал с зловещими перебоями, каждую минуту угрожая общим параличом. Крупная промышленность работала частично, обслуживая главным образом нужды армии. Города пришли в состояние распада. Система огосударствления и милитаризации оказалась, таким образом, гнилым местом в народном хозяйстве. И если, несмотря на это, большевики в течение трех лет держались за эту систему, то только потому, что всё их коммунистическое хозяйствование в стране являлось ничем иным, как партийной стратегией, — стратегией, смысл которой заключался в том, чтобы за счет всех хозяйственных сил и ресурсов страны укрепить партию у власти.

В начале 1921 г. хозяйственная катастрофа ставит в положение серьезной опасности коммунистическую партию. Последняя бросается к иным формам хозяйствования и создает «новую экономическую политику».

Рассмотрим, к каким силам она обратилась при этом и в чем состоит смысл ее нового хозяйствования.

На IV конгрессе коминтерна 13-го ноября 1922 г. Ленин в своем докладе по вопросу о новой экономической политике заявлял:

«Еще в начале 1918 года я писал: «Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего (т.е. против тогдашнего) положения дел в нашей советской России»... Вопрос, который я тогда поставил себе, был: какую позицию мы должны занять по отношению к государственному капитализму? И я ответил себе: государственный капитализм, хотя он и не является социалистической формой, был бы для нас и для России формой более благоприятной, чем теперешняя...» («Правда» от 15/XI — 22 г. № 258.)

Следовательно, еще в начале 1918 года, вскоре после первых дней октябрьского переворота, вождь большевизма, не переставая эксплуатировать лозунги социальной революции, находил, что форма капиталистического хозяйствования будет для компартии удобнее формы социалистической.

Однако, горячее дыхание революции, которым массы жили в 1918—19 г., заставляло большевиков быть осторожными в этом вопросе. Лишь в 1921 году, когда государственный аппарат их прочно укрепился, а широкие массы труда были приведены в состояние пассивности, большевики решительно стали переводить народное хозяйство на капиталистические рельсы.

В чем же состоит сущность новой экономической политики?

В тезисах, представляющих собою конспект доклада, прочитанного на IV конгрессе коминтерна по вопросу о хозяйственном положении советской России, Троцкий следующим образом определяет новую экономическую политику:

«От методов военного коммунизма советское государство перешло к методам рынка... Оно перевело предприятия государственной промышленности на начала коммерческого расчета, восстановив зависимость заработной платы от квалификации и выработки; сдало

ряд мелких и средних промышленных предприятий в аренду частным предпринимателям. В возрождении рынка, его методов и учреждений и состоит существо «новой экономической политики»... Методы военного коммунизма заменены при новой политике методами рынка: куплей-продажей, коммерческой калькуляцией, конкуренцией. Но на этом рынке рабочее государство выступает, как самый могущественный собственник, покупатель и продавец».

(«Правда», 6-го дек. 1922 г. № 276, тезисы 8 и 11)

Еще с большей подробностью и конкретностью вскрывают механизм «напа» резолюции XII-го съезда Р. К. П., принятые по вопросу о промышленности:

«Большая часть государственной промышленности организуется в виде трестов, т.е. пользующихся широкой хозяйственной автономией объединений, выступающих свободно на рынке, как меновые хозяйства. Эти хозяйственные объединения, как и входящие в их состав отдельные предприятия, имеют своей основной задачей извлечение и реализацию прибавочной ценности *) в целях государственного накопления». («Экономическая жизнь» от 29-го апр. 1923 г. № 94, параграф 4).

«Система действительного единовластия должна быть проведена в организации промышленности сверху до низу. Подбор работников и их перемещение и смещение являются в руках руководящих хозяйственных органов необходимым условием действительного руководства промышленностью и возможности нести ответственность за ее судьбы. Рекомендации и аттестации профессиональных органов должны учитываться с полным вниманием, но не могут ни в коем случае снимать ответственности с соответствующих хозяйственных органов, которым существующие положения предоставляют полную свободу подбора и назначения». (Там же, параграф 11).

Из этого же — 11-го — параграфа мы узнаем, что руководящими хозяйственниками являются: «цеховые мастера, директора заводов и фабрик, председатели и члены правления трестов и т. д.»

«Вознаграждения этих руководителей предприятиями должны быть поставлены в

*) Прибавочной ценностью в политической экономии называется неоплаченная часть рабочего труда, за счет которой живет капиталист. — П. А.

зависимость от баланса, как заработная плата — от выработки» (параграф 11).

«Вышей обязанностью хозяйственников является повышение производительности труда, понижение себестоимости продукции, увеличение количества материальных благ в распоряжении государства... «Вышей аттестацией хозяйственника является активный баланс предприятия».

Мы видим, таким образом, что вместо социалистических начинаний трудящихся в области их хозяйственного самоуправления комвласть решительно вводит во всех областях промышленности принцип купли-продажи труда, коммерческого расчета и единовластия, сосредоточиваемого в руках фабрично-заводской администрации. Мы видим, что судьба всех рабочих — их перемещение и смещение — отдается в руки администрации, «высшим должом» которой является «извлечение и реализация прибавочной ценности» и которая в отношении рабочих всегда играла роль хозяйского кнута. Мы видим, наконец, что даже профессиональные органы рабочих «ни в коем случае» не могут ограничивать власть и действия этой администрации, которой «существующие положения предоставляют полную свободу перемещения и назначения» *).

Ясно, что в напе мы имеем возрожденную буржуазно-капиталистическую систему, которую русские рабочие и крестьяне свергли, было, в 1917 г. Разница лишь та, что в капитализме дореволюционных лет наибольшее поле эксплуататорской деятельности было захвачено Морозовыми, Рябушинскими и прочими тузами русской промышленности, а в изповском капитализме «самым могущественным собственником, покупателем и продавцом» выступает Общество, прячущееся за аноним государства, а в действительности являющееся Росс. Коммунистич. Партией.

В качестве системы, обслуживающей не прямые потребности трудящихся, а производящей товары на рынок в целях накопления «прибавочной ценности», изповский капитализм неизбежно несет на себе всё проклятие и несчастье безработицы, органически присущей всякой капиталистической системе. Больше того, — компартия угрожает законной ка-

рой в тех случаях, когда на предприятиях будет содержаться большее, чем требуется, число рабочих.

«Содержание на заводе числа рабочих, не соответствующего фактической производительности предприятия, представляет собою самую убыточную и нерациональную форму социального обеспечения... Произвольные, т.-е. не указанные законами и не регулируемые государством, «пожертвования» трестов представляют собою ничто иное, как расточение государственного достояния и, как таковые, должны караться по закону».

(Параграф 4 резолюций XII съезда Р. К. П.)

Под туманным и замаскированным словом «пожертвования», за которые комвласть угрожает законной карой, следует разуместь, наряду с прочими грехами, содержание на предприятиях числа рабочих, большего того, которое требуется ходом работ предприятия.

На недавно происходившем очередном съезде Р. К. П. Троцкий в своем докладе говорил: «Мы сталкиваемся с необходимостью увольнять рабочих. И это есть твердый орех, который нашей партии придется в течение ближайшего года грызть. Уклониться нельзя, ибо было бы величайшим малодушием рабочего класса в целом и его партии, если бы она маскировала (прикрывала) безработицу на еле работающих, полурботающих, на треть работающих заводах...» (цитировано по «Социалистическому Вестнику» № 15 (61).

* * *

Введение изповского капитализма коммунисты сопровождали пространными объяснениями, доказывавшими крайне важную, спасительную миссию этого капитализма в отношении соц. революции.

В упомянутом уже нами выступлении на IV конгрессе компинтерна Ленин проводил ту мысль, что новая экономическая политика соввласти является революционным отступлением, вызванным тем обстоятельством, что компартия в своем социалистическом строительстве зашла очень далеко и, будто бы, этим восстановила против себя массы трудящихся. Он говорил: «Уже в 1918 г. мы рассматривали государственный капитализм, как возможную линию отступления... В 1921 г. мы натолкнулись на большую, — я полагаю на самую большую, — внутренний политический кризис советской России. Этот внутренний кризис об-

*) Резолюция, к сожалению, не говорит, кем упомянутые «существующие положения» выработаны и утверждены. — П. А.

наружил не только недовольство значительной части крестьянства, но и рабочих...

«Чем было вызвано это своеобразное и для нас, разумеется, очень неприятное положение? Причина была та, что мы, в своём экономическом наступлении, слишком далеко продвинулись вперед, не обеспечив себе достаточной базы...»

Троцкий, не отличающийся самостоятельностью мышления и в то же время не усвоивший в полном объеме точку зрения Ленина по данному вопросу, дает следующие объяснения нэпа:

«Поголовная экспроприация не только крупной и средней, но и мелкой буржуазии города и деревни была мерой не экономической целесообразности, а политической необходимости» (тезис 3, «Правда» № 276);

«Экономическое отступление на хозяйственном фронте — стало совершенно неизбежным, когда вполне определилось, что советской России предстоит своими собственными организационными и техническими силами и средствами строить свое хозяйство...» (тезис 8);

«Советское правительство вступило на тот хозяйственный путь («нэп»), которым оно пошло бы, несомненно, в 1918—1919 гг., если бы неотразимые потребности войны не вынудили его экспроприровать буржуазию одним ударом, разрушить ее хозяйственный аппарат и заменить его на скорую руку военно-коммунистическим аппаратом...» (тезис 14).*)

*) Троцкий на протяжении всех своих тезисов, а также и в других статьях усиленно подчеркивает, что государственный коммунизм в практике большевизма является случайностью, вызванной исключительно гражданской войной с буржуазией: не будь, мол, отчаянного сопротивления буржуазии, не было бы и практики военного коммунизма. Невозможно этому поверить после того, как тот же Троцкий, в течение трех лет, огнём и мечом вводил этот «коммунизм» во всей стране и главным образом среди трудящихся.

Очевидно, ввиду провала государственного коммунизма, Троцкий задним числом хотел бы умыть руки и, таким образом, снять с себя ответственность за те преступления, которыми в России наполнена практика государственного коммунизма: ведь во имя последнего в течение трех лет рабочая фабрика и трудовая деревня бесчеловечно гнулись в бараний рог, насильствовались и казнились. И как бы Троцкий не затупевал эту основную сторону государственного коммунизма, история запишет этот коммунизм и его делателей такими, какими они были в действительности.

Достаточно сопоставить объяснения Троцкого между собой, а также с объяснениями Ленина, чтобы увидеть, на каких противоречивых измышлениях строится оправдание нэпа вождями большевизма.

Разумеется, приведенные объяснения Ленина и Троцкого не соответствуют исторической правде. Они сочинены ими для прикрытия давно наметившейся реакционной политики большевизма. Как известно, действительное положение дел в России было обратное тому, какое рисует Ленин: не массы шли против социалистического строительства, а компартия беспощадно подавляла всякое социалистическое начинание масс.

Укажем хотя бы на следующие решающие факты.

Ни одна из многочисленных попыток социализации фабрик, предпринимавшихся рабочими, не была допущена комвластью.

В деле национализации промышленности рабочие всегда стояли к социалистическому пониманию вопроса ближе, чем коммунистическая власть: проводя национализацию того или иного предприятия, рабочие всякий раз создавали из себя рабочее правление, работавшее в полной зависимости от всех рабочих предприятия; коммунистическая власть во всех таких случаях заменяла рабочие правления правительственными правлениями, состоявшими на половину из присланных чиновников и работавшими в исключительной зависимости от государственных органов. Таким образом, социалистический элемент изгонялся комвластью из всех самостоятельных начинаний рабочих даже в области национализации.

Ожесточенная борьба компартии с махновским движением велась ею исключительно против принципов независимости и самоуправления трудящихся (материалы и документы об этом собраны в книге — «История махновского движения»).

И разве не за социалистические надежды и устремления армия коммунистов разгромила революционный Кронштадт?

Лишь при безнадежно-лицемерном и наглом отношении к массам вожди большевизма могут ссылаться на отсталость и противодействие масс.

Ленин пространно говорит о необходимых отступлениях в социальной борьбе и в этом главная задача его доклада. Совершенно верно, в широкой социальной борьбе, как и во вся-

кой борьбе, имеют место не только наступления, но и отступления. Но во-первых, отступление должно предприниматься только тогда, когда сложившиеся условия этого настоятельно требуют, а во-вторых, всякое отступление, если оно не есть паническое бегство, имеет целью занятие новых более благоприятных позиций в целях продолжения и успешного завершения борьбы.

Между тем, ни в 1918, ни в 1921 году не было ни малейшего основания для отступления победоносного рабочего класса перед извергнутым капиталом. И в то же время, отступление, проделанное не революционными массами, а компартией, лишило трудящихся революционных позиций и привело их в то самое положение, в котором они находились до революции. Такое отступление называется предательством. Его смысл — путем соглашения с врагами рабочих и крестьян удержаться у власти. Это и проделал большевизм, введя в революционной стране систему капиталистического хозяйствования и капиталистических отношений.

В соответствии с проделанным капиталистическим опытом большевизма, коренным образом меняется не только его практика, но и теоретические предпосылки этой практики. Вместо былых революционных формул, которыми до захвата власти большевизм подогревал трудовую массу, теперь он пропагандирует в России то, что составляет сущность правого оппортунистического крыла социал-демократии, т.е. социализм мелких буржуа и лавочников. Всё выступление Ленина на IV конгрессе коминтерна является апологией этого социализма лавочников. «Правда», комментируя указанное выступление Ленина, пишет:

«Если мы задумаемся в прошлое, то мы увидим, какую непосильную хозяйствен-

ную задачу хотели мы сразу взвалить на наши плечи... Нап, вероятно, будет неизбежным этапом и в других странах диктатуры пролетариата... Сразу перескочить через сосуществование различных форм нельзя. Эпоха диктатуры пролетариата есть эпоха востания в социализм...» («Правда» № 256, передовая статья).

Не говоря уже о том, что востать в социализм, который имеется в книгах, а не в действительности, довольно мудрено и непонятно, — еще более мудренным и непонятным должно показаться каждому то обстоятельство, что для этого востания почему-то необходимо в революционной стране, только что освободившейся от капитализма, вводить капиталистические порядки.

Эта хитрая словесная механика не ведет ли к обратному, — к востанию в капитализм?

Мы уверены, что да, и надеемся, что настоящей статьей о хозяйственной политике большевизма мы в должной мере доказали это.

Каковы же фактические достижения нап?

Как показал опыт двух последних лет, режим нап ни в малой степени не восстановил общего хозяйства в стране, даже в его капиталистической форме. Но этот режим путем безграничной траты запасов сырья и народных сил, путем разорения целых отраслей промышленности и путем низведения трудящихся до полного бесправия выжал из последних ту долю «прибавочной ценности», которой коммунисты в состоянии содержать государственный аппарат и красную армию.

В этом — основное назначение нап, ибо всё существование компартии в России в настоящее время держится исключительно на государственном аппарате и в первую очередь — на красной армии.

П. Аршинов.

О положении пролетариата в С. С. С. Р.

В России в данное время намечается определенный сдвиг с мертвой точки, на которой оказалось всё революционное трудовое движение страны после отражения всех грозивших власти большевиков опасностей. Голод, холод, переутомление, правительственный террор, провокация, шпионство, угрозы увольне-

ния, аресты, высылки, — всё это долго держало в страхе и подчинении рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию, делавших и делающих еще и теперь всё, что постановит коммунячка, это шпионско-провокационное око большевиков во всех учреждениях, заводах, фабриках, во всех профсоюзах, кооперативах,

театрах, школах, рабфаках. Но симптомы начинающейся потери устрашающего влияния этих органов диктатуры коммунистов, — симптомы перелома в психологии масс, начинающих достойно оценивать истинное значение этих «ячеек», — уже на-лицо, и не только в Москве, но и в целом ряде других городов: Петрограде, Сормове, Киеве и пр.

Этот перелом намечается под влиянием, главным образом, экономически-финансовой политики власти, пытающейся стабилизировать свой рубль и поднять на должную высоту тяжелую индустрию и транспорт. Чтобы стабилизировать рубль, необходимо сократить эмиссию. Сократить же эмиссию можно лишь путем увеличения налогов (движение по линии наименьшего сопротивления).

На частную торговлю и производство, которые играют сравнительно незначительную роль в России, налоги установлены такие, что они прямо стонут под их тяжестью. Большого не выжмешь никаким прессом — даже спецбольшевистским.

Обложение дефицитной в общем государственной торговли и промышленности — бессмысленно. Крестьянство острижено так, что стричь больше нельзя, если не решить попортить всю кожу.

А рубль всё падает; цены на фабрикаты всё растут, расстояние между ними и ценами на хлеб всё увеличивается; товарный рубль безудержно лезет вверх, обгоняя золотой рубль...

Что же делать правительству, держащему курс марксизма на поднятие тяжелой индустрии в целях укрепления пролетарской диктатуры в крестьянской стране? У этого курса — одна политика: обложить. Обложить и другие слои населения, помимо уже существующего налога, налога на «высокую» заработную плату (150 тов. руб.).

— Надо приносить жертвы, надо урезать заработок на покупки облигаций золотого выигрышного займа, распространение которого среди населения повлечет за собой укрепление советского рубля. — Так постановляет пленум Московского Совета («Известия» 29-го августа, № 193). Кто зарабатывает до 20 червонных рублей, должен брать на 3% заработка облигаций; до 30 р. — на 5%; до 45 — на 8%; до 60 — на 10%; до 90 — на 13%; свыше 90 р. — на 20%...

В переводе на товарные рубли (по курсу тов. рубля в 279,5 и курсе червонца 161,5 на 22 — VIII) получается следующая таблица: кто получает

до 11,6 тов. р., берет облигаций на	3%
„ 17,4 „ „ „ „ „	5%
„ 26,1 „ „ „ „ „	8%
„ 34,8 „ „ „ „ „	10%
„ 52,2 „ „ „ „ „	15%
свыше „ 52,2 „ „ „ „ „	20%

Это помимо обычных вычетов из жалования на разные проф. и культурные цели, уре-

пление красного флота, воздухофлота, последнего, кассу взаимопомощи и т. п.

Рабочие и служащие, получив облигации займа, продают их на вольной бирже. Когда сами они платили по 925 р. за штуку, биржа давала лишь 510. Спекулянты же, скупающие облигации, закладывают их в банк по 550 с тем, чтобы не выкупать. По истечении месяца эти облигации становятся собственностью банка. При следующей покупке рабочие и служащие делают то же самое: продают на бирже; с биржи облигация попадает в банк. Таким образом, рабочие и служащие на каждой облигации теряют почти 50% ее стоимости, а выплаты на каждой облигации зарабатывают 40 р. сов. зн. 23 г., т.-е. происходит дополнительная эксплуатация труда. При содействии власти заработная плата понижается и вместо

11,6 тов. рубл.	работники получают	11,4
17,4 „ „ „ „ „	„	16,9
26,1 „ „ „ „ „	„	25—
34,8 „ „ „ „ „	„	33—
52,2 „ „ „ „ „	„	48,3

Как должен реагировать на это рабочий, зарабатывающий 1 р. в день, у кот. вычитывают 10 коп.? Или квалифицированный рабочий, зарабатывающий 3 р., у которого вычитывают дополнительно 60 коп.? Трудно допустить, чтобы, даже при условии оплаты рабочих аккуратно, в-время, масса не реагировала на это насильственное и искусственное расширение выигрышного займа.

Тресты и синдикаты, производящие на склады, страдающие от низкой покупательной способности населения и переживающие финансовую «заминку», не имеют средств для своевременной выдачи зарплат. Такая задержка происходит систематически — особенно в провинции, причем выплата с опозданием не меняет курса, по которому оплата производится. Если выплата зарплат опаздывает даже на 2—3 дня, то рабочий на каждый золотой рубль теряет не менее 75—100 р. (знаками 23 г.). И этой пляской курса пользуются госорганы, чтобы «подработать» на курсе за счет рабочего пота, задерживая выдачу зарплат не на 2—3 дня, а на месяц, как это часто происходит, хотя бы на сормовских заводах.

К таким финансовым операциям власти прибавляется и промышленная политика — концентрация производства. Государственная промышленность убыточна, как вследствие высоких накладных расходов, так и недостаточной нагрузки заводов. Повысить нагрузку и понизить накладные расходы возможно, — говорят коммунисты, — концентрацией всего производства на наилучшие оборудованных заводах и закрытием остальных, увеличением напряженности труда путем сокращения числа рабочих и т. д. И эта концентрация приводит к непрерывному сокращению числа рабочих. Так, один водный транспорт, где работают 64 тыс. раб., сокращается на 30 тыс. А ведь нет ни одного завода, учреждения, где не происходило бы сокращение параллельно с

отнятием у рабочих производительного пайка. Он уже почти везде отобран, а заработная плата осталась на прежнем уровне.

Итак, сокращение, под дамокловым мечом которого живут работники умственного и физического труда, уменьшение зарплат, увеличение интенсивности труда, громадные спецставки (плата администрации), понижающие ставки рабочих, рост товарных цен, обесценивающий зарплату даже в том случае, когда она выплачивается в червонных рублях (что происходит чрезвычайно редко, ибо червонный рубль растет медленнее товарного: с 1-го по 22-го августа курс банкнот увеличился на 40%, а бюджетный рубль на 44%), систематическое опаздывание с выдачей зарплат, — всё это не может не толкнуть рабочих на борьбу за улучшение своего положения. Действительно, соромский завод недавно вновь бастовал; бастовали железнодорожники Киево-Воронежской ж. д.; бастовали рабочие в Харькове. Причем, украинский «староста» Петровский, пытавшийся на одном из бастующих заводов оправдаться империализмом, соглашательством и соц.-предательством врагов советского строя, был форменным образом освистан.

Ожидается сокращение служащих и рабочих на жел. дорогах; сокращение происходит на фабриках Моссельпрома в Москве. На колбасной фабрике Моссельпрома — забастовки. Все рабочие рассчитаны, производится набор новых рабочих.

К сожалению, точно указать развитие забастовочного движения невозможно, из-за отсутствия каких-либо данных в официальных органах (неофициальные ведь все запрещены): такие «преступные» факты тщательно скрываются от населения.

Интересно отметить роль профсоюзов и тактику рабочих при объявлении стачки. При возникновении забастовки на частных предприятиях — профсоюзам, опирающимся на все органы власти, чрезвычайно легко заставить хозяина уступить. Но на государственных предприятиях роль их двучлима. С одной стороны, как коммунисты, как члены партии, диктующей всю политику страны, они прилагают все усилия, чтобы сорвать забастовку, находя всяческие оправдания правлению государ-

ственного треста, синдиката, во-время не выплачивающих зарплат (гомза). С другой стороны, они ведь обязаны защищать интересы рабочих. И тут происходит столкновение коммунистов-профессионалистов с коммунистами-хозяйственниками. Это столкновение происходит не только накануне забастовки, но при всех столкновениях труда с государством-капиталистом при заключении коллективных договоров. Однако, столкновение это при забастовках смягчается, ибо все коммунисты против стачек. Но если масса этого требует, — профсоюзники лицемерно, против воли своей и скрепя сердце, идут за массой, которая всё это чувствует, понимает и не доверяет. Вот почему, при объявлении забастовки и предложении представителя профсоюза выбрать стачечный комитет, рабочие отвечают: и без комитета забастовку проведем. На предложение правления треста послать для переговоров делегацию отвечают: все пойдем, никаких делегаций. Недоверие так велико, уверенность, что вожаки пострадают в первую очередь, так сильна, что всё вырабатывается скопом — без вожаков: все, мол, виноваты или все правы. И действительно, коммунисты вожаков не терпят. Вожак — они; если не они, то никто. И ничто на пути осуществления своей монополии на власть — ни страдания людей, ни разрушение производства — их не останавливает. Закрывать завод — пустое дело. Выбросить тысячи людей на улицу — ничего не стоит. Увеличить рабочий день, нажал на рабочих, держать их под страхом увольнения, — когда угодно. Ведь всё это они делают, по их мнению, в интересах коммунизма. Цель оправдывает средства.

Но рабочие начали уже понимать как истинное значение пасажаемого коммунистами государственного капитализма, так и меры, применяемые ими для укрепления периода «первоначального социалистического накопления».

А раз мертвая полоса проходит, то и переход всего рабочего движения на правильный путь развития обеспечен. К этому наступающему периоду надо отнестись внимательно, чтобы направить рабочее движение по пути борьбы за свободные начала социального строительства.

Г. Н.

КО ВСЕМ анархическим и синдикалистским (индустриалистским) изданиям и организациям.

Редакция «Анархического Вестника» просит все анархические, анархо-синдикалистские, синдикалистские и индустриалистские организации и издания высылать ей, для надобностей журнала и в обмен на издания Группы Рус. Ан. в Герм., их периодические и не периодические издания; а также — сообщить в редакцию «А. В.» свои адреса, в целях регулярных сношений.

Исторический отдел

Анархическое движение в Италии с 1914 г. до наших дней

Очерк III *)

ЗАЩИТА И ЕЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИ ЗАНЯТИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ И В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ

Для обеспечения успеха революции огромное значение имеет, помимо стороны экономической, также сторона защиты. Во всяком революционном движении, — как только оно минует первую стадию чистого восстания и вступит на путь подлинной революции, — неминуемо встанет во всей своей важности и неотложности вопрос о его защите.

Капитализм, буржуазия, — все элементы, которые в революции видят нарушение своих привилегий, — не только окажут ей отчаянное сопротивление, но, даже будучи уже побежденными и обесцененными, не так легко покинут поле сражения. Отсюда вытекает необходимость такой защиты революции, которая обеспечивала бы возможность борьбы до победного конца.

Немалое количество революционных попыток понесло поражение именно в силу отсутствия подобной защиты.

По поводу неудачи попытки, совершенной в Италии осенью 1920 года, также раздались голоса, приписывающие эту неудачу не столько предательству контр-революционных элементов, стоящих во главе «Всеобщей Конфедерации Труда» и Социалистической Партии, сколько недочетам, чтобы не сказать, отсутствию организации революционной защиты.

Но если вообще верно положение, что в неудаче революционного движения, в неуспехе революции повинно бывает не одно какое-либо единственное условие, а всегда совокупность условий, — разумеется, не одинакового значения, — то относительно итальянских событий при занятии фабрик и заводов следует заметить, что недостаток организации защиты, хотя и имел некоторое значение, но, — как увидим ниже, — отнюдь не решающее. Не следует к тому же забывать, что движение это продолжалось слишком короткое время, чтобы успеть ясно выявить все свои стороны. Оно имело время лишь набросать некоторые контуры, лишь приступить к некоторым начинаниям, наметить пути, сделать известные по-

пытки, но не успело подойти к намечавшейся цели.

Мы уже рассмотрели различные стороны его, — как например, вопрос о производстве и, главное, об обмене, — но не остановились в предыдущих статьях с достаточной обстоятельностью на вопросе о защите.

Производство и защита — эти две задачи не могут быть отделены друг от друга, ибо одна служит дополнением другой, и обе вместе являются краеугольными камнями революции. Обе они и были лозунгом итальянских рабочих в тот момент, когда те вынесли постановление о занятии фабрик и заводов.

Рабочие понимали, что революция без усиленного производства будет проиграна; для того же, чтобы иметь возможность развивать производство, необходимо быть обеспеченными от удара в спину со стороны врагов. И действительно, в первый же день, в первый же час, была предпринята организация защиты завоеванных фабрик и заводов. Однако, тут же возникло затруднение. Необходимо было с самого начала воспрепятствовать возможности образования особой категории людей, желающих отдаться исключительно служению оружию, или вернее занимающихся исключительно военным ремеслом, окончательно забросивших работу и препятствующих тому, чтобы были вооружены все рабочие. Ибо не надо забывать об одном важном факте, который пришлось проверить на деле во многих случаях: что для большинства много легче и заманчивей служить в солдатах, нежели работать на фабрике, и что труднее найти сотню хороших работников, нежели тысячи солдат. На этом основании в Италии стали думать о том, чтобы несущие службу охраны и защиты на следующий день возвращались к станкам и чередовались таким образом с другими группами товарищей, — так, чтобы ни одна из них не оставалась бы бездейственной.

Нельзя, разумеется, утверждать с уверенностью, что эта защита, что этот метод способны были бы выдержать серьезный натиск правительственных сил. Но, как мы уже име-

*) См. „А. В.“ №№ 1 и 2.

ли случай отметить, премьер-министр Джолитти должен был заявить в итальянском парламенте: «Невозможно силою заставить рабочих очистить фабрики и заводы». Необходимо, кроме того, помнить, — если бы кто-либо указал, в виде возражения, на отсутствие подлинной, сильной, чисто-военной организации, — что ни в коем случае твердая военная организация не нашла бы сочувствия в народных массах Италии, так-как по самой природе своей эти массы глубоко враждебны строгой дисциплине и всему, что связано с военной. Вся история итальянского народа указывает на то, как в свободных и самообытных движениях, — вероятно, несколько хаотических, но всегда проникнутых глубоким идеализмом, — можно завоевывать и защищать свободу, всегда подавляемую и попираемую всяким милитаризмом. Во всей дошедшей до нас истории итальянского освободительного движения, пример которого мы берем, как наиболее близкий нам по времени, мы видим множество мятежных героев, бунтарей, которые сами, на стороне, часто даже против регулярных войск, выступали со своими отрядами на борьбу против притеснителей народа. Среди них выделяются Карло Пизакане* и Джузеппе Гарибальди. Первый, заклейменный именем «бандита», сформировал отряд численностью в 100 человек и высадился на острове Капри, с целью перебраться оттуда в соседнюю Сицилию, провозглашая всюду лозунги революции и свободы; но, не понятой жителями Капри, подстрекаемыми полицией, был перебит вместе со всеми почти участниками отряда (в июне 1857 г.). Второй, известный герой старого и нового света, в течение долгих лет сражался со своим легионом «краснорубашечников» всюду, где подымала голову тирания**. И если бы даже трагический конец Пизакане казался тому опровержением, оба эти человека и их движения, проникнутые духом свободы, были и останутся выражающими истинный характер и темперамент итальянского народа.

* * *

По окончании войны итальянские солдаты возвратились по домам не только с чувством глубокой ненависти к буржуазии, которая во-

*) Личности и деятельность этого полу-забытого повстанца анархизма в Италии следовало бы посвятить особую страницу в истории нашего движения. Пизакане — автор нескольких чрезвычайно интересных вещей, в том числе: «Размышления о революции» и «Как создать вооруженный народ». Если бы мне позволили, я в одном из ближайших номеров журнала дам заметку о нем.

**) В отличие от Пизакане, Гарибальди был чрезвычайно популярен. Но, с точки зрения анархистского движения, деятельность его и вдохновлявшие его идеи представляются значительно менее интересными. В своей «Истории Интернационала» Гальтом говорит о Гарибальди и рассказывает о своей встрече с ним в Анконе и о речи, произнесенной им на мировом конгрессе (9—12 сентября 1867 г.), накануне его нашествия на папский Рим. На заседавшем этом конгрессе Гарибальди внес несколько предложений, из которых следовало, главным образом, «Только рабы вправе вести войну против тирании»; и он добавил: «И это — единственный случай, когда, я думаю, война допустима».

влекла их в войну столь же жестокою, сколь и бессмысленною, но также и с значительным запасом оружия и с известной военной подготовкой.

Весь период времени, протекший от окончания войны до занятия фабрик и заводов, был полон постоянных стычек и борьбы, как мы уже отметили это в предыдущих статьях и будем еще иметь случай указать и в будущем. Борьба эта приняла новый вид и новые формы, разнящиеся от тех, что были обычны до войны. Отличие заключалось как в новой психологии, создавшейся в условиях и под влиянием войны, так и в значительном количестве оружия, привезенного домой с фронта.

Так, например, перед войной были чрезвычайно редки случаи, когда из толпы стреляли бы в полицию до того, как последняя сама пускала в ход оружие; если же что-либо подобное и происходило, то оно всегда было делом рук отдельных личностей, но никак не толпы, которая взирала на такого рода действия скорее недоброжелательно. После войны, наоборот, сплоченные массы стали с оружием в руках нападать на полицию и во многих случаях заставляли ее обращаться в бегство. Теперь это были не изолированные случаи и не выступления единичных личностей, не связанных с окружающими и защищавшихся, как полагало, от полицейского насилия; теперь действовали многочисленные группы, сознающие свою силу и отлично учитывавшие свои шансы не только для защиты, но и для нападения. Такие эпизоды имели место постоянно и при каждой демонстрации. Факты, подтверждающие наличие этой изменившейся психологии итальянских масс, чрезвычайно многочисленны на всем протяжении революционного движения 1918—1920 годов. Упомянем, для примера, известные демонстрации против вздорожания хлеба — главным образом, в Милане, а также восстание в Анконе*). Случаи восстаний и мятежа учащались с головокружительной быстротой, вспыхивая один за другим — в Милане, в Турине, Анконе, Флоренции, Венеции, Триесте, Болонье и пр. и пр. Любопытнее всего, что теперь в борьбе, в бунте принимала участие вся толпа, прибегая ко всякого рода оружию.

Разумеется, все эти эпизоды не были подготовлены и организованы: они являлись непосредственным выражением и взрывом негодования выведенных из терпения масс. Однако, они оказывались достаточными для достижения ближайших и временных целей, которые массами ставились.

Но по мере того, как расширялись и уточнялись стремления масс, все эти беспорядочные насильственные действия неминуемо должны были принять более однородную форму, соответствующую новым целям. И в самом деле, с занятием фабрик и заводов, действия масс, направленные к защите, приняли более

*) О восстании bersagliers в Анконе, поддержанном всем населением города, мы дадим особую заметку.

правильные и организованные формы, давая возможность развернуть более широкую и глубокую деятельность.

Организация защиты тогда выступила на первый план. По занятии предприятий, основной задачей явилось дело удержания и защиты их. Первые дни были посвящены исключительно заботе об организации этой защиты. На первых порах она поневоле была чрезвычайно примитивна; но затем быстро пошла по пути улучшения и усовершенствования. В первые дни она была примитивна потому, что приходилось использовать всё, что могло дать занятое предприятие немедленно, до новой выработки. Одним из первых способов защиты, применявшимся в особенности по ночам, было окружение завода сетью проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения. Вокруг больших фабрик, почти всегда окруженных низенькой и легкой стеной, через которую полиция легко могла проложить себе дорогу, были вырыты ряды траншей, устроены баррикады и проведены провололочные заграждения, опять-таки снабженные током высокого напряжения, что, конечно, создавало не легко преодолимое препятствие. Все рабочие, по собственному почину, на первых же порах принесли из дома всякого рода оружие, которым они располагали, и приготовились оказать при его помощи первое сопротивление, пока предприятие не сможет возобновить производство в прежних размерах, изготовляя, кроме того, взрывчатые вещества и новое оружие, а главное — до тех пор, пока более правильное распределение оружия, находившегося уже в распоряжении рабочих, сможет быть произведено. Затем, было изготовлено особенно много ручных гранат, так-как их выделка идет легко и быстро. Всё было сделано с поразительной быстротой, подъемом и единодушием. Всех охватил глубокий энтузиазм и страстное желание бороться с оружием в руках. Все, стар и млад, хотели занять сторожевые посты, посвящать себя защите. Но необходимо было и работать, необходимо было не допускать ни малейшего упадка производства, — по меньшей мере, поддерживая его на нормальном уровне.

В каждом предприятии, даже в самом мелком, были отобраны наиболее подходящие элементы, знакомые уже с употреблением оружия, и из них были образованы достаточно сильные группы, на обязанности которых лежала охрана предприятий. Группы чередовались между собою в несении сторожевой службы, но отнюдь не были освобождены от работ, и «военные» дни сменялись «рабочими», — с тем, чтобы однообразие «службы защиты» не подседело в корне психологии рабочего.

На первой же неделе занятия фабрик и заводов «Комитет действия» предложил всем предприятиям представить точные сведения о количестве оружия, о перевозочных средствах, о взрывчатых веществах и о людях, которыми данное предприятие могло бы располагать в случае опасности. Из представленных сведений выяснилось, что во многих предприятиях,

кроме многочисленных пулеметов, имелись также пушки и даже броневики.

Многие предприятия (в особенности, когда занятия распространилось на все отрасли промышленности), в которых среди рабочих преобладали женщины, и которые не могли собственными силами осуществлять защиту, были объединены в этом отношении с другими, более крупными, откуда каждый день являлись для защиты вооруженные отряды. Таким образом, между предприятиями, находившимися в одном районе, была установлена тесная связь и единение. Стоило только подняться тревоге в одном предприятии, как из всех близлежащих являлась подмога, и все вместе готовились отразить опасность. Условленным сигналом между всеми предприятиями было продолжительное завывание сирены.

Серьезных столкновений между силами рабочих и реакционными силами правительства не произошло. В различных местностях Италии имели место легкие стычки, ограничившиеся обменом ружейных и револьверных выстрелов, — не больше.

Следовательно, факт возвращения заводов предпринимателям не может быть приписан неподготовленности и отсутствию организации защиты. Как мы видели, эта организация, — хотя, быть-может, и не совсем достаточная, — существовала.

Но, одной из наиболее глубоких причин, приведших к крушению попытки овладеть предприятиями, является отсутствие более тесного единения между городскими и сельскими рабочими, — между рабочими северной и крестьянами южной Италии. Единению этому препятствовали руководители крупных реформистских профессиональных союзов, которые видели в нем ущерб своим привилегиям и удар их мелко-буржуазной психологии.

Сельско-хозяйственные рабочие, так же как и промышленные, организовались для защиты земли, которую они заняли, и точно так же, как и рабочие, а может быть и больше, готовы были перейти в наступление. Размах и сила восстания деревни изумила и поразила страхом всю буржуазию, расчитывавшую на пресловутую реакционность крестьянства и думавшую воспользоваться ею для защиты своих классовых интересов и для подавления рабочих. Восстание деревни навело страх на буржуазию потому, что она понимала, откуда ей грозит решительный удар, могущий раз навсегда положить конец ее владычеству. Она никак не ожидала, что восстание охватит в грандиозном порыве и крестьянство, которое последует примеру рабочих и еще более углубит совершенную ими попытку. Захват земель на юге Италии был, пожалуй, еще более импозантным и грандиозным, нежели занятие фабрик и заводов на севере. Тысячи и тысячи крестьян, захвативши землю, немедленно принялись ее обрабатывать, с ружьями за спиной, постоянно готовые отразить возможное нападение. Грандиозность этого движения видна

даже по кратким телеграфным сообщениям, опубликованным в прессе этих тревожных дней.

Так, например, в «Аванти» от 27-го сентября 1920 г. была напечатана заметка из Трапани, следующего содержания: «Согласно принятому во всем округе Трапани постановлению, сто тысяч крестьян одновременно двинулись со всех сторон для занятия всех помещичьих имений, распевая «Красное знамя»*) и неся знамена профессиональных союзов и социалистических секций. Занятие прошло без инцидентов. Занято больше 15 имений. Во всех занятых поместьях выкинут красный флаг и оставлены сторожевые посты красной гвардии для охраны завоеваний. Все арендные договоры и договоры найма с сельско-хозяйственными рабочими отменены». — В «Уманита Нова» от 28-го сентября пишут из Марсалы: «Свыше пятидесяти тысяч сельско-хозяйственных рабочих собрались под пятьдесятю красными знаменами в большом поместье Цафарана. Тут же состоялось совещание представителей профессиональных союзов и кооперативов, которое постановило занять все имения в округе от имени проф. союзов, примыкающих к «Федерации сельско-хозяйственных рабочих». — В том же номере «Уманита Нова» товарищ пишет: «Утром, 12-го сентября, в Принци собрались представители проф. союзов из Лукка Сикула, Бурджико, Палаццо Адриано, Сен-Стефано, Кискаино, Филонго, Кастроново и Принци, единодушно и с бурным восторгом принявшие мое предложение о немедленном вооруженном занятии имений, твердо намереваясь затопить в крови всякие реакционные попытки со стороны помещичьей буржуазии. С раннего утра 13-го числа бесконечные ряды вооруженных до зубов крестьян, почти все конных, рассыпались в боевом порядке по деревням и без всякого сопротивления заняли имения, в которых до тех пор находили убежище убийцы товарищей Лоренцо Паннинто и Гола Алонги**). Накануне — свыше восьми тысяч крестьян в Корлеоне захватили все помещичьи имения их округов». — В «Уманита Нова» от 5-го октября 1920 г. тот же товарищ писал: «Крестьяне стекались со всех сторон, точно муравьи, вооруженные до зубов, стройно организованные в боевом порядке, готовые на всякую борьбу. Можно было видеть, как по полям колышались, словно волны, целые леса ружей. Во многих местах мы были на некоторое время полными и неоспоримыми хозяевами положения. Карабинеры нашли благоразумным держаться вдалеке».

В деревне, как и в городе, как промышленные, так и сельско-хозяйственные рабочие, не взирали ни на какие последствия, рвались в бой, предпринятый с таким подъемом; поддерживали их почти одни только анархисты, вла-

дававшие все свои силы в борьбу, за полный ее успех. Ничто не было забыто. И в особенности дело защиты явилось одной из первых забот как крестьян, так и рабочих.

В частном письме товарищ, принимавший деятельное участие в борьбе за занятие земель, писал мне: «Движение, стремившееся к занятию имений, было всеобщим и распространилось из конца в конец по всей Сицилии. Не осталось ни одного уголка помещичьих имений, не занятого сельско-хозяйственным пролетариатом. Здесь — занятие это оказалось более общим, более могущественным и глубоким, нежели занятие фабрик и заводов на полуострове. Моей штаб-квартирой являлось Принци и окрестные деревни, где господствовал элемент анархистский или сочувствовавший анархизму. Я мог располагать силами ста тысяч вооруженных крестьян между округами Джирдженти и Палермо, и готовился идти на Палермо, которым овладел бы с молниеносной быстротой, задушив всякую попытку сопротивления со стороны буржуазии».

Итак, всякому должно теперь быть ясно, что рабочие оказались принужденными возвратиться фабрики и заводы промышленникам, а крестьяне земли — помещикам, не вследствие отсутствия защиты или ее организации, а потому, во-первых, что их гнусно предали заправилы «Всеобщей Конфедерации Труда» и Социалистической Партии, сорвавшие движение и предавшие обезоруженных рабочих в руки реакции; а также, отчасти, еще и потому, что и подлинные революционеры, — и в том числе даже часть анархистов, — не перешли своевременно в наступление, выжидая постоянно инициативы со стороны противников.

*
* *

Когда кончилось движение занятия фабрик и имений, — буржуазия, при поддержке заправил крупных реформистских профессиональных союзов и главарей Социалистической Партии, вновь заняла свое господствующее положение. Немедленно приступлено было к организации реакции — с тем, чтобы уничтожить раз навсегда последние остатки завоеваний рабочих классов и заодно покончить со всем революционным движением.

Тогда-то фашизм отказался от своих якобы революционных претензий, в которые он драпировался в течение бурных революционных годов (1918—1920), и решительно перешел к слепому и грубому насилию над трудящимися массами и революционным движением.

До того имели место лишь отдельные случаи насилий со стороны фашистов, которых правительство еще не решалось открыто поддерживать и защищать. С осени же 1920 г. началось форменное методическое наступление объединенных фашистских и полицейских сил против революционного движения, еще оказывавшего сопротивление.

*) Революционная песня, широко распространенная среди рабочих масс в Италии.

**) Фамилии двух борцов за свободу и за лучшее будущее, предательски убитых реакционерами в Сицилии

По окончании войны — фашистскому движению, прямому наследнику движения «За войну», вокруг которого с начала мировой войны 1914 г. группировались некоторые революционеры различных оттенков, стали сочувствовать республиканцы, организация бывших воинов «Ардити»*) и известная часть студенчества. Но после того, как к концу 1920 года фашистская организация открыто приняла реакционную форму и явно отбросила всякие претензии на революционность и республиканизм, большая часть этой молодежи, в свою очередь, отошла от фашизма. С особой яркостью всё это вылилось после известного разрыва и борьбы между последователями поэта д'Аннунцио, которые заняли город Фиуме и хотели образовать там республику по образцу старинных итальянских коммун, — и итальянским правительством; тогда фашисты, обещавшие сначала свою помощь восставшим, в самом разгаре борьбы, на рождестве 1920 г. — знаменитом «Фиумском Рождестве» — покинули их и перешли на сторону правительства. С тех пор окончательно распавшийся фашизм стал синонимом разбоя, преступности, самого зверекого и бессмысленного насилия.

Часть молодежи, — в особенности республиканцы и «д'Аннунцисты», которые, после «кровавого Рождества» и знаменитых Фиумских «пяти дней страстного сопротивления» правительственным войскам, встали в решительную оппозицию к монархии и поддерживавшим ее силам, — отделились от фашистов и заняли позицию против фашизма. Даже многие секции организации «Ардити» не хотели больше ничего слышать о фашизме. Первой из них оказалась римская секция, которая на общем собрании открыто высказалась против фашизма и выбросила лозунг создания организации военного же характера для борьбы с фашистами на их же почве. Так возникли знаменитые «Народные Ардити» («Народные Смелчаки»). В кратчайшее время это движение, пользовавшееся сочувствием уставших от фашистского террора масс, распространилось по всей Италии.

Организация «Народных Ардити» была вполне свободной, открытой для всех партий, организаций и отдельных лиц, признававших необходимость борьбы с фашизмом. Однако, благодаря ей черезчур «эластичной» форме, в нее проникли многие сомнительные элементы, действовавшие под влиянием политиков, которые старались использовать народное недовольство в своих личных целях. Впрочем, вследствие жестоких полицейских преследова-

ний, — как со стороны властей, так и фашистов, — по отношению к членам организации «Народные Ардити», из нея вскоре вышли указанные элементы и остались только искренно преданные революционеры, анархисты и социалистическая молодежь. (Коммунисты в этом движении участия не принимали, так-как это было им запрещено их центральным комитетом).

«Народные Ардити» были организованы в кадры, по военному образцу, стараясь противопоставить свои группы фашистским. Полиция и фашисты прибегали ко всем средствам, не отступая перед самыми крайними и жестокими, чтобы разрушить и запугать эти организации, которым кое-где при помощи народных масс удалось совершить истинные чудеса в смысле защиты, — как, например, в Парме*), Риме, Лоди и многих других городах.

Но какую ценность могли представлять и стойкая организация, и самопожертвование как трудовых масс, так и отдельных революционеров, когда их ежедневно предавали гавари, представляя эти массы и всё революционное движение на растерзание озверелым силам реакции, в то время как судейские власти свирепо расправлялись со всеми захваченными революционерами? К чему были потоки крови, пролитой в течение последних пяти лет революционной борьбы, когда в ряды самого революционного движения вырвалось предательство, когда в недрах самого пролетариата и среди вожakov его встречались наиболее ожесточенные враги его освобождения?..

Мы видим теперь, чего хотели эти циничные политиканы, которые, для достижения своих целей, предавались душой и телом врагам. Мы видим это с особенной ясностью теперь, когда фашисты пригласили их с ними сотрудничать, обещая им министерские портфели, и когда вожак реформистских профессиональных союзов, являющийся вместе с тем заправилым Об'единенной Социалистической Партии, добился того, чего хотели. Во время всего революционного движения в Италии в течение последних лет они зывали: «Подождите, подождите, еще не настал момент...» Они хотели стать министрами, а никак не служить интересам трудящихся и революции.

Итальянский трудовой народ прошел суровую школу. Но без сомнения выучка эта окажется полезной, так-как не только итальянские рабочие, но и революционеры и трудящиеся всех стран поймут теперь, как следует действовать, не ведая сомнений и колебаний и переступая, в случае надобности, даже через тела своих вождей.

Гуго Трой.

*) «Ардити» («Смелчаки») составляли во время войны ударные отряды, известные своим смелым похождениями. Участниками их были, по большей части, бывшие преступники, отбывавшие наказание и помещенные на войну добровольцами. По окончании войны часть их поступала на службу к буржуазии, образовав националистическую организацию с милитаристскими тенденциями и поставив себе целью борьбу с «хулиганскими элементами» и «врагами отечества» и «большевиками». Вскоре, однако, среди них начались разногласия, а затем несколько отрядов «Ардити» отказались продолжать службу сторожевым нево капитализма и перешли в ряды революционеров.

*) Особенно в Парме, во время защиты и борьбы против фашистского нашествия в августе и октябре 1922 г., революционеры — защитниками проявлены были чудеса храбрости, мужества и самоотвержения, равные с чудесами военно-тактической подготовки. В течение многих дней, — и в августе, и в октябре, — революционеры оказывали здесь сопротивление фашистам и полиции и не допустили их войти и свирепствовать в рабочих кварталах.

Трагедия Николаевска на Амуре

(Отрывок из истории сибирского повстанчества)

(Сокращение) *

III.

Мы подошли к последнему акту Николаевской трагедии.

11-го июля Приморская Конференция Р. К. П. вынесла свое «веское» слово: она обрушилась на руководителей партизан в борьбе с интервенцией и атаманщиной, осудила действия руководителей партизанского движения — Тряпицына, Лебедевой и других — и требовала предания их суду.

Но уже 9-го июля в 10 час. вечера партизанский штаб был расстрелян.

Как же это произошло?

Чтобы ответить, необходимо, прежде всего, учесть сложившуюся обстановку.

После оставления Николаевска на Амуре и ухода в тайгу, партизанские отряды очутились, конечно, в чрезвычайно тяжелом положении. Отрезанные от внешнего мира, истомленные, потрясенные всем пережитым, лишены самого необходимого и, прежде всего, продуктов, — они, естественно, поддались, в своей массе, чувству уныния. На этой почве среди некоторой части партизан, усиленно подстрекаемых как белогвардейскими элементами (которых было немало среди бывших солдат), так и сторонниками «демократического буфера» (в том числе — многими коммунистами), начало расти глухое недовольство, перешедшее затем в возмущение.

Активную роль в последующих событиях сыграл отряд некоего прапорщика Андреева.

Прапорщик Андреев, артиллерист креп. Чиньрах, примкнул к партизанам в дни февральских боев у Николаевска. В мае, из-за каких-то недоразумений по службе, Андреев подлежал суду, от которого предпочел заблаговременно скрыться в тайгу. В тайге он и организовал свой собственный отряд и совершенно вышел из подчинения Штабу. Политическая платформа отряда Андреева была — «восстановление демократической власти в крае и полное подчинение «буферному правительству».

В описываемое время, весь штаб партизан помещался в одной из пристаней, на небольшом пароходе «Ангунец». Здесь-то, в ночь на 4 июля, Лебедева и Тряпицын усиленно разрабатывали план дальнейшего отступления партизан по тайге, на Благовещенск. В 3 часа ночи они легли спать. Около 7 час. утра Андрееву со своим отрядом удалось обманным путем обезоружить малочисленную команду «Ангунец» и арестовать весь партизанский

штаб, который затем был в спешном порядке переведен на баржу и отправлен в село «Керби».

Недовольство и частичное возмущение среди партизан, общий упадок духа не только облегчили Андрееву его задачу, но и оставили Лебедеву и Тряпицына беззащитными: партизаны не поднялись на их защиту.

Мне до сих пор непонятно, почему Тряпицын — человек железной воли и исключительного мужества — сдался так безразлично, так равнодушно. Мне кажется, — стояло ему тогда только крикнуть своим зычным голосом «прочь!», и нападавшие разбежались бы. Но он, обаяние и сила которого могли бы еще спасти положение, почему-то решил иначе. Или он не отдавал себе отчета в истинном характере события? ... Или и в его душу закралось чувство разочарования и усталости? ... Эту тайну он унес с собой в могилу.

Как только Тряпицын, Лебедева, Павлуцкий и др. были арестованы, — сейчас же сорганизовался новый штаб во главе с прапорщиком Андреевым, человеком бездарным, слабым, не знающим совершенно военного дела...

Страх перед бывшим штабом был всё еще велик, и потому «победители» спешили судить и убить арестованных.

До суда Тряпицына заковали в толстые тяжелые цепи — не в такие, как прежде заковывали политических каторжан, а тяжелее.

При заковке командующий Андреев обмолвился Тряпицыну: «Принципиально не согласны, — но все же закуем!»...

Суд собрался в составе 103 человек, преимущественно из находившихся в Керби сторонников Андреева. Суд отличался тенденциозностью.

Тряпицын держался на суде со свойственным ему хладнокровием и достоинством. Он отвечал спокойно на задаваемые вопросы. Временами и сам задавал их суду, ставя тем самым суд в тупик, заставляя судей смущаться. У меня было впечатление, что вот-вот Тряпицын поднимется и произнесет одну из тех увлекательных речей, которые он обыкновенно произносил в серьезные моменты. И суд тогда оправдает его... Но он относился к суду с видимым презрением.

Лебедева шла на суд спокойная и бодрая. Дорогой она улыбалась. На суд она шла, как на обычную работу. На суде держалась хладнокровно и на все вопросы обвинения отвечала упорным молчанием.

Суд проходил 9 июля. Около 9 час. вечера был вынесен следующий приговор:

* См. «А. В.», №№ 1 и 2.

«Народный Суд, сформированный по предложению Революционного Штаба красной армии Николаевского района из представителей частей гарнизона и трудящегося населения с. Кербн, при открытых дверях слушал дело граждан *Я. И. Тряпицына* (Командующий Округом), *Нины Лебедевой* (Начальник Штаба), *М. М. Харьковского* (Заведывающий вооружением при штабе), *Ф. В. Железина* (Председатель Обл. Исп. Ком. Советов Край), *И. К. Оцевилли-Павлуцкого*, *Деда-Пономарева* (Комиссар продовольствия Сахалинской обл.), *Е. М. Сасова* (Комиссар Ангунско-Тычинского фронта) по обвинению:

1) В том, что допустили ряд беспричинных арестов и расстрелов мирных граждан и их семейств, т.-е. в бездействии власти;

2) в том, что отдали распоряжение расстрелять ряд активных советских работников-коммунистов: Будрина, Мизина и др., без всяких к тому оснований, т.-е. в убийстве и превышении власти и в активной борьбе с коммунизмом;

3) в том, что отдали распоряжение к массовому уничтожению мирных граждан и их семейств в Николаевске на Амуре и в сельских местностях Сахалинской обл., т.-е. в превышении власти и в призыве к совершению убийств и насилию;

4) в том, что отдали ряд распоряжений и указаний к расстрелу некоторых товарищей без достаточных и даже без всяких к тому оснований, т.-е. в превышении власти, в убийстве и призыве к убийствам;

5) в том, что за всё время состояния на выборных должностях *) уклонялись от политики советской власти, оказывали давление на ее органы и на должностных лиц, явно подрывая доверие к коммунистическому строю, т.-е. в активном выступлении против Р. С. Ф. С. Р.

По надлежам обсуждения, Народный Суд признал *Тряпицына, Лебедеву, Харьковского, Железина, Оцевилли-Павлуцкого и Сасова* в вышеуказанных преступлениях виновными и на основании велений своей совести постановил: за содеянные преступления, повлекшие за собой смерть около половины населения Сахалинской области, разорившие весь край, постоянно подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения области и могущие нанести удар авторитету советской власти в глазах трудящихся всего мира — *подвергнуть их смертной казни через расстреляние, а Деда-Пономарева — заключению в тюрьме.*

В 10 час. 45 мин. вечера их повели на казнь. Кошмарная картина расстрела...

Все обреченные были привязаны веревками друг к другу, составляя круг, в середине которого шла бледная, но спокойная Нина Лебедева...

*) А приморская конференция Р. К. П. от 11 июля «непризнала» *Нину Лебедеву, Тряпицына* и др. «официальными представителями советской власти».

Их торопились убить. Опасались, что Тряпицын вырвется. И я уверен, что если бы Тряпицын вырвался и бросился бежать, то не нашлось бы ни одного человека, который осмелился бы его задержать.

Поспешность боин объясняется только трусостью нового штаба и судей. Ведь недаром же один из судей откровенно высказался:

— Нужно судить скорее. Если будем тянуть, то сами можем очутиться на скамье подсудимых...

Обреченных привели на место казни. Началось прощание друг с другом. Тряпицын поцеловал Нину. Оцевилли начал говорить:

— Подлые убийцы, торопитесь кончать ваше кровавое дело; ибо идет российский пролетариат, который сметет вас...

Раздался залп, и слова оборвались. Все упали. Однако, Лебедева и Тряпицын оказались лишь ранеными.

— Нина, ты жива? — послышался голос Тряпицына.

— Жива! — был бодрый ответ.

— Как жаль мне тебя!... тихо сказал Тряпицын.

— Жалеть не стоит! — ответила Нина и, обращаясь к солдатам, крикнула: «Товарищи! Стреляйте скорее!...»

Раздалось сразу несколько залпов и все смолкло.

Так погибли верные борцы за рабоче-крестьянское дело. В лице погибших трудовой народ потерял своих лучших бойцов. Они погибли, но память о них будет жить в наших сердцах.

* *

Последовало официальное сообщение новой власти: «Нина Лебедева, Тряпицын и их опричина свергнуты».

Что суд был инсценирован, показывает хотя бы то обстоятельство, что этот «Народный Суд» был сформирован «по предложению» нового «Революционного Штаба», а в составе самого «суда» отсутствовали представители партизанских отрядов и трудящихся края (кроме отряда Андреева и случайного, в большинстве своем состоявшего из сторонников новой ориентации на «буфер», населения с. Кербн).

Николаевские партизаны, отрицательно относясь к «буферной» системе переходного периода, своим упорством выводили из себя Д.-В. Комитет Р. К. П., оторванный, благодаря своей соглашательской тактике, от трудящихся масс. И вот, в ход пускаются излюбленные коммунистические методы борьбы — обвинение руководителей оппозиционно-настроенных крестьян и рабочих в «бандитизме». В этой травле коммунисты, конечно, находят себе сторонников в стане белых, уже сумевших примазаться к «буферной» власти...

«Народный Суд» над Партизанским Штабом и членами Обл. Исп. Ком. Советов края в

Сибири наглядно показывает, как Р. К. П. искореняет оппозицию в недрах населения.

*
* *

Судебная комедия кончилась. Лебедева, Тряпицын и др. — расстреляны. Японское военное командование получило удовлетворение за Николаевские события.

И не успела еще засохнуть кровь павших партизан, не успели еще истлеть догоравшие здания в Николаевске на Амуре, не успели еще остыть трупы расстрелянных в Сахалинской тайге, — а японцы, торжествуя победу, захватили уже богатое народное достояние — рыбные промыслы...

Как и следовало ожидать, Николаевск на Амуре был лишь пробной базой для дальнейшего захвата японцами русского Дальнего Востока.

И если тогда ослепшие от власти «буферные» коммунисты в самозащите Николаевских партизан видели лишь «мальчишескую выходку», а затем — «бандитизм», то последующие события — дни «углубления» японской интервенции в крае, партизанская борьба крестьян

и рабочих с меркуловским правительством и др. — показали, что приморское крестьянство ясно отдавало себе отчет в том, что вооруженным притязаниям Японии следует противопоставлять только методы вооруженной борьбы. То, что в 1920 году Р. К. П. считала «бандитизмом», стало нормальным фактом в 1922 году. Непризнание Японией «правящей» партии коммунистов правительством «буферного» государства заставило «всемогущую» Р. К. П. идти по тому же пути, по какому шли в марте-июле 1920 г. партизаны Николаевска на Амуре. И «бандиты» 1920 г. — «революционные бойцы» в 1922 г. — очистили Приморье от войск ген. Дитерихса и тем самым продолжили путь красной армии на Владивосток, занятый уже партизанскими отрядами *Шевченко* (в 1923 г. объявленного Р. К. П., за отказ подчиниться штабу красной армии и разоружиться, «вне закона»)...

Безымянные поросшие дерном могилы в далекой Сахалинской тайге еще долго будут служить напоминанием населению приморского края о кошмарной трагедии Николаевска на Амуре, о черных днях японской интервенции и о жертвах партийной мести — расправы в дни «коммунистического буфера» на Дальнем Востоке.

М. Володин.

П. Л. Лавров, как социально-революционный мыслитель

(К столетию со дня его рождения) *)

I.

Исполнительная фигура П. Л. Лаврова, как конкретного социально-революционного мыслителя, выросла в 70-ых годах прошлого века на рубеже двух одинаково великих эпох: Парижской Коммуны и Народной Воли. Первая являла собою героическую неудачу, напоенную революционным опытом; вторая была текущим и живым боевым опытом. Таким образом, мысль Лаврова исходила от революции и шла к революции. Через 25 лет эти мысли — в 1905 году — вспыхнули на миг, но были раздавлены внешним насилием и внутренним непониманием. А еще через 10 лет — в 1917 году — они с теоретических скрижалей реально вошли в жизнь. И сейчас мы углубляемся в них уже не как в абстрактные пророчества, а как в программу дня и поколения нашего.

Как известно, в центре всех напряженных исканий Лаврова стояла *личность*, реальный человек. Но мы здесь имеем дело не с *религиозно-надмирным* освящением человека, при котором его «жизным» хотят поднять на небо. Это и не *сентиментально-либеральный* плач и стенание о человеке, которое, жалея одного человека, терпит и попустительствует *все* проявления насилия в человечестве. Нет; у Лаврова идея личности, это — *взрывчатая* идея, это — революция! — Так как личность поругана, то она должна быть освобождена для расцвета своего. И это освобождение должно быть полным и немедленным, т.е. *максималистичным* (по охвату и шпестности). Небо должно быть сведено на землю, и вечное должно быть превращено в вечно.

Социально-революционная идея — *двухеди-на*; она охватывает два этапа: борьбу за идеал и воплощение его (*завершения* его, как Моисею в Библии, не дано видеть никому!), разрушение и созидание. До сих пор слишком часто говорили лишь о втором («утописты») или о первом («практики», большевики). И потому один был *беспочвенный*, другие — *бессмысленны*. А между тем гений революции — не в том, чтобы острием своим врезаться и осесть в

От ред. — Коренным образом расходясь с П. Л. Лавровым и его последователями — левыми эсерами и максималистами — в целом ряде основных положений (признание «переходной стадии», «распадения власти» и др.), реликций, тем не менее, сочтя правильным дать место статье последователя Лаврова — И. З. Штейнбергера — в целях объективного ознакомления читателей с социально-революционными идеями одного из крупнейших русских мыслителей социологов.

чужом лагере, а в том, чтобы, и подымаясь на высокую гору, сквозь толщу ея и окутывающие ее туманы, сквозь блеск солнца и жар битвы, зорко распознавать все, что таится *за этой горой*: свое и чужое. Лавров сумел ставить эти *обе* темы социально-революционного мировоззрения: тему *переворота* (разрушения) и тему *переходного периода* (создания). Для первого нужен максимализм воли, для второго — максимализм знания и веры в людей. В оба же периода нужна духовная *свобода*: от робости перед старым миром и от подражательности ему.

II.

Нужно ли совершать социальную революцию? Или возможен и путь социальных реформ? На это Лавров отвечает решительно: *только* соц. революция. — Медленно развивается в истории не жажда справедливости, а сознание людей о причинах их бедствий. Но как только вспыхнуло знание о революции, невозможно больше реформа. Преображение жизни, к которому люди стремятся, целокупно. «Мирный прогресс» в современном обществе — говорит Лавров, — есть хроническое голодание и вырождение рабочего, хроническая борьба за обогащение между собственниками. Поэтому-то, милые мальчики, социальная революция со всеми пугающими вами нежные сердца «следами крови и разрушения» составляет необходимость*). Но мало это отвлеченного признания. «Ввиду процесса ослабления, вырождения, вымирания, грозившего русскому народу, спешить нужно, спешить необходимо; надо спешить *подготавливать* революцию, надо торопиться подготовить себя, сближение с народом, выяснение ему положения дел, организацию его востания; для *этого* нельзя быть достаточно поспешным**). Значит ли это однако, что революция русская должна пойти проторенной дорогой Европы? На этот основной вопрос Лавров отвечает формулами, которые *единственно* определяют лицо русского народничества. «России приходится добыть не только политические гражданские права...; она должна «перескочить» и через те политические формы, которые приобретены другими нациями в иллюзионном предположении, что в этих политических формах — всё спасение. Во всей Европе теперь уже сознают, что парламентаризм, *в том виде*, в каком мы его видим в современных нам государствах, именно как форма классового (хотя и не сословного) господства, есть источник опасных болезней общества. Через это препятствие, чрез *классовый* парламентаризм, как одно из проявлений капиталистического порядка, приходится «перескочить» освобожденной России, чтобы стать на уровень современных общественных задач. Социалисты в России... уверены, что лишь организация городских и сельских рабочих, в руки которых должны перейти орудия труда, может быть подкладкою строя, находящегося

на уровне этих задач*»). Лавров не только отвергает политическую революцию, обманывающую народ под маской парламентаризма; он отвергает и всякую *иную* связь с буржуазными классами. «Приверженцы рабочего социализма не могут вступить *ни в какую коалицию* с какою бы то ни было партией прежнего времени, потому что ни одной из этих партий, ни в ее целом, ни в ее отдельных членах, они не могут предоставить *ни малейшей* доли политического влияния в общественном строе, за который они борются**). И если можно было в чем-либо укорять бесстрашную Парижскую Коммуну, то только в том, что, отдавая свои жизни за освобождение труда, она не умела решительно посягнуть на привилегии богатых. Этот упрек Лавров и делал коммуне. Ибо «как только исторические комбинации доставят пролетариату хотя бы временную победу, он должен совершить прежде всего *экономическую революцию*. Как бы ни была недостаточна и нестройна первая попытка нового порядка, уже то одно, что она совершится сознательно и решительно, будет важным завоеванием. Артиллерия пролетариата, это — социальная идея***). Рабочий класс в своем стремлении к борьбе не должен увлекаться якобы учеными, а на самом деле фантастическими выкладками экономических материалистов, рисующих ему «точный путь» его развития. Они орудуют постоянно понятиями «производительных сил» и роста капитализма, не замечая, что подлинное революционное творчество масс избирает себе *свои* пути. А история нашего века дает убедительные примеры того, как социальная революция пролагает себе дорогу как-раз в странах неразвитого капитализма. Больше того, Лавров формулирует совершенно обратную истину: «классовая борьба будет везде тем более кровава и неумолнима в минуту соц. революции, чем *далее* пошло экономическое развитие страны, чем большими выгодами пользуется господствующий класс и чем выше прошлая история подняла его классовое самосознание†). Ход и исход революции, в конечном счете, зависят не от «исторических законов», извне давящих на человека, а от сознательной и упорной *воли* его. Лавров не умел доказывать научно «неизбежности» социализма; он говорил иначе: «*Может* победа быть и на стороне труда и науки... Но эта победа лишь *возможна*, а вовсе не неизбежна, не фатальна††). Сегодня, в опыте наших горючих лет, мы знаем, что в этом честном признании больше научности и твердости, чем во всех заклинаниях и схемах марксистских реформистов или радикалов, шейдемановцев или большевиков. Социальная революция должна стоять как *текущая* задача перед трудовым человечеством, и осуществление ее зависит, в пер-

*) К. Маркс. «Введение к критике философии права Гегеля». С предисл. Лаврова. 25.

**) «Государственный элемент в будущем обществе». 209.

***) «Парижская Коммуна». 211.

†) «Соц. революция и задачи нравственности». 56.

††) «Кому принадлежит будущее?». 122.

*) Очерки по Истории Интернационала. 1897 г.

**) Русской с.-р. молодежи. Лондон. 1874.

вую очередь, от волевого сознания трудящихся.

III.

Но вот революция, как переворот, свершилась. Наступает еще более ответственный полог, вся та, которая — вплоть до осуществленного идеала — называется нами «переходным периодом». Бесчисленные вопросы, связанные с этим периодом, и с какою поистине прозорливостью предвидел все их Лавров в труде, который можно назвать *библией народничества*, в книге: «Государственный элемент в будущем обществе». Прежде всего, один основной вопрос: о руководящих кругах революции. Ведь, революция, это — диктатура, а диктатура, это — меньшинство; не попадет ли революция тем самым в хищные лапы новых захватчиков? На это Лавров дает свои определенные ответы. Конечно, революцию начинает всегда меньшинство, но «революция, действительно произведенная в пользу народа, может быть произведена только народом, не меньшинством, а *большинством*. Лишь то революционное меньшинство будет действительно служить народу, которое сумеет поднять народ, слиться с народом и в его рядах одержать социальную победу над существующим строем»^{*)}. А для диктатуры *насилищеского* меньшинства Лавров нашел поистине пророческие бичующие слова: «История доказала и психология убеждает нас, что всякая неограниченная власть портит самых лучших людей, и что даже гениальные люди, думая облагодетельствовать народы, декретами не могли этого сделать... О сложении же диктатуры, захваченной насильно какой-либо партией, можно мечтать лишь до ее захвата... *Диктатуру вырывает из рук диктаторов лишь новая революция*»^{**)}. Когда начнется борьба за власть среди верхов-диктаторов, «социальная революция будет откладываться да откладываться... Соц. переворот ограничится тем, что на бумаге частная собственность исчезнет, а на деле капиталы вчерашних землевладельцев, купцов, биржевиков окажутся в руках *какой-нибудь десятичной шайки под красным знаменем* социальной революции»^{***}). Совсем иное дело там, где у власти в революцию становятся сами массы. Эти массы, конечно, применяют диктатуру, но эта «диктатура принадлежит победившему *большинству* относительно побежденных врагов революции». Даже в отношении этих враждебных элементов принудительность может быть доведена до минимума; но эта принудительность власти не может иметь место в отношении сторонников революции; и в этом отношении это, собственно, не диктаторы, а *делегаты*. Революционная власть, покоящаяся в недрах масс, теряет свое старое обличье. «Чем многочисленнее класс, совершающий сознательно революцию и захватывающий таким образом диктатуру, и чем теснее с этим много-

численным классом нравственно, умственно и материально связаны те выборные из его среды лица, которые осуществляют на деле эту диктатуру, тем более теряет свое значение принудительность, связанная с этим понятием... Эти лица имеют значение лишь как выразители мнений партии, их выдвинувшей, и настолько, насколько они ее представляют; они неизбежно становятся исполнителями ее программ, делегатами с обязательными полномочиями»^{*)}.

Эта массовая диктатура имеет ряд задач первой важности, и с детальною подробностью разбирает их все Лавров. Мы только перечислим здесь их: *экономическое* обеспечение граждан (включающее два начала — общность имуществ и всеобщий труд на общую пользу); *общественная безопасность*; ведение войны с иностранной буржуазией; *общественное развитие* — культура. Резкой и непримиримой перемены требует он, с первого дня революции, в сфере экономических и культурных отношений. «Уступки тут невозможны. Существование рядом, даже временное, социалистического строя и частной собственности представляет самую грозную опасность для нового строя, т. к. на другой же день после революции проснутся старые привычки и влечения хищничества». Точно также в области *школы*. «Здесь, как и в экономическом строе, никакая уступка не дозволительна, потому что грозит опасностью новому порядку. *Ни одна школа не может быть предоставлена его противникам. Ни одно* молодое существо не должно вырасти под влиянием враждебным рабочему социализму»^{**)}. И в то же время Лавров не устает требовать *гуманности* и сострадания в применении репрессии к врагам, в области «общественной безопасности». Он настойчиво отделяет от подлинных врагов социализма все те многочисленные слои, которые либо не ведают, что творят, либо неспособны к новому строю по своему воспитанию. Он говорит об установлении царства справедливости, но «оно — есть любовь к тем, которые уже братья твои, и тем, которые *могут* быть тебе братьями». Часто ли нам приходится слышать такие речи из уст революционеров? Но если Лавров умеет видеть возможного союзника в стане врагов, то зато с редким сарказмом он множество раз обрушивается на «внутреннего врага», — на того социалиста, который приносит с собою привычки *старого мира*. Борьбу с ним, а, вернее, борьбу с ветхим человеком в каждом из нас он считает первой задачей «безопасности». Но в применении насилия и против явных врагов революции необходима особая сдержка; слишком часто насилие вырождается здесь в уродливый *террор*. Он не хочет поэтому «специальных» органов репрессии и мучительства. Знамя наше — знамя парижских коммунаров, «Варленов и Делеклюзов» — «должно быть чисто и не запятано ни одной лишней каплей крови». «Всякий, серьезно желающий, чтобы социальная революция повела как мо-

*) «Русский с.-р. молодежь». 1871. 28.

**) Там же. 43.

***) «Вперед» за 1876 г. № 28.

*) «Парижская Коммуна». 141.

**) «Государственный элемент». 131, 177.

жно скорее к прочному основанию солидарного общежития, должен употребить все свои усилия, чтобы проявления народного возмездия, каковы бы они ни были в *самую минуту* революции, прекратились на *другой же день* после победы. Всякая *непущая* жестокость к врагам... только подрывает нравственное значение общежития, которое должно сделаться воплощением справедливости).

Все многочисленные задачи революции ведутся отдельными *органами*: комитетами работ и продовольствия (для экономического переворота), военными комитетами, комитетами общественного развития. Они существуют лишь вначале и временно, с тем, чтобы уступить свое место «мирским сходам», самодержавным общинам, которые мы сегодня назвали бы *советами*. Но Лавров стоит перед одним вопросом всегда: в *начальный* период строительства, когда массы лишь начинают приобщаться к своему историческому делу, когда они могут и слишком отделиться своей стихийной ярости, — кто идейно руководит ими, кто указывает им планы грядущего? На это он знает свой ответ: это делает *социально-революционный союз*, союз людей заранее готовившихся к революции. От них он требует величайшей бдительности и самоотречения; их он рисует себе как некий нравственный орден. Они не узурпируют большинства, они не каста диктаторов; но они — внутренняя движущая сила масс, они — их концентрированная воля и совесть. «Сознательные борцы за начала рабочего социализма составляют неизбежную *власть* в новом обществе, но *потому именно* не могут ожидать для себя *никакого снисхождения* от своих товарищей при нарушении его начал... Как только они становятся опасны для рабочего социализма, для них нет более места в новом мире».

Достаточно ли успокаивают эти слова? Не слишком ли верит Лавров в людей, пороки которых он всегда так остро клеймит в диктатуре захватчиков? Это — вопрос, который решается не в отвлеченном суждении, а в живой практике революции. После нашего русского опыта мы уже меньше внимания и роли уделяем такому с.-р. союзу, а опоры социализма будем больше искать в самочинных, низовых организациях *масс*. Но особенность революционной мысли Лаврова заключается в том, что он мыслит *конкретно*; и мы тоже сегодня не можем отказаться от мысли, что, в той или иной форме, но в революции неизбежно пассивно-активное меньшинство. Задача наша при этом не в том, чтобы просто, во имя принципа, отвергнуть его, а в том, чтобы, погрузив его в массы, сделать его здоровым элементом революции.

Та же конкретность, т.-е. жизненность построений Лаврова — и в его отношении к *государству*. Лавров — открытый *противник* государственно-принудительной системы общества. «Боевой клич рабочего социализма заключается, как известно, в двух формулах: прекращение эксплуатации человека человеком. Прекращение *управления* человека человеком». В построении органов переходного общества он

требует широчайшего их федерализма, неустанного контроля со стороны масс, внимательного надзора со стороны с.-р. союза. Всё это должно доводить «государственный элемент» до возможного минимума. Но... государственный элемент *сохраняется* повелею. Отвергал «управление человека человеком», Лавров подчеркивает, что слово «управление» должно быть понято не в смысле *добровольного* подчинения одной личности руководству другой, но в смысле *принудительной власти* одной личности над другой»^{*)}. «Пока солидарность не осуществилась в обществе, до тех пор государственный элемент, элемент власти и принуждения вполне исчезнуть из общества не может. Он не может исчезнуть *накануне* соц. революции... он не может исчезнуть и *на другой день* после нея, когда победители будут окружены внешними и внутренними врагами и сами еще будут носить в себе следы побежденного мира»^{**)}. Лавров отказывается и в этом вопросе давать прямое решение сразу (и в этом отличается он от анархистов); но он целью своею ставит *анархизацию* власти, изведение ее до минимума, реальное *воспитание* людей в переходном периоде к безгосударственному обществу. Левое народничество сегодня, стоя на этой позиции, выдвигает еще другую идею, которая должна убивать государственность: идею о «разгрузке государства» от его *хозяйственных* функций, о передаче их целиком в союзы производителей и потребителей, о *распылении* власти среди параллельных рядов органов. Но и оно знает, что *гарантия* отмирания власти — не столько в системе органов общежития, сколько в *перевоспитании* людей, в выкорчевывании ростков власти из ежедневного быта и жизни. В этом и поучительный завет Лаврова: ставить перед собою максимальные задачи, но стоящие им по дороге препятствия — не просто словесно отрицать, а реально-активно преодолевать.

В этом *конкретном максимализме* выражена вся революционная идея Лаврова: он хочет иметь *небо на земле*. Он видит, как никто, порочность людей и тяготеющие над ними старые привычки; но он в то же время ставит грандиозные задачи людям и безгранично верит их «с.-р. союзу», — тем самым он *человечно* ставит *сверхчеловеческие* задачи. Но когда мы вслушиваемся в внутреннюю музыку его учения и проповеди, наше ухо неизменно улавливает *основную* мелодию их — призыв к великому, к последнему, к *максимальному*.

Лавров на огромную высоту поднял *нравственное* ядро социализма. Нравственно то бодрствующее сознание, которое не объясняет себя мещанскими «законами истории», этим последним прибежищем человеческой робости мысли, а активно решает судьбы мира. Нравственны та непримиримость и святое нетерпение («спешить надо»), которые требуют действия и революции. Нравственен тот отказ от подражания старому миру, который зато ведет к свежему, девственному творчеству нового

*) «Госуд. элемент» 68.

**) Там-же. 243.

мира. Эти нравственные зерна лавровского мировоззрения питают его неустанный максимализм, не давая ему, в угоду злободневной жизненности, превращаться в оппортунизм.

Так, «политика» делается нравственностью, а все реальные творцы жизни (и философ, и художник, и делатель жизни) становятся политиками. Тем самым и революционер делается одновременно мыслителем, проповедником, художником, человеком.

IV.

Перед лицом российской революции хочется задать еще один вопрос. Кому же досталось в разгаре ее духовное наследство Лаврова? Могут ли на него ссылаться правые соц. революционеры (тоже народники!) и большевики (тоже революционеры!)?

Мы говорим, что не могут ни те, ни другие. Это духовное наследство одни *растратили*, другие лживо себе *присвоили*. Растратили те поистине мещане революции, которые не увидели великих горизонтов 1917 года, которые наивно-упорно стояли за буржуазный парламент, за коалицию с буржуазией, за европейский государственный строй, за продолжение национальной войны. Растратили те, которые — и сегодня, после сокрушительных уроков революции — вновь находятся в плену грошевых идей коалиции, государственности, минимализма. Но присвоили те, которые не умели старого мира разрушить, а только его перекрасили. Присвоили те, кто (Лавров назвал бы их социалистическими «дикарями»), — в наивном преклонении перед машинизацией Европы, ее государственным самодержавием, принципом «сильной руки», — всю эту древнюю рухлядь перенесли в социально-революционную страну. Если Лавров искал массы, как живых и активных людей, если он искал не героев-диктато-

ров, а республику королей, — то нынешние властители революции превратили массы в подпорки для касты «сверхчеловеков». Если Лавров, приема революционное насилие, настойчиво всё же напоминал о чистом «знамени Варленов и Делеклюзов» (мы бы добавили: знамени Желябовых и Перовских, Калаяевых и Спиридоновых!), то они — нынешние властители — утопили революцию в океане террора. Если Лавров стремился только к революции международной, отвергая понятие насильницы-нации, то они — нынешние властители — защищая себя, заслоняются *национальными* доспехами «России». И та самая русская бабища — «императорская Россия», — которая смертельно была ранена в 17 году, вновь поднимается с их помощью, сея национальный яд и злобу в подавленных народах России.

Как часто иным кажется, что пропало лицо российской революции, что изуродовали его навсегда сначала те, кто растерялись перед величием ее задач, а потом те, которые взяли ее мертвой древней хваткой. И кажется, что нет больше горизонта впереди. А между тем *он есть*. И старик Лавров об этом напоминает. Если есть сегодня смысл в легенде об Антее, то он значит: прикасаясь к великим могилам и учениям людей, лежащих в земле, мы вновь обретаем веру в наши стремления. Не потому мы ведем и будем вести нашу борьбу, что «учитель сказал»; но нам дорого удостовериться в том, что и он — 50 лет назад! — предвидел всё то, что выстрадала Россия и левое народничество. И если, перекликаясь с ним сегодня, мы видим такие изумительные совпадения его мысли и нашего дела, мы вправе сказать, что революция непобедима, и что торжество свое она найдет на иных путях. Эти пути — через Лаврова — будут одинаково близкими и левому народничеству, и анархизму.

И. З. Штейнберг.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

и могут быть высланы по требованию организаций и отдельных товарищей

следующие издания Группы Русских Анархистов в Германии:

- 1) «Гонения на анархизм в советской России». Берлин, 1922. Стр. 63. (Книга вышла также на франц. и болгар. языках. Подготавливается немецкое издание).
- 2) П. Аршинов. — «История махновского движения» (1918—1921 г.). С портретом Н. Махно и наглядной картой района и движения. Предисловие Волина. Берлин, 1923. Стр. 258. (Подготавливаются переводы на франц., немец., испан. и итал. языки).

ОТ РЕДАКЦИИ «Ан. Вест.» — Предполагая издать сборник стихотворений В. Э., значительная часть которых печаталась в 1914—1917 гг. в американском еженедельнике «Голос Трудя», редакция «А. В.» очень просит товарищей, имеющих комплект «Гол. Тр.» (№№ 1—139), не отказать выписать и прислать в редакцию все стихотворения, подписанные В. Э., начиная с последнего (139-го) номера. Редакция недостает 18-ти стихотворений из последних номеров «Голоса Трудя».

Литературный отдел

Политический преступник

Я неисправим, не взирая на ваши законы, темницы, на ваших судей, полицейских и вооруженных наемников. Я не желаю покориться вам, я не могу не быть вашим противником, — вас, властителей и поработителей безыменных масс. Вы похитили у бедняков землю, мать сыру-землю. Вы всякий день похищаете у них частицу их рабочей силы. Вы ростовщичествоуете и обманываете, вы мотааете и роскошествуете, вы обжираетесь в то время, как те, кто создают все ценности усилиями своих мышц и мозгов, ведут жизнь, полную нужды и лишений. Вы равнодушно смотрите, как блекнут тела и лица женщин и детей, как сильные мужчины безвременно сходят в могилу; вы проходите мимо издыхающих у большой дороги убогих, калек и сирот. Не желаю я иметь с вами ничего общего, — вы, бездушные и бесчувственные франты, и вы, скачущие, разряженные и раздушенные бабенки.

О, вы великолепно создаете, как гнусна ваша жизнь. Вы отнюдь не чувствуете себя в безопасности. Поэтому вы окружили себя стражами и сыщиками, полицейскими и шпионами. Если бы жизнь ваша была проста и праведна, вам не было бы надобности в этих человеческих ищейках. Ваше «право» — ничто иное, как сущая неправда. Законы ваши — западня для поработенных вами. Судьи ваши не из народа вышли; они — засушенные, умственно изувеченные, шамкающие старцы. Они не чувствуют биения живой жизни. Изучивши букву закона, они превратились в ходячие параграфы, не понимающие бедняка и не соболезнующие его горестям. Они не хотят знать, каким пыткам подвергаются по тюрьмам и каторгам измученные люди. Они хладнокровно выносят приговоры, отдавая осужденных на жертву палачам.

Оставьте меня в покое с вашими «тишиной и порядком». Вы просто — лицемерные жажи. Убийство вы наказуете. Но вы пабигаете целые полчища профессиональных убийц. Вооруженные кинжалами, саблями, револьверами и ружьями полицейские прохаживаются по улицам. Горемыке-неудачнику они надевают наручники, если он соблазнится несправедливо нажитыми вами богатствами. Молодых парней вы превращаете в солдат, обряжаете их в мундиры, умерщвляете в них спо-

собность размышлять, для того, чтобы заставить их по приказанию вашему стрелять в родных отцов и матерей, в сестер и братьев.

Веру и религию вы утопили в государственной церкви. «Подчиняйтесь властям, владычествующим над вами, ибо «несть власть, аще не от бога» — вот основная ось, вокруг которой вертится ваша церковность, — вы, попы, усыпители всякой правдивой и бунтарской мысли.

В государственной школе вы принимаетесь качать нежные восприимчивые души юных человеческих созданий. Там вы обучаете детей народа покорности и смирению. Вы обильно учите их, будто Господь Бог создал этот мир ужаса в шесть дней. Вы превозносите массовые убийства и возвеличиваете убийц. Вы вводите идолопоклонство по отношению к власти имущим, царям, королям и президентам.

Я вижу все ваши преступления и клеймлю их. За это вы называете меня политическим преступником. Ваш патриотизм я отвергаю. Меня ввергли в темницу за то, что я призывал к борьбе против безудержного вооружения, предпринятого правительством. Годами направляли народы один на другой; всё большие количества молодых людей насильно сдавали в солдатчину. В парламенте один милитаристский законопроект сменял другой. «Молодох требует жертв», — так написал я в газете; и в заключение: «Капитализм покоится на остриях штыков. Позаботимся же о том, чтобы носители этих штыков научились мыслить»... Этого не вынесла душа ваших полицейских и прокуроров. Как? Молодец хочет научить солдат думать?... В тюрьму его за это!...

Я несколько не исправился. Громче прежнего буду я вас бичевать, буду провозглашать истинно человеческое мировоззрение. Человекоубийственная война лишь укрепила мои убеждения.

Там, где господствует ваш «патриотизм», — человечности нет места. Вы воспитываете людей для лжи, для лукавства и обмана, для убийства, разбоя и грабежа. Вы — «патриоты» — опустошаете целые страны и отнимаете, крадете их у братьев по ту сторону границы.

Мы же, бедняки, — мы граждане мира.

Ибо голод бедняков международен. И наша любовь к человечеству столь же международна, как ваше насилие. И вопреки всякому насилию, любовь остается могущественнейшим законом жизни. Любовь превозмогает все препоны и все законы. Вы, поклонники золотого тельца, препятствуете нам всюду ввести в жизнь великий закон любви. Но победить нас

вы не в силах. Мы протягиваем друг другу руки поверх всех пограничных столбов и гордимся тем, что вы, власти, обзываете нас государственными преступниками. Мы знаем, что не далек уже день, когда раскроются все темницы мира и начнется жизнь новая, жизнь соборная.

И преступлений и преступников тогда не будет.

Макс Винклер.

О религии

Хороших людей религия ослепляет;
У злых же
Она служит средством
Для ослепления других.

Мое детство и юность были временем религиозного экстаза. Мое молодое, восприимчивое сердце неудержимо рвалось из серой, обыденной жизни в широкую, чистую высь. Оно искало выхода из тесной клетки повседневных мелочей; и нашло его в интимной связи с той силой, которую называют Богом.

От более или менее бессмысленных обрядов и догм я быстро освободился, благодаря некоторой критической способности. Но горькое разочарование во всем, что касается религии, пришло гораздо позже; и именно тогда, когда вопросы классового, социального характера стали толпой осаждать мой ум, требуя неотлагательно ясного, разумного ответа.

Глубоко ошибаются те люди, которые думают и уверяют, что религия ничего — или мало общего имеет с экономическим и политическим общественным строем. Если в средневековые времена можно было именем религии сечь, жечь, убивать и линчевать людей, то и теперь продолжают этим же именем вести кровопролитные войны, расстреливать рабочих, протестующих против невыносимо тяжелой жизни, обогащать туземцев, обирать трудящихся, торговать трудом рабочих рук и держат в темном невежестве человеческого разум вообще, а рабочий — в особенности.

Эти размышления были первыми лучами, осветившими мой ум; и меня силой негодования, отвращения и стыда отшатнуло от всего, что связано с религией, храмом и их поклонниками.

Когда я в последний раз стоял в храме, позади тучных, сытых, богато одетых людей, повторяя за ними одну и ту же молитву, я спросил себя: что общего может быть между мной и ими? где можно между нами найти единство интересов?... И я нашел, что между нами только ничего общего нет, но что громадная стена, называемая государством, капиталом, собственностью и эксплуатацией,

разделяет нас; и мне сделалось стыдно за мои бессознательность и ханжество.

Когда, после молитвы, они — эти самодовольные, обеспеченные люди — направлялись твердым, уверенным шагом в свои светлые, просторные, богато убранные жилища, где их ожидал богато сервированный стол, приготовленный кухарками и горничными, — я, возвращаясь полубегом в свою маленькую полутемную комнатку без уверенности найти достаточно хлеба для утоления голода, думал о том, какое недоразумение свело меня с этими людьми под одним сводом храма; и я краснел от стыда.

Когда, по требованию хозяина, который только несколько часов тому назад, вместе со мной, признавался Богу, что золото и серебро принадлежат Ему, я являлся к нему в контору, в боязливом ожидании строгого выговора, денежного штрафа или расчета, и стоял, ожидая, когда он соблаговолит поднять свои строгие глаза от конторской книги, чтобы перевести их на мою персону, я думал о том, что только какое-то нелепое, печальное недоразумение сводит меня с ним в так называемом Божьем доме; и мне было больно, невыразимо больно и стыдно.

С тех пор вопрос о религии не оставял меня в покое. Оставаться на пол-дороге я не мог; и после тщательной проверки фактов, я решил то, что должен решить всякий благо-разумный человек и сознательный рабочий.

Я решил:

Если бы религия, в ясной и окончательной форме, воспрещала людям принимать какое бы то ни было участие в военном деле, в государственной власти, в войнах, каким бы именем они ни назывались: «наступательными» или «оборонительными», — если бы религия запрещала принимать участие в каком бы то ни было насилии над человеком, и люди, посвятившие себя этой религии, с ужасом относились бы ко всякому убийству и насилию, — я был бы самым страстным приверженцем ей; но когда религия не только терпит и благословляет войны и всякое другое насилие, но очень

часто сама бывает причиной их, — я не только не могу быть религиозным, но делаю всё возможное, чтобы искоренить религию у других.

Если бы религия осуждала всякую эксплуатацию, всякое использование одного человека другим, — я отказался бы от всего мирового и отдал бы себя ей; но так-как она не только не осуждает современное рабство, но сама пользуется им, — мое сердце возмущается, и разум протестует.

Если бы религия содержала в себе моральную борьбу со всем существующим злом, разделяющим людей на сильных и слабых, на униженных и униженных, на сытых и голодных, на властвующих и подвластных, — я отдал бы ей все, что есть для меня дорогого в жизни; но так-как она приказывает верить, но не думать, так-как она учит рабскому повиновению, оскорбительному унижению и ослиному терпению, — я отказываюсь от всякого в ней участия.

Если бы религия, считая единственным владыкой мира «царя небесного», не признавала никаких других авторитетов, кроме законов природы и нравственности, — я преклонился бы перед ней; но так-как она воздвигает троны, украшает главы царей золотыми коронами, избирает и благословляет князей, президентов, султанов, шахов, пал, министров, комиссаров

и всяких других властителей, — я нахожу её нелепой, противоречивой и крайне враждебной природе человека.

Если бы религия запрещала всякое убийство не только человека, но и животного, имеющего также право на жизнь, — моя привязанность и любовь к ней были бы бесконечны; но если в ней имеются законы, по которым убийства людей и животных необходимы, то она вызывает во мне чувство глубокого негодования.

Если бы деятельность попов, священников, раввинов и всякого другого высшего церковного начальства выражалась не в непонятных, переальных молитвах и проповедях с церковных кафедр, а в тесной неразлучной жизни с народом на заводах, фабриках, угольных копях и рудниках, где они, — не на словах, а на деле разделяя с страдающим миром его труд, заботы и лишения, — учили бы его любви к ближнему, правде и справедливости, — я с глубоким благоговением преклонился бы перед религией и её служителями; но если люди эти позволяют себе, во имя религии, жить в тунеядстве, в довольстве, чистоте и спокойствии на счет трудящегося рабочего люда, — я считаю их всех глубоко безнравственными и преступными.

Рабочий.

В кафе

Кто она?
Откуда она?
Как её имя?...

Всё это — вещи, которые меня совершенно не интересуют и ни на минуту не приходят мне на мысль. Мне просто не до них. Я вижу только её глаза — чарующие, волшебные глаза, которые пленили меня, сделали бессильным, беспомощным, неспособным к защите. Они овладели всем моим существом, околдовали, заворовали меня.

Мои взоры обращены только к ней, словно никого больше нет в этом огромном кафе, кроме меня и её, или — её одной... Ни вызывающий женский говор, ни звонкий женский смех, которые в другой раз звучали бы для меня прекрасной симфонией, ни сверкающие, расцветочные женские одежды со всей пестротой и роскошью их красок, узоров и линий, ни, вообще, всё это людское море с его шумом и движением, всё это сладостно развлекающее зрелище — для меня сейчас не существуют... вернее, для меня тогда не существовали...

Только она... Её глаза. Её взгляд. Её улыбка. Её движения... Вся она... Её длинные тонкие пальцы, которыми она сжимает папиросу... Её губы, меж которых скользят и плавно стелются вверх, словно цепь небесных тучек, струйки дыма, окутывая её волшеб-

ным белым покрывалом, словно унося её вверх...

Чудная, незабываемая картина...

Вчера я снова видел её. На том же месте. В тот же час.

Её папироса. Её стакан. Её улыбка...

Однако, не всё было, как раньше, как тогда. Чего-то не доставало. Да, не доставало огня, дивного очарования её глаз... Не доставало нежной грации движений, трепета стройного тела... Словом, не доставало жизни, не доставало юной девической радости, не доставало прелести невинного возбуждения...

Её лицо было омрачено и бледно. Из её глаз выкатывались порой две слезы — две дивных жемчужины... Они выдавали её чувства...

Много ночей прошло с тех пор — с того вечера, когда я видел её еще раз, последний раз... Когда я в последний раз искал в её глазах таинственного очарования...

И мне чудится — я всё еще вижу её безобразную фигуру, её ужасное мертвенное лицо, её потухшие глаза, отуманенные морфием, возбуждающие страх... В моих ушах еще звучит её хриплый голос: «Триста марок...»

Берлин, 1922 г.

Густав.

1914 - 1915

Б у р я

(Посвящая памяти жены)

Золотятся гребни дальних туч...

Тихий вечер! Вот моя молитва:

Тишиной своей, доколе длится битва,

Ты меня не мучь...

В тишине твоей больнее сердцу биться.

С тишиной твоей взволнованная грудь

Всё не может, — нет, не может примириться...

Отдохнуть...

*
* *

Ненавистна мне природы равнодушной

Красота — бесстрастная печать.

Я душою, вечно непослушной,

Не могу молиться и молчать.

Бури хочется! Стенания и рева...

Чтобы море, звезды и цветы

Долгим стоном ярости и гнева

Заменили песни красоты...

Чтоб цветы дыханьем ядовитым

Напоили нежный аромат;

Чтобы стал виденьем позабытым

Их причудливый наряд...

Чтоб стихия вод, поднявшись из пучины,

Смыла вновь безумие земли;

Чтобы мира здешнего руины

Никогда потомки не нашли!..

Чтобы звезды, в буре возмущенья,

Сорвались с померкнувших небес

И, внимая богу мщенья,

В этот мир безумия и тленья

Пали пламенем святого очищенья...

Чтобы мир, спаленный им, исчез.

*
* *

И когда, в порыве обновления,

Мир иной восстанет из руин, —

Пусть тогда струятся песнопенья

В глубине воскреснувших долин.

О, тогда — на радостную землю

Пусть сойдет благая тишина.

Пусть опять лелеет сказками весна...

Пусть и я тем сказкам снова внемлю...

Пусть цветы, как прежде, зацветут.

Воды пусть в смиреньи отойдут

И, ласкаясь, негой обоймут

Берега, омытые грозой...

И поднявшись снова над землею,

Звезды пусть, собрав свои лучи,

Снова тихо молятся в ночи.

Нидца, май 1915 г.

В. Э.

П о с л е б у р и

Взывал я к небу. Я жаждал бури...

Буря была.

Душе алкавшей,

Душе взывавшей —

Что буря дала?

Растерзан бурей, разорван с грохотом

Весь саван туч.

Но меркнет — с хохотом,

С зловещим хохотом —

Волшебный луч.

О небо, небо!.. Померкла снова

Твоя лазурь.

И сердце страждет...

И сердце жаждет

Всё новых бурь.

Авг. 1920. Тюр. В. Ч. К.

В. Э.

СРЕДИ КНИГ и ЖУРНАЛОВ

Себастиан Фор. «Религиозный обман». Париж, 1923, 400 стр. — Наш товарищ Фор развернул после войны деятельную литературную пропаганду, поддерживающую анархистское библиографическое движение во Франции на большой высоте. С ноября 1920 г. по февраль 1921-го он сделал двенадцать докладов, объединенных под общим заглавием «Крамольные речи» и выпедших в свет по-французски (Париж, 1921) и по-испански (издание «Ля-Протеста», Буэнос-Айрес, 1922). Спустя год он напечатал прекрасную анархистскую утопию «Мой коммунизм» (Париж, 1922, и Буэнос-Айрес 1923, изд. «Ля-Протеста»), в которой на протяжении 400 страниц он в беллетристической форме развивает интересные мысли о социальных задачах, изложенные им в популярно-теоретическом виде в «Крамольных речах». Не следует забывать, кроме того, его брошюры «Мой взгляд на диктатуру», переведенной почти на все европейские языки*), а также его постоянного сотрудничества во французской анархической прессе и участия в деятельности анархистских групп и съездов во Франции.

Все эти труды — так же, как и только-что появившаяся книга о «Религиозном обмане», — указывают на блестящий расцвет его творчества и влияния, оказываемого им на развитие движения во Франции.

Фор пишет для народа, со всем изяществом, свойственным его перу. Произведения его читаются так же легко, как беллетристика, но обнаруживают в нем, тем не менее, сильные писателя, понимающего общественные задачи с философской точки зрения и обладающего огромным талантом пропагандиста.

Вопросы религии занимали его с ранней юности, быть-может именно вследствие близкого соприкосновения его в те годы с церковью, едва не воспринявшей его в свое лоно; им посвящены его разнообразие брошюры и листки, распространяемые с целью антирелигиозной пропаганды во Франции, Италии и в странах, где население говорит по-испански.

В своей новейшей книге о «Религиозном обмане» Фор развивает высказанные им ранее мысли, — развивает с редким мастерством,

обнимая все многообразие вопросов, возникающих у человека по отношению к догматическому обману — Богу; к обману историческому — Церкви; к обману общественному — метафизическому Человечеству. Дать краткую оценку этой книге почти невозможно: каждая из страниц ее заслуживает быть отмеченной в отдельности. Труд Себастиана Фора содержит все, что может сказать и думать анархист по поводу «религиозного обмана», и все, что может им быть приведено в качестве аргумента против слепой веры и суеверия. Одним словом, труд этот представляет собою ценнейшее пособие для выяснения взгляда на религию и на все, вытекающее из нее, зло. Он помогает сокрушить пережитки веры во власть божественную и человеческую, держащиеся еще в народных массах, и вообще способствует поддержанию духа человеческого против всех попыток поработить его и обманным путем удержать в цепях векового рабства.

Себастиан Фор, автор драгоценнейшей книги «Мировая Скорбь», в которой мастерски изложены основания анархизма, оказал человечеству большую услугу написанием своего последнего труда и возложил на нас тем самым обязанность всемерно содействовать распространению этой работы в широких народных массах всех стран.

Луиджи Фабри. «Диктатура и Революция». Буэнос-Айрес, 1923, 450 стр., пер. Д. Сантильяни. — Фабри несомненно является единственным, сумевшим развернуть во всю ширь вопрос о диктатуре, — вопрос, выдвинутый на первый план после русской революции, когда большевики провозгласили лозунг диктатуры пролетариата, как единственного средства спасения, находившегося в руках рабочих. Луиджи Фабри, обладающий выдающимся полемическим талантом и в течение долгих уже лет ведущий неустанную борьбу против всех опасностей уклонения анархизма с его прямого пути, резко реагировал на подобное извращение идеалов трудящегося народа. Статьи его, появившиеся по этому поводу в «Анконской Воле» (по-итальянски), послужили основой для только-что выпедшей в свет книги о «Диктатуре и Революции» — двух взаимно друг

*) К сожалению, в виду «коммунистической» действительности, ни одно из анархических изданий, выходивших за последнее время в разных странах, не может быть издано и распространено в России.

друга исключаящих понятиях. Книга Фабри является лучшей, чтобы не сказать единственной сводкой того, как анархистам надлежит относиться к делу в случае воцарения диктатуры вообще и диктатуры пролетариата в частности. Больше того: книга «Диктатура и Революция» содержит критический разбор идеи государства и диктатуры и посвящена в частности опровержению злощастной мысли о диктатуре, закрывшейся и в анархистскую среду. По широте охвата и проводимых в ней взглядов, книга эта скорее могла бы претендовать на заглавие «Философия Революции», более соответствующее ее содержанию. Мы не беремся изложить вкратце насыщенные теориями и мыслями основные части этого превосходного труда. Можем лишь всецело присоединиться к словам, высказанным Малатестой в его предисловии к испанскому изданию: «Пусть всякий революционер изучит книгу Фабри. Это необходимо, дабы избежать ошибок, в которые впади русские».

Мы вернемся еще впоследствии к более обстоятельному рассмотрению некоторых взглядов товарища Фабри, в особенности относительно защиты революции и функций анархистов во время революции.

Фабри является одним из наиболее плодотворных анархистских писателей в Италии, много сделавшим в отношении изложения и разбора занимающих анархистский мир вопросов. Его обширная литературная деятельность в течение свыше двадцати лет дала ему повод коснуться всех почти важнейших тем, как общего, так и животрепещущего содержания, как например: о взаимоотношениях между рабочими организациями и анархизмом, между анархизмом и синдикализмом, о новой школе Феррера, о церкви и государстве, о войне, об антибольшевистской полемике, о диктатуре, о фашизме и т. д. По всем этим интереснейшим вопросам Фабри высказался со свойственной ему ясностью и острой мысли.

значенное для распространения среди женского населения.

*
*
*

Речи П. Кропоткина, т. I, Буэнос-Айрес, 1923, изд. «Ля-Протеста». — Анархистское издательство «Ля-Протеста» начало печатанием «Полное собрание речей и докладов П. Кропоткина» (на испанском языке). Всего будет три тома. Первый том содержит «Государство, его историческое происхождение» и «Современное государство».

Д. С.

«Патагония. (Кровавые события 1921—1922 гг. в Аргентине).» Изд. Раб. Издат. Группы в Аргентине. 1923. — Небольшая брошюра в 50 страниц, посвященная описанию революционных событий в Патагонии (Южная Аргентина), а также трагическому эпизоду этих событий: казни «усмирителя Патагонии» полковника Варелы, убитого товарищем Вилькенсом и убийству самого т. Вилькенса в тюрьме.

Хорошо, конечно, что наши рабочие организации стремятся сами вести также и дело литературного издательства, представляющего немалые трудности и главное — требующего известной литературной и интеллектуальной подготовки. Но необходимо, чтобы дело это велось со всей возможной тщательностью и удовлетворяло бы минимальным требованиям литературной грамотности. В противном случае — оно теряет половину своего значения.

Брошюра «Патагония» — не первое издание Рабочей Группы. Предыдущие издания ее были выполнены с достаточной тщательностью и производили с этой стороны хорошее впечатление. Мы имеем, в особенности, в виду брошюру «Первая Конференция «Набат» (1922).

К сожалению, нельзя того же сказать о настоящей брошюре.

Во-первых, она издана довольно небрежно с внешней стороны: много грубых опечаток, общий лубочный вид.

Во-вторых, ее сразу же портит «стихотворение», которым она открывается. Какой смысл имеет печатать в виде стихотворения рубленую прозу, не имеющую в себе ни крупинки поэзии? Автор стихотворения — не только не поэт, но, по видимому, никакого понятия не имеет о поэзии. Произведения его в области поэзии могут вызывать только смех: до такой степени они нелепы. Зачем же портить ими книжку? Или товарищи сами не понимают всего ужаса такой «поэзии»? Ведь, писать стихи — вовсе не значит расставлять строки в известном порядке. Поэтическое творчество — совершенно особое и редкое дарование. Не владея

Луиджи Фабри. «Письма об анархизме». Буэнос-Айрес, 1923, изд. «Ля-Протеста», 112 стр. — Буэнос-Айрес является в настоящее время одним из важнейших центров анархистской издательской деятельности. Всякая книга, представляющая собою ценность для дела нашей пропаганды, немедленно там издается и распространяется среди наших товарищей в Аргентине. Там существует два анархистских издательства: «Аргонавты» и «Ля-Протеста», постоянно работающие в направлении возможно широкого ознакомления анархистов в странах, где население говорит по испански, с произведениями мировой анархистской литературы. Только что вышедшая в Буэнос-Айресе книга Фабри была написана им еще в 1905 году и содержит популярное и вместе с тем вполне литературное изложение анархистских идей, специально предна-

им, незачем портить бумагу. А помещать набор нелепых строк в книге — значит портить всю книгу.

В одном отношении брошюра полезна: она дает читателю-рабочему недурной агитационный материал и укрепляет в нем дух возмущения. Тем более жаль, что в общем полезная книжка портится недостатками, которых легко было бы избежать — при более тщательном отношении к делу.

Необходимо отметить в брошюре еще один недостаток, не относящийся, правда, к ее тексту, но очень портящий ее. Мы говорим о рекламных объявлениях «Голоса Труда» и «Американских Известий» — с выкликаньем достоинств «товара», с «интернациональными знаменитостями» и пр.

Именно потому, что и «Голос Труда», и «Америк. Известия» — «газеты рабочие и для рабочих», — им не к лицу помещать о себе объявления рекламного характера, целиком подражающие объявлениям бульварно-буржуазных газеток. Мы очень рекомендуем товарищам раз навсегда отказаться от этой пошлости.

Обозреватель.

Историческая летопись международного анархического движения

Нас просят опубликовать следующее обращение:

Расчитывая на поддержку большинства писателей-революционеров, издательство «Аргонавты» в Буэнос-Айресе (Аргентина), — деятельность которого пользуется широкой популярностью в рабочих кругах стран, где разговорным языком является испанский, а также среди всех, интересующихся развитием социальных проблем, — решило приступить к изданию исторической летописи международного анархического движения. Предполагаемая серия книг начнет выходить на испанском языке с 1-го января 1925-го года, в виде томов от 350 до 400 страниц каждый.

Издание это будет посвящено главным образом: истории анархизма в его теории и практике; истории развития Первого Интернационала; истории противогосударственных движений у всех народов Европы и Америки. Оно будет также проследивать шаг за шагом современное развитие анархических идей во всем мире, во всех характерных проявлениях их. В частности, «Летопись» будет давать

ежегодный обзор анархических учений, с точки зрения как их исторической эволюции, так и проведения их в жизнь. Она явится ценным пособием не только для тех, кто принимают, защищают и пропагандируют идеи анархизма, но также и для всех, интересующихся чувствами и стремлениями народных масс, — для всех, желающих глубже проникнуть в психологию масс.

«Летопись» будет трудом пропагандистов и исследователей — для пропагандистов и исследователей.

Просим присылать нам в качестве материалов газеты, прокламации, листки, брошюры и книги, относящиеся к анархистскому движению. Обстоятельные отчеты обо всем получаемом будут регулярно помещаться на страницах «Летописи».

Деловую корреспонденцию просим направлять по адресу:

J. M. Fernandes, Casilla de Correo, 1890, Buenos - Aires, Argentina.

Всё, относящееся к редакции, — по адресу:
Fritz Kater („Argonauta“), Kopernikusstrasse 25 II, Berlin O. 34, Deutschland.

Родственные газеты и журналы на русском языке за-границей

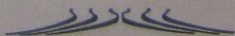
Американские Известия. Орган Российских Рабочих Организаций Соединенных Штатов и Канады. — Выходит еженедельно. — 274 E. 10th Str., New York, N. Y., U. S. A.

Голос Труда. Орган Федерации Российских Рабочих Организаций Южной Америки. — Выходит еженедельно. — Vicente Kitra, Correo Central, Casilla 1752, Buenos Aires, Rep. Argentina.

Голос Трудящихся. Орган Индустриальных Рабочих Мира. — Выходит два раза в месяц. — 1001 W. Madison Str., Chicago (Ill), U. S. A.

Волна. Ежемесячный орган федерации анархо-коммунистических групп.

Рабочий Путь. Орган русских анархо-синдикалистов. — Выходит раз в месяц. — Fritz Kater (P. II.), Kopernikusstrasse, 25 II, Berlin O. 34, Deutschland.

Вести из России

По поводу недавнего вступления в Комм. Партию 10-ти бывших анархистов *) нам пишет товарищ из России:

«Насколько необходима борьба с оппортунизмом, показывает теперешнее вступление в партию коллективно 10-ти лиц, именовавших себя ранее «свободными», но фактически бывших «партийными» и ранее. Это коллективное вступление в партию с особой декларацией **) — лучший показатель той общей реакции, которая здесь переживается и делается совершенно нестерпимой для некоторых, оканчивающих (мягко выражаясь) идеологическим самоубийством, на что они раньше только покушались».

Далее товарищ пишет:

«Как «отмирает», согласно Ильичу (Ленину — Ред.), наше государство, его армия, полиция, чиновничество, — вам прекрасно известно. Что же касается отмирания общест-венности, то оно идет безостановочно и дошло до того, что обыватель торжествует по поводу допущенной «самодельности» лавочников, скупающих для него продукты у крестьян или гострестов, не смея или не имея никакой охоты, напр., заявить в свой кооператив о желательности собрания (собрания устраиваются в лучшем случае раз в год, при сильнейшей настороженности соответствующих лиц).

С болезнью Ильича — всем правит Ц. К. партии (всё прочее лишь для парада). А как правит он, — достаточно указать на факт издания группой «рабочей оппозиции» прокла-мации против положения, выданного Ц. К.: «всякая критика Ц. К. есть меньшевизм».

При таком положении нечего говорить, что имеет право на существование по-прежнему только правительственная партия, верные ей члены и органы; всё же прочее признается сплошной контр-революцией, подлежащей унич-тожению. Напр., решено повидимому теперь прочно не допускать ни одного свободниче-ского органа.

За распространение разрешенных цензурой трех №№ «Почина»***) некоторые в провинции, кажется, и до сего времени сидят, а типография «Почина», за отпечатание разрешенного цензурой № 3, закрыта по сей день.

*) См. «А. В.» № 2 в отделе «Анархо-большевизм». —

**) Текст декларации только что получен редакцией, которая предлагает дать об этом документе заметку в следующем № «А. В.» —

***) Анархо-кооперативный орган, созданный, редактируе-мый и издаваемый в Москве тов-щем А. Атабеки.

Две попытки к изданию научно-лите-ратурного журнала, в котором хотели при-нимать участие наши товарищи, категориче-ски не допущены цензурой, при заявке о пред-положении издания.

С громадным трудом допущен цензурой перевод брошюры Ньюенгуниса о Боге, выпел-шей свободно за-границей более 20 лет тому назад, в самые мрачные времена реакции; од-нако, разрешение дано на печатание неболь-шого количества экземпляров.

Инспектора цензуры, обходя книжные ма-газины, отнимают, наряду с астрономической книгой Н. Морозова «Откровение в грозе и буре», напр., книгу С-го «В неволе», представ-ляющую воспоминания о годах, проведенных на каторге во времена царизма.

Одним словом, царит свобода произвола агентов власти; а всякая иная свобода подле-жит забвению раз навсегда.

Около месяца тому назад арестованы по-головно все товарищи в Питере — 30 человек. Аналогичное было в Харькове.

На Дальнем Востоке, — передают, — дана инструкция свыше: всячески подавлять наших товарищей, но так, чтобы это не дохо-дило до сведения за-границы. Веро-ятно, в связи с этим — там арестован ряд лиц.

В тюрьмах и ссылке — всё по-старому. Тяжело...»

Конфискация «Истории махновского движения» и «Анархического Вестника» на русской границе.

По полученным редакцией «А. В.» сведе-ниям, согласно распоряжения советской вла-сти, «История махновского движения» П. Ар-пинова, а также №№ «Анархического Вестни-ка» конфискуются на русской границе не только у простых смертных, — например, у рабочих, бывших в эмиграции со времени рево-люции 1905—1906 г. и теперь при возвращении на родину везущих те или иные экземпляры революционной литературы, — но также и у коммунистов, и даже у высоких коммунистов, у «коммунистических вельмож», среди кото-рых встречаются лица, желающие в часы до-суга почитать анархическую литературу.

Надо думать, что материал, находящийся в названных книгах, до того изобилует ком-партию даже в глазах ее членов, — не говоря уже о широкой массе тружеников, — что совет-ская власть сочла за единственную меру борь-

бы с этим материалом конфисковать его у всех, в том числе и у членов своей партии.

* * *

Аресты левых элементов в России продолжают с неослабевающей интенсивностью. Массовые аресты анархистов были произведены последние месяцы в Петрограде, Москве и других городах. В числе прочих обвинений арестованным ставится в вину связь или переписка с заграницей. Требуют подписку о прекращении всяких сношений с заграницей.

В начале сент. с. г. было арестовано Центр. Бюро максималистов и закрыт максималистский клуб.

* * *

Из письма, присланного нашему товарищу лицом, уехавшим в Россию:

«Дорогой П.!

До русской границы мы проехали хорошо. На русской границе нас заставили все вещи выложить. Все новые отложили в одну сторону, старые — в другую. За новые назначили такой налог, что каждую вещь можно три раза купить. Ношенные вещи позволили взять. Книгу (История махновского движения) отобрали...

Из новых вещей я взял, конечно, лишь самое необходимое. Остальное бросил, то-есть оставил им.

На место я приехал как-раз в разгар косябы и тотчас взялся за работу. И трудно же тут жить!...

МОЯ ССЫЛКА

(Н характеристике советского режима)

I.

Я была арестована в г. Харькове в начале 1921 г., как анархистка. По моему настоянию, поддержанному энергичной голодовкой, меня вскоре после ареста перевезли в Москву, в Бутырскую тюрьму, где я рассчитывала встретиться с близкими товарищами. Здесь, в виду моего болезненного состояния, я была помещена в тюремную больницу.

В сентябре того же 1921 г. я получила уведомление о том, что 30-го июля приговорена заочно, «как анархистка-махновка», к ссылке в г. Усть-Сысольск, Северо-Двинской губ., сроком на 1 год.

По состоянию моего здоровья, я, конечно, в ссылку идти не могла. Врач определил у меня воспаление суставов, признал положение серьезным и категорически запретил ехать. Ноги у меня сильно опухли, и я с трудом двигалась.

Тем не менее я решила отправиться в путь: слишком уже надоела тюрьма.

II.

Через несколько дней после уведомления, меня перевели в пересыльную тюрьму — Новинки.

Там товарищи тоже наставляли на том, чтобы я отказалась идти в ссылку ввиду моей болезни. Но мое решение было твердо. Тогда меня стали убеждать потребовать перемены места ссылки: на юг. Я подала соответствующее заявление, указав на то, что я совершенно больна и, к тому же, раздета, так что на север ехать не могу. Ответ был — немедленная отправка на север.

III.

Из Новинской тюрьмы меня доставили прямо на вокзал. Здесь собрался большой этап, сбитый из разных тюрем. Всего — 64 че-

ловека. Среди них было много крестьян — глав. обр. тамбовцев, шедших в ссылку «за восстание Антонова». Мужчины, женщины и дети, начиная с 8 лет. Немало стариков и старух, по 60 лет и больше. Почти все они тащили на себе огромные тюки со всяким домашним скарбом. Некоторые забрали с собой буквально все свое имущество: белье, одеяла, одежду, картофель, муку, овес, сапожные или другие инструменты и пр. На вопрос, куда их везут, ответ был: «Не знаем... Нас шлют далече; а куда — сами не знаем...»

IV.

До Вологды мы доехали в специальном арестантском вагоне без особых событий. Питание в пути было отвратительное.

В хмурый октябрьский день, часов в 11 вечера, мы прибыли в Вологду.

С вокзала нас тотчас повели прямо в пересыльную тюрьму.

Нешком, в глубокой темноте, по укасающей грязи плелись мы серединой улиц. При этом, конвойные старались нарочно, чтобы мы шли по самым грязным местам. Они издевались над нами — эти слепые, сбитые с толку и озлобленные люди.

Вот, какая-то старушка не выдержала и упала — прямо в грязь.

Вместо того, чтобы помочь ей подняться и идти дальше, конвойный накиннулся на нее с отборной руганью:

— Вставай, такая-сыкая! Ничего валяться... При Николае еще не то было, да небось шли...

Старуха не шевелится. Солдат начинает бить ее прикладом винтовки. Та кричит — протяжно, жутко...

Я не выдерживаю и возмущенно протестую. — Пойдешь ты или нет? — накидывается на меня конвойный: — Ты будешь тут еще разговаривать?...

Ругань и угрозы винтовкой.

— Да, я буду говорить... Как вы смеете...

Солдат направляет на меня дуло винтовки: — Застрелю на месте.. Ты пойдешь или нет?...

В эту минуту я сама попадаю ногой на скользкое место и падаю в липкую, вонючую грязь.

Старуха тяжело подымается. Я тоже встаю. Солдат всё грозит пристрелить и ругается ужасно...

Идем дальше.

V.

Поздно ночью прибыли мы в Вологодскую пересыльную тюрьму.

«Начальство» встретило нас с первой же минуты самой отборной трех-этажной руганью.

— Стань сюда!...

— Не смей! Не ходи! Молчать!...

Стали отбирать многие вещи. В нашем и без того крайне тяжелом, беспомощном положении каждая вещь — какая-нибудь лишняя ложка или чашка — имела важное значение. Я начала возмущаться и протестовать. Это, конечно, ни к чему не привело.

Затем стали «загонять» нас по камерам.

Подожла я к двери предназначенной мне общей женской камеры и ахнула. Нет слов, чтобы передать этот невероятный ужас: в почти полной темноте, среди отвратительной клейкой грязи копошились 35—40 каких-то полуживых существ. Даже стены камеры были загажены калом и другой грязью...

Я обратилась к надзирательнице с просьбой позвать кого-либо из «высшего начальства». Я хотела поговорить о случае избития в пути, а также и о камере. Но надзирательница, довольно милая женщина, советовала мне ни с кем ни о чем не говорить, так-как «заведующий тюрьмой не лучше конвоира».

В камере негде было даже присесть. Пол, видимо, не мылся годами...

Я решительно оказалась остаться в этой клоаке и спросила, нельзя ли провести ночь в коридоре, который был, всё-таки, чище. Такую же просьбу высказала предназначенная в ту же камеру женщина-врач, выславшаяся по неизвестному мне делу.

Надзирательница предложила нам, вместо коридора, поместиться в маленькой одиночной камере. Но камера эта была занята тяжело больной венеричкой, с высокой температурой, к тому же — идиоткой. Решено было эту больную положить на ночь в коридоре — с тем, чтобы на-утро перевести ее в больницу. Так и сделали.

Однако, в камеру войти мы не решились, так-как она была чуть ли не грязнее общей камеры: все ее стены были измазаны калом. Переступить ее порог для свежего человека было бы пыткой.

Мы потребовали кипятку, чтобы предварительно обмыть стены и пол. Надзирательница сказала, что даст, когда уйдет заведующий. Наконец, он ушел, нам дали кипятку, мы вымыли камеру и расположились в ней на ночь.

Уходя, надзирательница предупредила

нас, чтобы мы были на-стороже: ночью к нам может прийти с известными целями надзиратель или сам заведующий. Такой уж тут «обычай». Почти всех приходящих сюда с этапами женщин используют. При этом, почти все служащие больны и заражают женщин. «Кто из женщин проводит здесь некоторое время, — непременно уходит больная»...

Предупреждение оказалось не напрасным. Ночью к нам в камеру вошел кто-то с лампой.

— Кто это?

Ответ был: — Всё равно, кто... Я зашел, барышни, для проверки...

Мы все сразу поднялись. Нас было четверо: я, женщина-врач, какая-то латышка и еще одна яко-бы с.р-ка (впоследствии оказавшаяся «наседкой» — провокаторшей). Вошедший, повидимому, понял, что на этот раз ему ничего не сделать. Он осмотрел нас, потоптался на месте и ушел.

На-утро он явился, однако, снова и — вероятно, в отместку — распорядился: «уборную чистить!»

Мы отказались. Он пригрозил «принять меры». Мы, всё же, не пошли.

Днем — новый ужас: питание. Кормят исключительно полу-сгнившей таранью. Крупы не выдают, — берут себе. Благодаря тому, что Вологодская тюрьма является «центральной» и через нее беспрерывной волной идут пересылаемые во все концы, — толчея происходит невероятная, и кухней никто толком не занимается. Посуда не моется. Готовится всё помпалом с грязью. В котлах, где варится жидкая грязная бурда, именуемая «супом», черви кипят в ужасающем количестве...

На следующую ночь к нам в камеру явился какой-то другой субъект. Вошел он в темноте, без огня.

— В чем дело? — спрашиваем мы и опять все вместе поднимаемся.

Субъект зажигает свечу, рассматривает нас и педит сквозь зубы: «я проверить пришел...»

Мы энергично протестуем и кричим:

— После вечерней проверки не имеет права входить в камеру... Просим выйти...

Субъект уходит. Кто он, — не знаем. На другой день узнаем, что это был помощник заведующего Вологодской пересыльной тюрьмой.

VI.

Через 4 дня меня отправили в Вятку. Тоже в пересыльную тюрьму. Из нашего бывшего большого этапа я очутилась тут одна.

Условия здесь показались мне несколько лучше Вологодских. Камеры — больше, и не такие уж загроможденные.

Я потребовала, было, умыться; но мне предложили, прежде всего, зайти в камеру, «а там видно будет...»

В большой женской камере — 40 человек. «Политическая» — я одна. В камере 9 откидных кроватей-коек, выложенных досками. Ни матрацев, ни подушек, ничего. На койках и просто на полу лежат обрванные, — некоторые почти голые, — полу-трупы.

Спрашиваю: — Где же лечь?
Заключенные смеются: — На пол ля-
жешь...

— А бани здесь есть?

Смеются.

— Я вот 9 месяцев здесь, а бани не ви-
дела...

Приходится располагаться прямо на полу.
Пол цементный. Почти никогда не моется.

Света в камере ночью нет. Была лампочка, но ее разбили, и другой не дают.

Вечером я улеглась на столе.

Не припомню другой такой кошмарной ночи, как проведенная в Вятской тюрьме. Насекомых мириады. Заключенные женщины мучаются, стонут, просят пить... У большинства — высокая температура.

К утру 17 человек оказываются заболевшими тифом. Подымаем вопрос о переводе их в больницу — ничего не можем добиться. Я требую начальника. Откака.

Иду сама в больницу. Все 17 заболевших идут со мной. Наконец, в больницу принимают 14 человек. Троих отправляют обратно в камеру — за неимением места.

По возвращении в камеру, спрашиваю, когда раздадут утренний кипяток. Оказывается, уже 3 месяца совсем не дают кипятка.

Спрашиваю, почему нет кипятка.

— Дрова дороги...

В 8 час. утра раздают по $\frac{3}{4}$ ф. «хлеба». Это — какая-то смесь грязного сырого теста с гнилой картошкой. Смесь настолько жидкая, что ее надо есть ложкой. Спрашиваю, что дают еще за день. Иногогда в 8 час. веч. — «суп». Это — все.

Я решаю выждать день, чтобы ознакомиться со всем бытом тюрьмы.

Время тянется бесконечно. Холодно, грязно, голодно.

— Прогулка бывает?

— Нет. Никогда.

В 8 час. веч. принесли «суп». Ничего подобного я еще не видела: суп сварен из грязных лошадиных голов; в темной вонючей жидкости плавают куски лошадиной кожи, волосы, какая-то слизь, тряпки... Картошка в супе нечищенная.

Люди с звериной жадностью набрасываются на это ужасное хлébово, глотают наперебой, дерутся из-за картофельной мелухи...

Через несколько минут многих рвет.

Так заканчивается день, и снова наступают кошмарная ночь.

Я решила подать заявление начальнику обо всех виденных фактах. В камере оказались несколько интеллигентных женщин (по делу какого-то железно-дорожного заговора), которые помогли мне.

Утром мы написали заявление и потребовали принять делегацию от камеры.

К моему удивлению, начальник делегацию принял. Встретил он нас очень любезно. У него чудный кабинет. Впечатление он на меня произвел типичного генерала Николаевских времен. Военная выправка и, для чего-то, шапка сбоку.

— В чем дело?

Читает заявление и сам ужасается: — Это ужасно... Это недопустимо...

— Разве же вы сами этих фактов не знали?

— Что до такой степени дошло, — не знал... Знал, что часто не бывает кипятку... Но, ведь, его и в городе часто не бывает... Дров нет...

— Вы же понимаете, что такое состояние тюрьмы опасно и для всего города... Ведь это же — очаг заразы...

— Да, да, конечно... Не беспокойтесь, всё будет сделано... Я вызову врачей... Я приму меры...

В нашем заявлении было выставлено требование немедленной дезинфекции. Он обещал удовлетворить это требование.

Действительно, вечером в тюрьму прибыла врачебная комиссия: врачи, фельдшера, санитары...

Приступили к дезинфекции камер. Делалось это очень просто. Всех выгоняли в другую камеру — со всеми вещами, со всей грязью. Пустую камеру «дезинфецировали» и затем гнали всех обратно.

Через 2 дня после «дезинфекции» всё пришло в прежний порядок: та же грязь, тот же ужас.

Впрочем, чуть не забыла: один раз дали баню.

VII.

Я пишу на-спех, и мне некогда ни разрабатывать материал, ни обрабатывать мои заметки. Но если бы даже я имела эту возможность, — я, при всем желании, не могла бы полностью передать, описать весь ужас этой тюремной жизни. Этот ужас непередаваем, неопишуем...

Я прожила в Вятской тюрьме месяц, который оказался мне годом. И подумать, что есть люди, которые сидят здесь по 3—5 лет, за мелкие уголовные преступления или за «преступления по должности»... При этом, мне лично жилось лучше многих: я продавала кой-что из носильных вещей (через заключенных, ходивших в город) и кой-как питалась, крепилась.

Прожила я так долго в Вятской тюрьме потому, что предполагалась отмена моей ссылки в Усть-Сысольск. По состоянию моего здоровья, я могла бы только чудом выдержать такое путешествие: до г. Котласа предстояло ехать железной дорогой; но от г. Котласа до Усть-Сысольска — 350 верст пешком по ужасным этапам. Я же еле двигалась и, конечно, не дошла бы до места. И врач, и тюремное начальство были того же взгляда. Я ждала окончательного решения.

Однако, к концу месяца выяснилось, что они не могут отменить распоряжение центра. Ровно через месяц после моего прибытия в Вятку, я отправилась дальше — в Котлас.

Г. М. Юдович.

(С. Ав—кая).

(Окончание следует).

ИЗ РАЗНЫХ СТРАН

В ГЕРМАНИИ

Когда настоящие строки выйдут в свет, трагикомедия германского рабочего движения успеет уже, по всем вероятностям, вступить в новый фазис своего развития. Экономические и политические условия Германии создадут почву для новых бурь и тревог. Однако, недавнее прошлое дает нам возможность высказать теперь же некоторые соображения относительно характера и ближайшего будущего германского рабочего движения.

10-го августа 1923 г. в Берлине вспыхнуло стачечное движение, начавшееся с крупнейших предприятий металлообрабатывающей промышленности, но вскоре стихийно распространившееся и на другие отрасли и возбудившее волну сочувствия во многих местностях германской республики. Вследствие общего обнищания, движение стало широко разрастаться. Но когда настал момент для решительных общих действий, — рабочие, разделенные по профессиональным союзам и политическим партиям, оказались застигнутыми врасплох.

Забастовка в первый же день приняла политический характер, и лозунгом ее было: «Долой правительство Кuno». В силу господствующей в Германии партийности и партийной раздробленности, исход движения можно было предсказать с самого начала: опять какая-нибудь правительственная перегруппировка. Действительно, победили элементы, у которых в руках была некоторая сила, и таким образом составилось «широкое» коалиционное правительство из представителей правых партий (включая социал-демократию). Мечты многих коммунистов о создании «рабоче-крестьянского» правительства не сбылись.

Такой результат забастовки побуждает нас высказаться в общих чертах по вопросу о сущности немецкого рабочего движения вообще, о его организации и внутреннем соотношении составляющих его сил.

Если в состоявшихся на протяжении последних лет массовых выступлениях мы и могли с удовлетворением отметить всё более четко выявлявшуюся самостоятельность масс в методах борьбы, тем не менее твердость и ясное сознание цели оставляли всё еще желать многого. Пока партийные лозунги, как и вообще опека со стороны партий, сохраняют свое значение, — массы следуют за ними. Когда же, как при нынешнем голоде, приходят в смутление многие твердые «государственники» и теряют былой авторитет многие пар-

тии, тогда пролетариат вынужден бывает пройти в своих поисках долгий крестный путь, исполненный новых заблуждений, страданий и поражений. Таков ли, однако, исторический закон железной необходимости? Или можно надеяться на то, что немецкая революция сумеет во-время преодолеть препятствия и выйти на истинный путь к победе и к свободе? Для уяснения дела, следует остановиться подробнее на отдельных сторонах немецкого рабочего движения.

Прежде всего, необходимо отметить свойственное нам, немцам, и объясняющееся условиями воспитания чувство «подданничества». Свойство это зачастую проявляется с истинно трагической глубиной и может служить объяснением многих фактов. Цепляясь за старину, за «традиции», воспринимая новшества лишь по прохождении ими предварительной цензуры признанных вожаков, немцы с трудом поддаются быстрому поступательному движению вперед. За пределами Германии много говорится о национальных особенностях немцев в качестве граждан своего государства. Но достопримечательнее всех прочих категорий немцев является именно немецкий рабочий. В нем сосредоточено всё характерное как для положительных качеств, так и для недостатков немца. В отношении последних — покорность, тупость, безволие, доходящие до полной слепой преданности, составляют типический образ среднего рабочего. Справиться с этими свойствами и с вытекающей из них поразительной инертностью — уже подзадачивало многих подлинных революционеров.

Историческое объяснение подобного положения вещей может быть дано следующее. У коллели современного германского рабочего движения было слишком много нянек. Кто и как только не воздействовали, начиная с прошлого столетия, на мысли и чувства немецкого пролетариата? Оппортунисты всех сортов, реформисты всех толков, радикалы и революционеры, всевозможные экономические и политические теории, разнообразнейшие философские учения... Всё это обрушивалось и обрушивается на мозги борющихся за лучшее будущее рабочих. Затем, рабочих принимают обрабатывать и разделять великое множество партий и направлений, причем каждая из этих групп до сих пор клянется именем их общего основателя и пророка. В партиях это проявляется особенно резко: так, например,

все три социал-демократические партии (т.е. все три, желающие разными способами захватить политическую власть) одинаково клинута именем Маркса, между тем как каждая из них толкует его учение на свой лад. Иначе говоря, немецким рабочим преподносилась и преподносится история как немецкого, так и международного рабочего движения, специально приновленная для возвеличения учения и для воспитания в рабочем «подданнических» чувств. Далее: в виду того, что на первый план выдвигался момент политический, образование профессиональных союзов нарочито относилось к эпохе шестидесятых годов (не взирая на то, что задолго до того уже существовали самостоятельные классовые объединения ремесленников) в целях подчинить и профессиональное движение движению партийному. И, действительно, немецкое профессиональное движение очень рано оказалось, во всех своих разветвлениях, на поводу у той или другой политической партии: так, «Гирш-Дункерское» проф. течение примыкало к «демократическим» партиям; «христианское» — к христианско-социалистической партии; и, наконец, Лассалианское примкнуло к социал-демократии. Все эти течения существуют и поныне, хотя и под другими названиями. В истории их произошли, однако, многие изменения. Сущность этих изменений состоит в том, что, — под влиянием, с одной стороны, образования сильной объединенной реформистской организации так-называемых «свободных проф. союзов» (ныне — «Всеобщий Немецкий Проф. Союз» или «централисты»), а с другой — падения, после мировой войны, значения демократических партий, — мелкие проф. организации ныне сошли почти на нет, и основное значение осталось лишь за центральным реформистским «Всеобщим Нем. Проф. Союзом». Причем, дух партийной политики со всеми ее губительными последствиями оказался столь глубок, что и поныне профессиональное движение в Германии, этот колосс на глиняных ногах, находится во власти социал-демократии, хотя и раздробившейся на три отдельных течения.

В 1905 году партийные святители и жрецы вырвали у профессионального движения могущественнейшее оружие борьбы — принцип всеобщей стачки, провозгласив лозунг, согласно которому союзы могли присоединяться лишь к массовым забастовкам политического характера. Вообще, чем шире развивались профессиональные объединения и союзы, тем больше глупостей они делали под влиянием вредных внушений со стороны опекающих их политических партий (правда, известную долю этих глупостей приходится также поставить на счет инстинкта самосохранения). Поддержавши в 1914 году социал-демократию, господствовавшую за военные кредиты, профсоюзы в последующие годы чрезвычайно тревожно пеклись о судьбе государства и заключенных им военных займов, и не стеснялись вступать для этого в предательский союз с врагами и эксплуататорами народа. Закон об обязательной вспомогательной службе стал действительно-

стью. Вожаки партий стали вхожи ко двору. Начались назначения министров, «завоевание государства», управление народом, — а нужда шла все увеличиваясь. Военное поражение и революция 1918 г. мало что изменили в этом положении вещей.

В той же мере, в какой рабочее движение Германии развращалось «политикой», пло и духовное разложение в рядах рабочих, организованных в профессиональных союзах. До войны численность их достигала четырех миллионов; спустя два года после войны она доходила уже до двенадцати миллионов; но это была масса, объединенная одними только копеечными интересами.

За последние два года рабочим пришлось, однако, призадуматься. Все возрастающая нужда, постоянно заволаживая в тулуп партийные лозунги, несостоятельность партийных вожakov, отчасти и пропаганда со стороны нарастающих левых элементов рабочего движения — все это побудило многие тысячи рабочих выступить из профессиональных союзов.

Но и по выходе из них, рабочие эти, в подавляющем большинстве, ищут себе новых (и, опять-таки, политических) поводов. Наиболее губительную роль в этом отношении играет Немецкая Коммунистическая Партия (К. П.) — московского толка. Точка зрения ее на рабочие организации — чисто командная. Большинство лозунгов в событиях последнего времени даны были ею. Поскольку толчок дается Москвой, его сущность известна. Главным отличием немецкой Компартии от остальных является доведенный ею до изверства дух повиновения и дисциплины. В организационном отношении она развивает лихорадочную деятельность, группируя своих членов по десяткам, сотням, явкам и секциям.

Упомянем также и еще об одном отпрыске бывшей Соц.-Дем. Партии — о новой Коммунистической Рабочей Партии (К. А. П.), желающей подготовить мировую революцию без внушений со стороны Москвы. К этой партии, в качестве боевой и экономической организации, главным образом тяготеет Всеобщий Рабочий Союз, образовавшийся уже после окончания войны.

Ближайшими соседями слева этой последней группы являются рабочие анархисты. Но, — чем искреннее фронт участвующих в борьбе за освобождение человечества, тем он малочисленнее. Так и в данном случае: анархические рабочие группировки в Германии еще ничтожны.

Однако, не вся масса немецких рабочих, разочарованных в профессиональном и партийном реформизме, пошла по только что обрисованному пути — в лоно левых политических же партий. Многие профессиональные организации, вышедшие из прежних объединений, направились в сторону получивших давно уже особенно широкое распространение во Франции и в Италии федеративных революционных сплочений не-политического характера. Мы говорим о так-называемом Вольном Рабочем Союзе Германии (F. A. U. D.), образовавшемся

еще в 1890 г., примкнувшем к принципам революционного синдикализма и принявшем с 1919 г. определенный анархический уклон. Систематически заматчиваемая в течение целых годов, организация эта приметно развернулась лишь в последующий после войны период, хотя и поныне составляет, по сравнению с рабочей массой, организованной в других направлениях, количественно незначительную группу.

Итак, новейшие достижения в области политической и экономической мысли, — как например, учение Кропоткина, — совершенно не вошли в поле зрения и интересов широкой немецкой рабочей массы и ее основных организаций. Если до союзов и доходили вести о появлении такого рода произведений, то они, правда, включали их в состав своих фундаментальных библиотек, но не полагали нужным подчеркнуть их основательному обсуждению. Рабочие Германии всё еще чувствуют себя как-то уютнее в положении управляемых.

В организациях, воспитавшихся на марксизме, по-прежнему явления нас удивить, конечно, не могут: проникнутые марксистским духом профессиональные союзы и партии представляют собою плоть от плоти капиталистической системы хозяйства, теснейшим образом связаны с ней и вместе с ней падут. Характерным подтверждением этого может послужить то обстоятельство, что именно республикански-социал-демократическое правительство приступило к прямому взиманию налогов, непосредственно вычитаемых из заработной платы. Эксплуатируемые рабы труда вносят государству 90% общей суммы прямых налогов!... И они не задумываются над этим, так-как государство и общество всё еще продолжают представляться им одним и тем же. Поэтому-то нам, анархистам, предстоит еще совершить огромную работу, чтобы вырвать массу германских рабочих из этого заколдованного круга.

Как же обстоит дело с левыми группами рабочего движения, выявляющими в своем строении и организации иной лик? В состоянии ли они выполнить все те огромные требования, которые предъявляет к ним настоящий момент?

Группы эти, в продолжение недавнего движения, «официально» заняли до ужаса пассивную позицию. Возможно, конечно, что отдельные члены принимали активное участие в событиях, но в таком случае они сделали чрезвычайно мало для того, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки и направить его вперед. В некоторых — очень немногих — предпринятиях удалось провести занятия их рабочими; подумывали даже о том, чтобы взять на себя ведение производства. Но эти, совершенно изолированные, случаи, в общем, не имели никакого значения и вызвали лишь суровую критику.

В силу своей более или менее ясно выраженной анархической точки зрения, немецкие синдикалисты должны были, казалось-бы, выработать более определенные, соответствующие современным требованиям жизни, общие

пути и методы борьбы и явственное выдвигать их на первый план. Задержка в росте числа членов, нередко сопровождаемая неустойчивостью и колебаниями, объяснялась ими в большинстве случаев так: «Мы, мол, могли бы иметь большое количество членов, но нам важнее качество их: оно имеет для нас решающее значение». По сравнению с практикой прочих организаций, подобный аргумент представляется вполне убедительным; спрашивается только, почему, всё же, не стремиться к возможному расширению рамок движения без ущерба указанному принципу? Ведь это же, несомненно, возможно. В противном случае, когда же и как движение расширится?... Или ему и не надо расширяться?... Но в таком случае оно всегда будет ничтожным и пассивным... Из этого — тоже заколдованного — круга надо найти выход, и возможно скорее. Мне лично думается, что цитированное выше объяснение — далеко недостаточно. Основная причина заключается, по-моему, в том, что и в этих группах нынче еще чересчур придерживаются традиционных методов рабочего движения. Методы эти порождают бюрократизм верхов, с одной стороны, и чрезмерную пассивность рядовых членов, с другой; а в итоге — отсутствие энергично распространяющегося наружу движения. Не приходится, поэтому, удивляться, когда при всяких политических происшествиях широкая масса умственно малоподвижных рабочих оказывается в грушковой в руках демагогов.

Такова, в общем, нынешняя революционная обстановка в Германии.

Дает ли она место оптимистическим надеждам?

Революционные эпохи богаты неожиданностями. С другой стороны, развитие событий и умов идет в такие эпохи с ускоренной быстротой. Это — единственные шансы, на которые мы можем рассчитывать. К ним, конечно, необходимо добавить нашу усиленную деятельность, освещенную новым духом и более широким размахом.

О некоторых шагах в этом направлении — до другого раза.

Р. В.

Голодный бунт

Недавно имевшее место в Германии — названное голодом — брожение, начавшееся 10-го августа и в течение нескольких дней угнавшее буржуазно, которая опасалась, что оно выльется в обширное революционное движение, и что, в результате, изголодавшийся и угнетенный народ разорвет мертвую петлю, накиннутую ему на шею, — выявило подлинный лик нынешней Германии.

Еще до того было известно, что в стране недостает продовольствия. Но что в ней воцарился настоящий голод с сопутствующим ему бичем страшных заболеваний, — это хотя и знали, но этому плохо верили, и не только за границей, но и в самой Германии, где господствует невероятнейший контраст между

нагло выпирающей наружу роскошью одних и черной безысходной нуждой других. В самой Германии приходилось слышать передко, что жалобы рабочих несколько преувеличены, и что жизнь трудящихся вовсе не так ужасна, как ее живописуют «крамольники». Такие утверждения раздавались несмотря на то, что «официальные» статистические данные вполне явственно указывали на картину поистине грозных бедствий, на которых мы в дальнейшем остановимся подробнее. Если же признавалось наличие глубокой нужды, то об истинных причинах, ее вызвавших, старались умалчать; и когда она стала уносить больше человеческих жертв, чем когда-либо, то вину стали сваливать... на французов.

Статистические данные, составленные по отдельным городам, дают одну и ту же картину, совпадающую вплоть до процентных отношений, для всех частей Германии. Данные эти хотя и устарели несколько, так как относятся почти все к 1922 году, но их холодный и беспристрастный язык немолжно рисует искаженный облик нынешней Германии, с тех пор еще более обезображенный.

Вот что говорят некоторые из этих сводок и таблиц. — В Плауэне школьным врачом установлено, что одна треть учеников уже в течение нескольких лет не носит сорочек, за исключением белья. В Дортмунде из общего числа в 50.000 детей 10% страдают рахитом. При приеме в начальные училища врачевым надзором в Оснабрюке отмечен факт, что рост подлежащих приему (6-летних) детей понизился сравнительно с 1914 годом на 1½—2 сантиметра, а средний вес также уменьшился на 1½ килограмма. В Трире средний вес к 1922 году равнялся 20 кг.; в течение этого года он понизился до 18 кг., а у девочек до 16,7 кг. В некоторых местностях отдельные школьники весили от 14 до 15 кг. Со своей стороны Департамент Гигиены сообщает, что 31% юношей, окончивших весной 1922 года школьный курс и желавших начать изучение мастерства, принуждены были отказаться от избранной ими отрасли труда, так как оказались затронутыми или угрожаемыми туберкулезом. В баварском городке Ансбахе из 104 детей школьного возраста, подвергнутых медицинскому осмотру, только четырнадцать оказались вполне здоровыми и нормально развитыми; из девочек ни одна не удовлетворяла врачебным требованиям. Из достоверных же источников известно, что в 43 городах Германии насчитывается 200.633 детей, больных туберкулезом, и 835.873 с пониженным питанием и угрожаемых тою же болезнью, что дает ужасающий итог в 1.036.506 детей с затронутыми легкими. В самой столице число детей, страдающих от недостатка питания, доходило до 80% всего детского населения, причем большая половина их больна туберкулезом. В больших городах Германии на 5 душ населения приходится один больной туберкулезом, из десяти один страдает венерическими болезнями, и из 14 детей одно рождается зараженным сифилисом.

В довершение картины этих язв, раз'едающих германский народ, «Берлинер Тагеблат» (бурж. орг.) помещает в номере от 26-го июля 1923 г. данные, взятые из статистических сводок берлинской полиции. Оказывается, что в течение одного лишь июня месяца число арестованных (за выгетом лиц, задержанных за политические выступления) доходило до 14.979 мужчин и 2583 женщин, причем в 226 случаях дело шло о нанесении ран, в 5 — об убийстве, в 10 — о грабеже, в 19 — о нападении, в 211 — о подделке денег, в 2702 — о воровстве. Что же касается самоубийств, то за 1922 год их в Берлине произошло 1200, т.е. несколько менее 4-х случаев в день. За тот же июнь месяц настоящего года их насчитано 151 или, в среднем, пять в один день. — И этим бедствиям конца-краю не видать... Никто не думает даже о том, чтобы смягчить их и принести какое либо облегчение. Так будет, по видимому, до тех пор, пока доведенный до отчаяния и раз'яренный народ не высыпет бушевать на улицу.

Так и было в истекшем месяце. И вот, когда доведенные до отчаяния массы вышли на улицу и по всей германской республике разлился страх перед возможными последствиями голода, — тогда даже наиболее реакционные элементы, затопившие лишь о собственном спокойном существовании, стали задумываться о том, какими способами утишить надвигающуюся угрозу. Но как только наступило некоторое успокоение и исчез пугающий призраок, — все меры, предлагавшиеся под влиянием страха, были немедленно забыты, и всё возвратилось к прежнему положению. По прошествии пяти или шести тревожных дней, в течение которых приостановившие работу массы высыпали протестовать из мастерских и заводов на площадь, вся Германия возвратилась к прежнему ритму жизни и укладу.

В настоящий момент экономический кризис пожалуй сильнее, чем он был в момент августовских волнений. Но поднявшиеся тогда массы пришли в брожение исключительно под влиянием хлебного голода. Они, в сущности, не предъявляли никаких требований, кроме подвоза предметов продовольствия, и при первых же обещаниях наладить снабжение легко дали себя успокоить и уговорить вновь приняться за работу. Правда, в первые дни забастовки не мало говорено было о «рабоче-крестьянском правительстве». Лозунг этот выдвигался довольно часто в качестве единственного средства разрешить все затруднения и удовлетворить всем требованиям трудящихся. Но что представляло собою предлагаемое «рабоче-крестьянское правительство»? Даже среди коммунистов, посягающих на звание единных вожаков широкого народного движения, никто не мог сказать (и вероятно и не знал) в точности, что и как можно и должно было делать.

Лозунг «рабоче-крестьянского правительства» был ничто иное, как призрак, и провозглашался он исключительно в политических интересах коммунистических партий Германии и России. По этому поводу любезно отметить весьма примечательную дискуссию, опу-

бликованную «Роте Фане» (орг. К. П.) в конце июля и начале августа, и происходившую между «лояльными противниками»: Радеком и Фредихом с одной стороны, и фашистами графом Эрнстом Ревентловым и Меллер ван-ден-Бруком с другой. Дебаты эти обнаружили с полной ясностью, что оба течения смело могут выступать об-руку одно с другим, ибо во многом не только соприкасаются, но даже вполне родственны между собою.

Было ясно с самого начала волнений, что коммунисты отнюдь не желают наступления революции в Германии. Они это не раз заявляли, и Радек открыто писал об этом на страницах «Роте Фане». Но массы, не желающие на пустой желудок ничего знать о политике, увлекли за собою так-называемых вожаков, которые, к слову сказать, обнаружили при этом всю свою неспособность и никчемность.

*
*
*

В течение всех предшествовавших месяцев экономический кризис непрерывно усиливался по всей Германии, и то там то сям постоянно возникали волнения и бунты. Во всех почти городах происходили кровавые восстания, и положение все ухудшалось. Товары становились не только всё дороже, достигая невероятных цен, но их было всё труднее достать, что значительно хуже.

В Берлине, где общее положение было чрезвычайно серьезным еще в конце июля, оно в начале августа стало угрожающим; дальше идти было некуда.

9-го августа печатники объявили генеральную забастовку и немедленно приступили к проведению ее, требуя оплаты труда в золотом исчислении, что иными словами соответствовало повышению их недельной заработка с 2½ миллионов до сорока приблизительно. Забастовали все печатники, включая газетных наборщиков и рабочих в государственной типографии. В Берлине выходили только «Роте Фане» (К. П.) и «Форвертс» (С.-Д.).

Эта стачка послужила как бы сигналом для начала общего движения. Она внесла глубочайшую тревогу в среду всех остальных рабочих, которые, видя решительные требования, предъявляемые печатниками, также пришли в волнение и пожелали добиваться повышения заработка.

Стачка печатников поставила правительство в крайне затруднительное положение, так-как из-за прекращения работы в государственной типографии, изготавливающей денежные знаки, оно не могло справиться с платежами. Из-за недостатка разменных денег банкам также пришлось временно закрыться. Правительство немедленно обнаружило готовность пойти навстречу требованиям печатников и удовлетворить главные из них, лишь бы работа в типографиях была возобновлена.

Тем временем социал-демократия успела мобилизовать все свои силы, стараясь по возможности воспользоваться для своих целей распутием волнением в рабочей среде. Числа

10—11-го, когда казалось, что с печатниками вскоре будет достигнуто соглашение, многие металлургические предприятия в Берлине присоединились к забастовке, несмотря на то, что в некоторых из них рабочим были выданы вперед суммы в размере нескольких миллионов марок на каждого, и что в других раздавали по фунту маргарина. Утром 11-го числа в одном из обширнейших помещений города состоялось собрание заводских комитетов для обсуждения положения и тех мер, которые надлежало принять для борьбы с обострившимся каждую минуту кризисом. Ожидалось, что собрание это вынесет постановление о начале общего выступления и объявит трехдневную всеобщую забастовку (с 11-го числа по полдень 14-го), покада новое собрание фабрично-заводских комитетов не выработает плана дальнейших действий.

Из общего числа в 32 тысячи комитетов Берлина двадцать тысяч их приняли решение требовать:

Ухода кабинета Куно и установления рабоче-крестьянского правительства.

Минимальной заработной платы в 60 пфенигов золотом в час.

Отмены запрещения образовывать рабочую милицию.

Освобождения политических заключенных и отмены запрещения устраивать публичные демонстрации.

Однако желания большинства трудящихся не ограничивались «началом», выражавшимся в вышеуказанных резолюциях; рабочие подумывали о возникновении обширного движения, которое захватило бы на большую глубину истинные причины настоящего трагического положения и действительно породило бы нечто новое и лучшее, дающее возможность лучшего существования для рабочих масс.

Всеобщая забастовка немедленно началась по всему Берлину и быстро распространилась также и в остальной Германии.

В больших городах она охватила все отрасли труда за исключением, однако, железных дорог, почты, телеграфа и телефона. Но Всеобщий Союз Профессиональных Союзов («Альгемейнер Дейтшер Геверкшафтсбунд»), находящийся в руках социал-демократии, и социал-демократическая партия как таковая высказались против всеобщей забастовки, находя ее «опасной и вредной для Республики». В «Форвертс» от 11-го августа напечатано было крупными буквами воззвание: «К рабочим, в защиту республики от Радека и Ревентлова». Впрочем, в последний момент парламентская группа социал-демократов выразила недоверие кабинету Куно, который она еще за несколько часов до того всячески защищала и поддерживала. Несмотря на оппозицию социал-демократических главарей, стачка всё же распылилась. Могло казаться, что она приведет к значительным результатам.

12-го числа с утра распространились слухи о том, что кабинет Куно вышел в отставку, что образуется коалиционное министерство с Штресеманом во главе, и что в нем примут участие социал-демократы. В течение утра и

всего дня 12-го числа в Берлине состоялось бесчисленное множество созванных коммунистами заседаний и собраний; но железнодорожники и служащие почты и телеграфа продолжали работать, и стало известно, что и печатники намерены с утра 13-го вновь стать на работу. Тем временем, на столбах появились стеньговые извещения о том, что 13-го и 14-го в Берлин будут подвезены жиры и другие продовольственные грузы, что внесло значительное успокоение в настроение масс.

Если в Берлине забастовка протекала вполне мирно, то из провинции доходили вести о кровавых стычках толпы с полицией: так, столкновения имели место в Ганновере, Неме, Гамбурге, Штеттине и т. д. Однако, днем 13-го числа социал-демократы и Совет Профессиональных Союзов стали распространять листки с извещением о том, что всеобщая забастовка не удалась, и что работа немедленно возобновляется.

14-го числа должно было быть принято окончательное решение, расширять ли движение и придать ли ему действительно революционный характер, или же удовлетвориться крохами, которые удалось получить.

Массы хотя и начинали уставать, но не хотели отказаться от борьбы, и многочисленные группы забастовщиков принялись останавливать вагоны трамвая, возобновившего движение по городу.

На 10 часов утра было назначено новое собрание уполномоченных фабрично-заводских комитетов, но помещения оказались занятыми

полицией, и лишь после резких протестов и со значительным опозданием оказалось возможным приступить к заседанию.

После двухчасовых прений собрание фабрично-заводских комитетов постановило немедленно возобновить работу «ввиду того, что в общем забастовочное движение привело к удовлетворительным результатам». И, действительно, правительство распустило воззвание «К населению Берлина», оповещавшее о том, что к 15-му августа в город будет доставлено 500.000 фунтов жиров, и что в конце месяца будет выпущено в обращение еще полтора с половиной миллиарда марок. Так закончилось это «восстание» германского народа, на первых порах давшее повод думать, что народ близок к пробуждению.

• • •

Теперь, после всего происшедшего, видно, что экономический кризис и нужда не только не ослабевают, а, наоборот, все возрастают. Для облегчения же положения не делается и даже не предполагается ничего делать, если не считать того обстоятельства, что пускается в обращение изрядное количество старых тысячекмарковых билетов, новый штампель на которых возмещает о новоприобретенном ими достоинстве в один, три и пять миллионов марок.

Но если и удалось на этот раз убавить изголодавшийся народ и успокоить его, выбросивши ему жалкие крохи, то вторично это едва ли удастся, и по всем видимостям день этого вторичного движения близится.

Ф.

ВО ФРАНЦИИ

12-го и 13-го августа с. г. в Лефаврском зале Дома Синдикатов в Париже состоялся конгресс Анархистского Союза Франции, при участии следующих групп: Сен-Дени, 20-го округа (гор. Парижа), Ланьи, группы «Фруктидор», федераций департаментов Севера и Па-де-Кале, федерации Соммы и Уазы, Юго-Восточной федерации, «Ревиль-Либертар», групп Ливри, Мери, Лиона, Амьена, Бовэ, Лиможа, Нарбонны, Гавра, Дранси, Анархистской Молодежи, групп 13-го, 17-го, 18-го и 19-го парижских округов, групп Пюто, Каррьер, Пре-рижских округов, групп Пюто, Каррьер, Пре-рижских округов, групп Пюто, Каррьер, Пре-рижских округов, групп Пюто, Каррьер, Пре-рижских округов, групп Пюто, Каррьер, Пре-рижских округов. Кроме того присутствовали делегаты: по одному от испанских, итальянских и русских товарищей.

Предмет обсуждения составлял исключительно вопрос о преобразовании еженедельного «Либертар» в ежедневный орган. Жюль Бастьен сделал доклад о необходимости для Анархистского Союза ежедневной газеты. Фистер явился почти единственным представителем противоположного взгляда, доказывая, что во Франции су-

ществование ежедневного анархистского органа бесполезно и невозможно. Леон Луи представил подсчет необходимых для подобного издания сумм, учитывая как издержки, так и доходы. В дискуссии по этому поводу приняли участие Перье (из Лилля), Кастэ, Ферандель, Пейру (из Лиможа), Лекуан, Бастьен, Коломер, Фистер, Фор, Шазов. Коломер сделал сообщение относительно общего направления газеты. Конгресс высказался за преобразование в течение ближайшего времени «Либертар»а в ежедневную газету. В состав редакции избраны: Жан Гали, Люсьен Леотэ, Луи Лекуан, Пьер Муальдес, Андре Летурьер, Бастьен. Секретарь редакции — А. Коломер.

Вопрос о подписке на необходимые для издания 150.000 франков был разрешен в положительном смысле с большим воодушевлением. По произведенным расчетам, суммы этой будет достаточно для покрытия издержек по изданию ежедневного органа.

Вся энергия французских товарищей направлена к осуществлению принятых конгрессом резолюций.

С.

В ИСПАНИИ

Испания продолжает стонать под правительственным гнетом. Редки были времена, — включая сюда даже известную Барселонскую «красную неделю» (в 1909 году), пытки над мятежниками в Херес-де-ля-Фронтера, процесс Камбиос Нуэво и пресловутые истязания в застенках Монтжуиха, — редки были времена, когда современная инквизиция проявлялась бы с такой свирепой жестокостью, как сейчас. Одно время правительственная реакция как будто смягчилась, — быть-может под влиянием общественного мнения, или потому, что правительство полагало, что справилось со «смутой». Но начиная с 1918-го года гонения всё усиливаются, и не проходит почти дня, чтобы кто-либо из наших товарищей не пал жертвой жандармов или иных наемников капиталистических организаций. Конечно, анархистское движение в долгу не оставалось, отвечая на преследования политическими убийствами, по принципу «жизнь за жизнь», и устраивая массовые забастовки. Однако, серьезные революционных действий не происходило, если не считать убийства четырех губернаторов, одного начальника полиции (в Барселоне), одного премьер-министра и нескольких сотен капиталистов, известных своей реакционностью. Вот и всё. Как бы веско ни было подчас значение этих фактов, всё же они не могли уравновесить потерь, которые понесло наше движение.

За последнее время в Испании наметилось сильное движение против марокской войны; в Севилье, Малаге и других городах имели даже место восстания в войсках. Один из приговоренных к смерти — солдат, осужденный за мятеж — был помилован в тот самый день, когда приговор должен был быть приведен в исполнение; помилование было вызвано, по всей вероятности, опасением перед возможными непосредственными последствиями казни: за несколько времени до того в Корунье и других центрах анархистской агитации произошли забастовки протеста, приведшие к вооруженным столкновениям с жандармерией.

Варварская система управления испанского правительства оказалась столь же бессильной водворить спокойствие в стране, как и завоевать Марокко, где жители недавно нанесли новое поражение регулярным войскам. Пользуясь брожением умов, военная партия решила овладеть браздами правления, выставив в своей программе два основных пункта: войну против революционных элементов внутри страны и войну против марокканцев. Генерал При-

мо-де-Ривера, преемник пресловутого барселонского губернатора Мартинес-Авидо, провозгласил военное восстание; он сместил правительство и объявил диктатуру директории, состоящей из военачальников, которые особенно прославились враждебными действиями против трудящегося народа.

С момента перехода власти к представителям милитаризма наши издания были закрыты, всё наше движение было объявлено вне закона, и убийства наиболее выдающихся из наших товарищей продолжают в больших размерах, чем когда-либо. Строжайшая цензура не пропускает через границу никаких известий о происходящем внутри страны; поэтому нам неизвестны подробности новой трагедии, начавшейся в Испании, или вернее новые подробности старой трагедии, вступившей ныне в особо острый фазис. Предполагать приходится всё самое ужасное. Испанская военная диктатура приходится сродни диктатуре итальянского фашизма; обе же они имеют свои корни в Москве: в сущности — и тут, и там празднует победу ленинская идеология.

Испания — страна парадоксов: в свое время генералы здесь жаловались на то, что правительство поручило управление марокскими делами лицам гражданского звания; вероятно именно потому они теперь поспешили занять места, полагающиеся штатским. Примо-де-Ривера распустил парламент и, подобно Ленину, стал издеваться над «мелкобуржуазными предразсудками насчет свободы». Он требует всего 90 дней для того, чтобы умиротворить Испанию и провести свою программу, а также «освободить» страну от анархизма. Доблестный генерал, умеющий убивать жителей Марокко и барселонских забастовщиков, не ведает того, что военное искусство бессильно в борьбе с идеями.

И в такой-то момент должен начаться разбор дела товарищей, обвиняемых в убийстве премьер-министра Эдуардо Дато... Одно только международное вмешательство в силах было бы изменить политику убийц — испанских диктаторов.

Последние известия. — Безважные из Испании лица сообщают о происходящих почти повсеместно кровавых столкновениях. Во многих городах рабочими объявлена всеобщая забастовка и оказывается энергичное сопротивление военной диктатуре. Льется кровь. Газеты вынуждены молчать о происходящем. Окончательный исход борьбы еще далеко не ясен.

Д. С.

В БОЛГАРИИ

«Единый фронт» в Болгарии

Вопрос о «едином фронте» стал в Болгарии вопросом дня. Вся коммунистическая, социал-демократическая, анархическая и даже буржуазная печать занимается теперь этим вопро-

сом. В то время как одни выдвинули этот вопрос с искренним желанием его скорейшего осуществления и готовностью к некоторым компромиссам, другие извратили, исказили са-

мый смысл его и сделали его предметом спекуляции в целях укрепления своих партийных позиций.

Появление этого вопроса вызвано многими причинами. И старая кровавая разнузданность «дружбашкой» реакции, и та же разнузданность со стороны реакции новой, «законной», и всеобщий поход против рабочих завоеваний, и организация фашистских банд, и создание буржуазного «сговора», и почти полное бессилие разрозненных партийной междоусобицей рабочих, и, вследствие этого, лишь большее глумление со стороны сегодняшних господ положения, — всё это выдвинуло острую необходимость найти способы объединения всех способных к возмущению и самозащите тружеников.

Если не считать отдельных истеричных декламаций на тему о «едином фронте» со стороны коммунистов, которые почему-то понимают его, как подчинение всех и вся их партийному руководству, то первым, которые поставили в этом смысле вопрос на практическую ногу, надо считать анархистов из группы «Тревога». Последние еще в первых числах мая, т.-е. еще при старой «дружбашкой» власти, по причине начавшей наступать (после Ямбольских и др. событий) реакции, обратились к коммунистам с призывом оставить политику «прививания рабочим политиканства и ненависти, вместо классовой солидарности и взаимопомощи», и указали на необходимость «быстрого и решительного действия со стороны всех революционеров, независимо от их организационной принадлежности». Тогда коммунисты ответили, что партия их «не оттолкнет тех анархистов, которые в качестве дисциплинированных борцов станут под знамя коммунист. партии...»

Вторым предложением организовать общий революционный фронт — уже после переворота (12-го июля) — было решение конференции Юго-Западного Союза *) Анарх.-Коммунистов о необходимости перед лицом «общей опасности найти точки соприкосновения для совместной (с коммунистами) борьбы». На этот раз коммунистические «верхи» не сочли даже нужным ответить, явно показывая свое пренебрежение к каким-то анархистам, которые-де не имеют, даже, чести быть «вождями» и не представляют собой «огромного количества». Ответил, однако, и даже повел обширную полемику орган коммунист. молодежи «Младец» в лице своего редактора — известного в Болгарии «анархоеда» — Павлова. Последний в факте предложения анархистами «единого фронта» усмотрел банкротство анархизма и широко раскритиковал коммунист. партию для всех желающих пойти под ее руководство... В то же время Ц. К. коммунистов, почувствовав себя лишним к стене наступающим не в шутку фашизмом, обратился с предложением «единого фронта» к «широким» социалистам

(социал-демократам), «земледельцам» и... радикалам! Во что обратился в их мнению «единый фронт», явствует из этого факта. В болгарских условиях искать сотрудничества указанных партий (из которых социал-демократы с головой потонули в измене, предательстве и реформистской рутине, «земледельцы» принесли с собой только кровь, пинизм, разврат и реакцию, а радикалы являлись чисто-буржуазной партией), в лучшем случае, означало только превращение самого вопроса в смешной и глупый фарс.

И тут-то, убедившись в совершенной невозможности добиться реального разрешения этого большого вопроса через «чекистов» и лидеров, Юго-Западный Союз Анарх.-Коммунистов, — тот самый, который незадолго до того первый этот вопрос выдвинул, — обратился ко всем революционным рабочим и крестьянам с воззванием, в котором, констатируя безуспешность всех попыток со стороны анархистов образовать действительный «единый фронт» революции, призывает их сплотиться и объединиться во имя классовой солидарности и общей борьбы, ибо «только в солидарности и в прямом и решительном действии — спасение».

Интересно, однако, отношение приглашенных коммунистами к «единому фронту».

«Широкие» социалисты, с одной стороны возмущались, так-как де, коммунисты, придя к ним на поклонение, тем самым признались в ложности своих прежних путей и методов, а с другой стороны вознегодовали против самого принципа революционного фронта, грозившего, по их мнению, уничтожить все рабочие завоевания (?), которые-де они, социал-демократы, с такой отеческой заботливостью, бескорыстием и самопожертвованием охраняют от посягательств многочисленных врагов пролетариата... Довольно ясно высказался в этом смысле в одной из своих последних речей министр - «социалист» Казасов. «Единый фронт», — сказал он, — между социал-демократами, коммунистами и «земледельцами» представлял бы в своей реализации несокрушимую силу, но... мы этого не допустим, ибо это привело бы к полному крушению страны, это принесло бы всеуничтожение... Таким образом болгарские социал-демократы, свежие преступления которых во время и после переворота еще памяты болгарскому народу *), лишний раз заявили, что предпочитают всеуничтожение буржуазной реакции всеуничтожению народной революции.

«Земледельцы», находясь сейчас в положении преследуемых, не могут, конечно, отказаться от такого хорошего случая... Они, без сомнения, от этой чести не откажутся... ибо, почувствовав всю сладость власти во время своего недавнего господства, они теперь готовы побораться хоть с чертом, лишь бы заполучить обратно власть. «Единый фронт» между ними и коммунистами возможен, если толь-

*) Болгар. Федерация Анарх.-Коммунистов состоит из 4-х областных союзов.

*) «Широкие» принимали активное участие в перевороте расстреливали восставших в некоторых местах крестьян и рабочих и теперь еще помогают буржуазии во всех ее «мероприятиях» против последних.

ко они сумеют «говориться на счет дележки будущих комиссарских постов. Можно себе представить, какой блестящий сюрприз получат голодные и поработанные труженики Болгарии из взаимно-любимого «дележки» между опричниками Троцкого и Стамболийского...

Совсем по другому решили радикалы. Чтобы и впредь никакие там партии или организации не осмеливались компрометировать их подобными предложениями, они поспешили занять свои позиции в «едином фронте»... с буржуазией, т. е., решили «слиться» с возникшим, в последнее время, в Болгарии «народным сговором», назначение которого определяется защитой классовых интересов буржуазии и наилучшим использованием правительственной власти в ее пользу.

«Единый фронт» как-будто рухнул. Ни «радикалы», ни «социалисты» не соблазнились перспективами революции и решили посвятить все свои силы на борьбу с последней!

Между «широкими» и «коммунистами» ожесточенная полемика продолжается и теперь.

Где же выход из этого болота?

Он указан теми рабочими-анархистами, которые, в полном сознании своей ответственности перед наступающими событиями, первыми позвали на прямую и решительную борьбу с кровавым насилием всех трудящихся, независимо от их политических убеждений. И как отрадное явление, следует отметить то, что в низах настроение совсем другое, чем в верхах. Вот что сообщают об одной, состоявшейся недавно, сходке анархистов, коммунистов и друг. революционных рабочих и молодежи, собравшихся в числе около 100 человек для обсуждения насущных вопросов дня: «Констатируя невыносимую реакцию, усиливающуюся и объединяющуюся в «сговоры» с целью смазать всё революционное, мы решили начать усиленную агитацию за создание единого фронта снизу, между всем трудовым народом рабочих и крестьян». Не менее значительным и отрадным фактом является и то обстоятельство, что в анархическом еженедельнике «Раб. Мысль» часто стали появляться письма рядовых коммунистов*), указывающих на гибельность политики компартии. Один из них пишет: «коммунистическая партия часто протестует и предупреждает и этим удовлетворяется. Она не действует». Указывая, затем, что это является основной тактикой ком. партии, он апеллирует ко всем революционным рабочим и крестьянам: «Приготовьтесь всеми средствами к последнему и решительному бою и, прежде всего, готовьтесь сами взять в свои руки инициативу великой борьбы. Враг не столько силен, сколько хочет казаться сильным: дикий террор его над пролетариатом и крестьянством есть вернейший признак его слабости». — Другой утверждает, что коммунистическая партия

«не имеет ни революционных слов, ни революционных дел»; укоряя Ц. К. партии в неспособности вести массы на борьбу, а также в том, что, по делу о плевенских осужденных**), Ц. К. вместо того, чтобы «призывать массы на штурм против крепостей капитала», просит собрать денежную гарантию за арестованных, — коммунист этот заявляет, что «за такую-то революцию с медяшками революционные рабочие будут расплачиваться кровью». А третий, останавливаясь на роли рядовых членов в партии, говорит: «В том, что мы до сих пор еще не перешли от банально-глупых протестов через резолюции в газетах и пр. к возлагаемым на нас моментом делам, не Ц. К., а мы, рабочие этой партии, виновны». По его мнению, поэтому, долг всех сознательных сыновей трудового народа пойти к рабочим и крестьянским массам с лозунгом: «Довольно праздных, глупых, смешных, показывающих бессилие, протестов! На силу да ответим двойной силой!...»

Приведенные выдержки достаточно характеризуют отношение низов к «цекистской» рутине.

Болгария теперь — вулкан, и далеко не потухший. В массах накипает возмущение и негодование. Чувствуется, что вот-вот тронется огненная лава и залетит собой все гнилое и отжившее, все, что мешает и снит. Гнев восставшего народа сумеет справиться со всеми врагами, если только он «во-время» не будет усмирен усердиями «осторожных» руководителей.

Болгарским трудящимся предстоит теперь решить вопрос: «Куда и как?» Или они пойдут по старой, протеренной дорожке жалкого реформизма, «постепенщины» и мелкого политического крохоборства и покорно склонят свои головы под кровавым кнутом капитала, — или они бросят всяких партийных лидеров, смело и решительно поднимут знамя восстания и пойдут добывать себе «Хлеб и Свободу».

Недалеко будущее покажет нам, какой путь они избрали.

Болгария, 14-го сентября 1923 г.

Г. С.

Р. С. — У нас — в южной Болгарии — сейчас несутся слухи о каких-то серьезных волнениях на севере и о стычках революционеров с правительственными войсками. Но точных сведений еще нет. — Положение здесь полудовоенное. Ожидаются крупные и серьезные события.

От ред. — По последним сведениям, орган болгарских анархистов-коммунистов «Рабочника мысль» закрыт правительством.

*) Коммунистич. газеты никогда бы этих писем не напечатали.

**) 4 ч. — на смерть, 78 ч. — на долгие сроки заключения.

В ИТАЛИИ

События, имевшие место в течение последних месяцев в жизни профессиональных союзов Италии, вряд ли покажутся удивительными, если принять в соображение, что они являются логическим завершением политики, принятой заправщиками Всеобщей Конфедерации Труда в отношении революционного движения итальянского пролетариата за все годы, протекшие со времени окончания войны. Нынешние события достойно венчают всю деятельность этих господ, представляя собою, в то же время, результат контр-революционных усилий фашистских верхов. В таком сопоставлении нет ничего странного, если вспомнить, что указанные круги не проявили ни малейшей инициативы в отношении борьбы против фашистской опасности сначала, против фашистского правительства впоследствии. Ведь, если фашизму и удалось восторжествовать и задуть проблемы революционного движения, то это произошло в значительной степени благодаря молчаливому попустительству, чтобы не сказать содействию, дюжины лиц, сосредоточивших в своих руках всю власть этого обширного профессионального объединения и пользующихся ею для своих целей и по своему усмотрению.

Сотрудничество, скрытое в тот период, когда фашизм не достиг еще полноты власти, не могло не выявиться открыто, как только он овладел браздами правления и пришло время подумать о «дележе добычи». Для того, чтобы прочно удержать за собою власть и найти для нея сколько-нибудь стойкую основу, фашистскому правительству необходимо добиться такого положения вещей, при котором если не массы, то по меньшей мере вожаки их были бы в его руках и не допускали бы среди организованных масс враждебного или даже неблагоприятного правительству движения.

И, действительно, вскоре после бесконечной речи, полной недомолвок и оговорок, произнесенной Муссолини в парламенте 15-го июля, — речи, в которой он высказывался по поводу необходимости «вступить в тесное и искреннее сотрудничество с широкими рабочими массами, сплоченными в союзы», — фашисты стали делать попытки сближения, и притом весьма успешные, с заправщиками Всеобщей Конфедерации Труда. Известное собеседование Муссолини с Дарагона, Буонци, Габрини, Ацимонти и Коломбини *) состоялось 24-го июля и продолжалось чуть ли не полтора часа. Плоды этого собеседования оказались, как и следовало ожидать, «весьма удовлетворительными», — до такой степени, что побудили одного из видных деятелей рабочих организаций, принимавшего участие в беседе, заявить следующее (цитируем по прекрасно освещенной газете, «Коррьере делла Серра», от 26-го июля): «Поход на Рим является фактом,

мимо которого пройти нельзя, и оппозиция наша, каковой она была, вызвана была тем, что мы хотели выждать, как определится окончательно политика правительства. Все наши дальнейшие решения зависят от намерений правительства, в особенности относительно свобод: свободы печати, свободы политической, свободы союзов и профессиональной».

Ясно, к чему клонится дело. И анархисты, как и все, кто предпочитают точные и отчетливые положения и не выносят втирания очков, должны были бы, в сущности, приветствовать подобные заявления, благодаря которым у трудящегося народа скоро раскроются глаза на то, из какого теста сделаны его «вожди» и якобы освободители...

Буржуазия осталась очень довольна результатами переговоров между фашистами и заправщиками Всеобщей Конфедерации Труда. Обсуждая пресловутое «собеседование», тот же «Коррьере делла Серра» в номере от 27-го июля пишет: «Обе стороны с удовлетворением отмечают в качестве важнейшего из достигнутых результатов то обстоятельство, что установлен — или, вернее, упрочен — контакт между правительством и рабочими организациями, разрыванный было со дня «похода на Рим». Факт этот имеет значение материальное, чрезвычайное важное для Конфедерации Труда, и значение моральное, столь же важное для правительства».

Как заявил Дарагона интервьюированному его журналисту, — «вся беседа носила характер величайшей сердечности. Как мы и ожидали, установились отношения как с лояльным противником».

Пока политики из парламента и «рабочего» движения занимаются предательством и устройством своих дел за счет трудящихся, анархистское движение и пропаганда мало-помалу усиливаются и расширяются. Сперва движение сосредоточилось в мятежной Сицилии, где горсточка товарищей, несмотря на то, что было разрушено всё, — и пресса, и организации, — сплотилась вокруг поверженного знамени и, окруженная со всех сторон врагами, все же продолжала оказывать сопротивление и не допускала окончательной победы фашизма. Потом движение перекинулось на полуостров, и анархическая пресса обогатилась, кроме издаваемого товарищем Паоло Скикки в Палермо газеты «Веспро Анархико», журналом «Конференциере Либертарио», выходящим в Риме, и газетой «Либеро Аккордо» (там же). На севере Италии, кроме того, нелегально печатается «Верита», безвозмездно распространяемая в широких массах.

Несомненно, предательство, совершенное заправщиками рабочих организаций, не пройдет ни безнаказанно. Даже среди социалистов реформистского толка раздаются энер-

*) Вожди Всеоб. Конф. Тр.

гичные протесты против сотрудничества вожаков Конфедерации Труда с правительством Муссолини, и один из виднейших представителей этого направления, Дзирардини, недавно заявил, что «подобного рода соблюдение является актом предательства по отношению к пролетариату.» Важно и существенно

именно то, что вытекает совершенно явственно из положения вещей и что в известном смысле нас удовлетворяет: а именно то, что сорваны маски с тех, кто саботировал итальянскую революцию 1920 года, и что рано или поздно они окажутся выкинутыми за борт всего рабочего движения.

Г. Т.

В АРГЕНТИНЕ

Атмосфера еще была насыщена негодованием, охватившим буквально всех при известии об убийстве Вилькенса; во всей стране товарищи оплакивали гибель этого крупнейшего революционера и задумывали освобождение тех, кто был взят во время столкновений с полицией, последовавших за взрывом протеста; всюду отмечалось трусливое и предательское поведение коммунистов и «чистых синдикалистов» (играющих в Аргентине по отношению к анархистскому движению ту же роль, что в других странах социал-демократы), — когда этим господам пришлось признать, что в среде их пышно процветала политическая полиция. Два субъекта, именовавших себя анархистами, но на деле выпрыгнутых из ФОРА и из наших пропагандистских кругов года два назад, когда предполагалось присоединение к Московскому Красному Интернационалу, проникли — один в секретари «Альянса Либертария Аргентина» (яко-бы анархистской организации), а другой в редакцию периодического органа «Эль Либертарио». После охватившего широкие круги движения протеста против убийства Вилькенса выяснилось с несомненной достоверностью, что оба состоят на жаловании у полиции. С их разоблачением окончательно рухнул всякий авторитет вожаков «оппозиции» против подлинного анархистского движения в Аргентине, представляемого ежедневной газетой «Ля-Протеста» и организацией ФОРА. Установлено, что злейшими врагами анархистской пропаганды в Аргентине являлись ренегаты анархизма — только-что разоблаченные в качестве полицейских агентов Хулио Амор и Давид Вальдес.

Для того, чтобы парализовать моральный перевес, который это разоблачение дало нашим товарищам, другие ренегаты анархизма — Гарсиа Томас, Ф. Гонзалес, А. Гонкальвес, А. Сильветти и др. — подделали письмо заведующего «Ля-Протеста» к одной крупной фирме в Буэнос-Айресе, бойкотироваемой рабочими. В этом письме от имени виднейших деятелей нашего движения делалось предложение позаботиться о снятии бойкота... за приличную сумму денег. Наши товарищи немедленно потребовали расследования этой истории и привлечения к ответственности за опубликование подложного документа. «Документ» был подвергнут экспертизе химиков и каллиграфов, конечно «подтвердивших» подлинность под-

писи... Однако, документ этот вскоре почему-то исчез, будучи, по словам ренегатов, выкраден из места, где был спрятан. Никто не поверил этому маневру: письмо было составлено так неумело и по-детски, что принять историю всерьез оказалось невозможным. Но ренегаты, тем не менее, достигли намеченной ими цели: отвлек до некоторой степени внимание от их позорного поведения в течение последних событий.

ФОРА созвала областное совещание делегатов и пригласила коммунистов и чистых синдикалистов явиться для объяснений по поводу опубликования и пропажи письма: нечего говорить, что никто из них не показался. —

Ежедневная анархистская газета «Ля-Протеста» привлечена к ответственности по двум делам, — в том числе по обвинению в пропаганде, связанной с движением протеста против убийства Вилькенса. —

В июле месяце выступил с фашистской программой Леопольдо Лугонес, бывший когда-то анархистом. Выступление это произвело сенсацию в газетном мире; но надо надеяться, что особого значения оно в дальнейшем иметь не будет, так-как наши товарищи сумеют парировать злостные нападки печати на наше движение по поводу этого случая. —

Рабочие северной Аргентины ведут ожесточенную борьбу против возмутительной эксплуатации, жертвой которой они являются, например, на сахарных заводах в Ледесма и Пуэбло Нуэво. Уже имело место убийство нескольких рабочих, и движение всё распространяется (по направлению к северу). Начинается новая трагедия, подобная той, которая разыгралась в 1920—1922 годах в Патагонии и стоила жизни полутора тысячам рабочих. —

Товарищ Г. Бадаракко, доблестный борец против милитаризма, продолжает томиться в тюрьме со времени убийства полковника Варелы. Главное обвинение, предъявляемое ему, состоит в том, что он был в дружбе с Вилькенсом. —

Комитет борьбы с правительственными притеснениями продолжает свою деятельность, устраивая митинги и разного рода еженедельные выступления. —

«Ля-Протеста» ведет интересный спор с товарищем Рокером (Берлин) по поводу нового Рабочего Интернационала, а в еженедельном приложении — с товарищами А. Шапиро и Луиджи Фабри по различным вопросам теории и тактики. —

Образовалась новая группа для международной пропаганды и агитации среди иммигрантов, ежедневно прибывающих в Аргентину тысячами из всех стран Европы. Поэтому просят все ан. организации, издающие листки и газеты (в различных странах), возможно шире распространять сведения о существовании и деятельности этой группы, а также по-

сылать ей свои издания. Адрес ей: Victor Marin, calle Agüero, 390, Buenos Aires. Rep. Argentina.

Д. С.

8-го августа скончался товарищ Т. Антили, редактор анархистского еженедельника «Ля-Анторча» («Факел»), один из старейших деятелей анархизма в Аргентине. Литературные работы его появлялись в многочисленных изданиях, в которых он принимал участие: «Ля-Протеста», «Ля-Баталья» («Бой»), «Ля-Овра» («Дело») и др.

В ЯПОНИИ

Революционное движение в Японии потеряло одного из своих мужественнейших защитников. В июле с. г. тов. Такао убит реакционерами.

В последнее время, вдохновленные успехами итальянского фашизма, реакционеры стали более активными и повели наступление против революционного движения. Особенно выдвинулась в этом отношении организация Кеэрин Гакумеи, созданная проф. Уесуги, известным империалистом, и Мотойуки Такабатаке, который был первым, выступившим в защиту большевизма в 1918 г. Цель этой организации — раздавить революционное движение, анархо-синдикалистское и анархо-коммунистическое, и установить фашистский режим. То обстоятельство, что во главе движения стоит Такабатаке, переводчик «Капитала» и бывший защитник диктатуры пролетариата, служит лишним доказательством характерного родства между фашизмом и большевизмом.

Кроме вышеупомянутой организации, имеется еще много других «защитников Японской Империи». Из них очень типична «Синикава Боши-дан» (противо-красное общество), в борьбе с которой и погиб наш тов. Такао, убитый выстрелом из-за угла — в отместку за ряд активных шагов в борьбе против организации Такабатаке.

Такао родился 30 лет тому назад в провинции Киушу. Воспитанный в империалистском духе, он впоследствии стал революционером. В 1919 г. он ознакомился с анархизмом, примкнул к движению и скоро выдвинулся, как активный пропагандист. В течение своей непродолжительной анархической деятельности он был три раза арестован.

Его смерть вызвала возмущение всего революционного пролетариата Японии. На похоронах в Токио 8-го июля его гроб провожали анархисты, рабочие союзы и даже коммунисты.

• •

Кумнаи Домен (Союз Труд-Юнионов) находится сейчас в периоде реорганизации. До недавнего времени его состав был чрезвычайно смешанный. В 1921 г. от него откололась Нипон Родо Содомел (Японская Федерация Труда), заявив, что союз — гнездо анархо-синдикалистов. С того времени союз становится организацией революционных рабочих Японии. В сентябре с. г. решено было союз реорганизовать на новых, чисто-федералистских началах.

Теперь в его состав входят две крупных федерации: металлистов и типографских рабочих. Федерации функционируют очень успешно.

Благодаря бюрократизму и реакционной тактике, Нипон Родо Содомел (Я. Ф. Т.) потеряла большую часть своих членов. Ряд союзов покинули федерацию.

Мы же, наоборот, увеличиваемся и усиливаемся с каждым днем. Упадок Я. Ф. Т. и рост С. Т. Ю. доказывают банкротство коммунистической политики единого фронта с реформистами и торжество идей анархо-синдикализма.

Е. К. Нобушима.

(Из «Кумнаи Ундо» — органа революционных синдикалистов Японии.)

О Т Ч Е Т

По изданию №№ 1 и 2 „А. В.“
(от 19 апр. по 19 авг. 1923 г.)

П Р И Х О Д.

От В. С. Р. и С. О. А. С. А. (Н.-Йорк)	долл. 400,—
От Филлад. Группы	50,—
„ непзв. (пз Амер.)	24,—
„ В. (заимообр.)	23,—
„ Н. („)	3,—
Итого	долл. 500,—
Возвращено кассой по изд. „Ист. мах. дв.“ (см. отч. в № 2 „А. В.“) н. мар.	44.014,—
От продажи № 1-го по-ступило по 19 авг.	50.000,—
Итого нем. мар. 94.014,—	
От П. Л.	болг. лев 100,—
„ Гр. Р. А. в Г. (заимообразно)	арг. пез 15,—

Р А С Х О Д.

Типографская стоимость жур. № 1 (полностью)	долл. 100,—
Сотрудникам за №№ 1 и 2	„ 21,—
Жалование двум платным работникам за 4 мес.	„ 200,—
Типографская стоимость № 2 (искл. брошюровку)	„ 61,50
Размен денег	„ 4,—
Паковочный материал и объявление	„ 1,—
Были даны заимообразно на изд. „Ист. мах. дв.“ (см. отч. в № 2 „А. В.“)	„ 11,—
Граница	„ 7,—

Переводы и переписка для журнала	долл. 2,—
Право вывоза (налог), почт. расх. и экспедиц.	„ 4,—
Итого	долл. 411,50
Сотрудник. за № 1 и 2 н. мар.	50.000,—
Граница	20.000,—
Итого нем. мар. 70.000,—	
Брошюровка № 2	арг. пез 10,—
Почт. расх. и экспедиция	„ 5,—
Итого	арг. пез 15,—
Остаток кассы:	
	доллар. 88,50
	нем. мар. 24.014,—
	болг. лев 100,—

ПРИМЕЧАНИЯ И ПОПРАВКИ.—1) В виду затруднительного денежного положения, Группа вынуждена была, — как для № 3 — 4 „А. В.“, так и для других текущих расходов, — прибегнуть к займам. Задолженность Группы составляет в настоящее время 400 арг. пез и до 200 долларов. Отчет по изданию № 3 — 4, а также очередной шестимесячный отчет Группы (Апрель—Сентябрь) будут напечатаны в след. № „А. В.“ —

2) В отчете по изд. „Ист. мах. дв.“ (см. „А. В.“ № 2) следует в Приходе читать не 5.420, а 5.240 лев. — 3) В том же отчете — внесенные в общий приход, но не фигурирующие ни в заприходованной сумме, ни в суммах расхода 750.000 нем. марок были выделены на расходы по печатанию открыток Н. Махно и будут проведены в соответствии отчета.

Секретарь: Волин.

Сверено: Владимир, С. Горбунов.

К Т О В А Р И Щ А М

Дорогие Товарищи!

Первые номера „А. В.“ — лишь первые шаги по пути к тому, чем мы хотели бы современем сделать наш орган.

Для того, чтобы журнал вполне развернулся и достиг должной высоты и значения, необходимо, — помимо привлечения к нему, в качестве сотрудников, наших лучших литературных и теоретических сил, — также иметь возможно больше живого материала с мест.

Товарищи рабочие! Посылайте нам отовсюду побольше живого материала: корреспонденций, сведений с мест и т. д. Только таким путем сможем мы основательно представить в журнале обзоры, информацию и т. д.

Редакция.

Все денежные суммы для „Анархич. Вестника“ просим направлять по адресу: **Herrn Fritz Kater, Kopernikusstrasse 25 II, Berlin O. 34. Germany**, при сопроводительном письме о том, что сумма предназначена для „Ан. Вестн.“

В виду связанных с текущим моментом денежных затруднений — следующий номер „А. В.“ выйдет снова двойным, к декабрю с. г.